

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

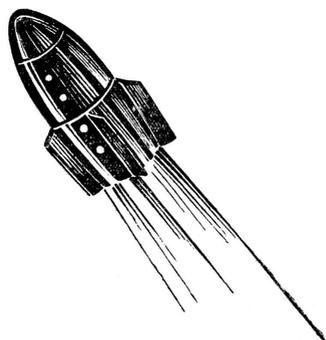

ПЕРЕГОВОРЫ С МАРСОМ

*Антология
советского
фантастического
и приключенческого
рассказа
20-х – 30-х
годов XX века*

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «СПУТНИК™»
2021**

Л. КАЛИНИН

ПЕРЕГОВОРЫ С МАРСОМ

(Руководство для начинающих переговоры
с соседними планетами)

М.: Рогожско-Симоновский Совет, 1924. 32 с.

Л. Калинин.

ПЕРЕГОВОРЫ .... С МАРСОМ

(руководство для начинающих переговоры
с соседними планетами).

МОСКВА.
1924.

Московск. Гублит № 13114.

Тираж 1.500 экз.

Типография Рогожско-Симоньевского Совета, Тулинская ул., 28.

I.

— Аккуратность — вежливость королей, — встретил меня Кричагин, когда я, опоздав на добрых полчаса, пришел к нему.

— Да, всегда аккуратно опаздываю. Найти тебя нелегко в этих московских закоулках, оправдывался я. — Ну, говори, зачем ты меня вызвал.

— Садись. Вот что: не согласишься ли ты уехать со мною на год в Афганистан?

Опешив, я ответил не сразу.

— В Афганистан? На год! Чего это тебе вздумалось?

— Так ты не согласен?

— Что ты! Что ты! Да разве я... Но зачем? Что же мы с тобой там будем делать?

— Да не мы с тобою. Я отправляюсь туда с целой партией. Думаю поставить там радио-телеграфную станцию.

— Так, теперь я понимаю, в чем дело.

— Положим, ты еще ничего не понимаешь. Мне все же хотелось бы получить твое согласие.

— Ты в нем мог быть уверен заранее... А теперь, расскажи пообстоятельней, когда ты едешь, с кем и что за партию ты подобрал.

— Отправляемся мы в ближайшее время. Едет человек пятнадцать. Мною все уже разработано и подготовлено. Все нужное давно было заказано и теперь готово. А дело имеет размах грандиозный. Я хочу построить небывалую радиостанцию. Мое намерение — вести радио-переговоры с Марсом.

Снова я потерял способность мыслить и говорить. Как ни в чем не бывало, Кричагин спокойно продолжал:

— Вот видишь — проекты, схемы, расчеты; — стол был завален чертежами, рисунками, вычислениями.— Это работа многих дней. Не думаю, чтобы я в чем-нибудь крупно промахнулся.

— Но... но, ведь это нелепость!

— Я не сержусь. В моей партии пятнадцать человек, и мне пятнадцать раз довелось слышать это восклицание. Лишь немногим я сразу показал, что они несколько ошибаются. Доказательства я приведу тебе, — он взглянул на часы, — через несколько минут. Пойдем.

Мы прошли в соседнюю комнату — его лабораторию. Там, на всех столах, полках, этажерках и даже подоконниках, были наставлены самые разнообразные сложные и замысловатые приборы. Таких я не видывал. Тут были большие и маленькие ящики, шкатулки, коробки со множеством ручек, контактов, кнопок и штепселей; были диковинные блестящие цилиндры с фарфоровыми наконечниками, электрические лампочки самых странных и неожиданных фасонов, чуткие вольтметры и амперметры, нежные стрелки которых болезненно дрожали от наших шагов, Я еще мог бы узнать динамы, аккумуляторы, индукционные катушки, и реостаты, но большинство жутких, змеевидных спиралей, блестящих дисков, вычурных эбонитовых пластин, странных проволок, унизанных разноцветными стеклянными бусами, и сложных массивных изоляторов казались мне непонятными и таинственными. Многим приборам не хватало места на столах, и они стояли на стульях или просто на полу.

Кричагин зажег уютную настольную лампочку, потушил люстру, и, усевшись перед одним из столов, жестом пригласил меня поместиться рядом. Теперь я вблизи мог рассмотреть загадочные приборы, стоявшие перед нами.

В сущности, все отдельные части были мне знакомы по электротехнике. Но для чего это на одном ящике со всех сторон такое множество ручек, бегающих по блестящим контактам, к чему здесь всюду натянуты клеммы, рубильники, потенциометры; откуда тянутся эти бесчисленные проводники, обмотанные разноцветными шелками; кто су-

меет разобраться в таком множестве стрелок и циферблатов разнообразнейших измерительных приборов. А вот старые знакомые телефоны, но странные — парные раковины их соединены между собою гибкой стальной пружиной.

— Должно быть, ты знаешь, что радиogramмы не пишутся как телеграммы, а принимаются вот в такие телефоны на слух. Точки и тире азбуки „Морзе“ мы слышим в них, как пение комара. Конечно, ты читал, что Марс давно посылает нам радиogramмы. Надень, вот так, этот телефон, и ты услышишь сигналы с Марса. Впрочем, я должен предупредить тебя, сначала будет слышен целый хаос звуков, это работа многочисленных земных станций, я дам тебе знать, когда мне удастся настроиться на работу Марса.

Он включил рубильник, и на верхней крышке ящика вспыхнуло с полдюжины сложных, необычных электрических лампочек, слабо накаленные нити их были окружены металлическими сеточками — лампочки горели, но не светили. Его руки забегали по потенциометрам, реостатам и рукояткам. Вдруг я услышал слабое, как будто бы страшно далекое пение радиogramмы, точки и тире сыпались дождем и настойчиво бились мне в уши. Кричагин плавно поворачивал ручку, пение стало быстро приближаться к нам, в него ворвались другие звуки, смешались и закружились, как снежинки около фонаря. Мы, видимо, слышим много станций: вот хриплый бас, вот жужжащий тенор, писк, кряхтение. Одни гаснут, другие нарастают, и все долбят, долбят, долбят. Голова слегка кружится, телефоны теснят уши, тяжело давит пружина. Звуки скачут, как эльфы, и ворожат в бешеной пляске.

Кричагин упорно скользил ручкой по контактам. Нестройный хор поющих и пляшущих звуков удалился, умчался в бездну, вот, наконец, совсем затих. Трудно сказать, шумит ли в ушах, гудят ли в телефоне тайные силы, стонет ли где-то вдали жалобный хор станций.

Тишина. Мерцают лампы, качаются стрелки приборов, да тикают часы. Мы колдуем, мы дерзко вызываем грозную силу.

Какая-то струна слабо-слабо вздохнула. Еще и еще. Кричагин коснулся моего колена. Не может быть. Неужели это правда? Из бесконечности, болезненно слабо, почти умирая, умоляли о чем-то настойчивые сигналы. Страх за их жизнь, тоску и жалость внушали они: вот-вот угаснут... Но, нет, поворот ручки, и звуки слышны отчетливее, в них больше силы и надежды. Мне мучительно захотелось верить, что это действительность, что и впрямь через смертоносно холодную пропасть миллионов верст, с далекого, неведомого Марса летят к нам эти нежные звуки, просящие о помощи. Мне почудилось, что это правда, радостно замерло сердце, остановилась мысль. Казалось, что замороженный полутьмою, слабым сиянием лампочек и таинственными сигналами, в оцепенении лечу я навстречу быстрым точкам. Вдруг какая-то хрипящая радиостанция грубо закашляла мне в уши.

— Довольно, — сказал Кричагин и стал дергать ручки. Оборвались звуки, погасли лампы, исчезло колдовство.

— Так это правда? С Марса?

— Ты же читал, что мы слышим эти сигналы. Почему бы, не могли послушать их, и ты или я? — ответил, как будто недовольным голосом Кричагин.

Ошеломленный и обессиленный, я встал и пошел за ним в кабинет. Мне не хотелось ни сомневаться, ни расспрашивать. Только, усевшись в глубокое кресло, я почувствовал, что ко мне вернулся дар речи.

— Итак, ты задумал „им“ ответить?

— Да, это моя мечта.

— Хорошо, пусть мы слышим Марс. Но, как и что передать им? Можно ли построить такую радиостанцию? На каком языке, какими сигналами отвечать? Поймут ли они нас? Ведь мы же их не понимаем.

— Конечно, не понимаем. Но все это пустяки. На тысячу твоих вопросов я отвечу — все возможно, все разрешимо. Ты увидишь.

— Итак, я еду. Но скажи на милость, почему же в Афганистан, а не куда-либо попроще и поближе? Нет! нет! Я

спрашиваю не потому, что меня устрашают афганцы^{*)}. Мне кажется, что все эти сложные работы легче провести в цивилизованном месте.

— И легче и труднее, — уклонился Кричагин. — Станция должна быть поставлена в горах, поближе к тропикам. К тому же, я имею разрешение афганского эмира.

— Еще вопрос. Откуда ты знал, в какое время будет работать Марс?

— Знал. И ты будешь знать.

— А! Он, наверное, работает каждый день в одно и то же время? — догадался я.

— Да, а часы проверяет у Мозера или на Арбатской площади — сыронизировал Кричагин.

II.

...С невысоких холмов быстро спускаемся к Ташкенту. Слепит незимний блеск солнца, манят чуждые горизонты, радуют незнакомые скелеты деревьев и силуэты построек. Лесс оборван повсюду крутыми стенами, под ними пласты талого снега крупными зернами сверкают на солнце. Дома на кривых жердочках, плоские навесы, арбы с огромными колесами и равнодушные возницы — „арбакешы“ — верхом на понурых, разукрашенных бусами и раковинами лошадях — все ново, все интересно.

Старая Бухара верстах в двенадцати от станции Каган. По коротенькой ветке шустро бегают туда маленький паровозик с тремя вагончиками. Не без трепета проходишь в неуклюжие ворота в огромной, полуосыпавшейся стене из сырца и сразу же окунаешься в старый, дряхлый Восток.

Мимо кладбищ, где могилы покрыты глиняными сводиками, где конские хвосты на высоких шестах маячат над склепами мулл; мимо мертвых домов, за слепыми стенами которых не чувствуешь движения, ведут путанные проулки в сердце Бухары. Древние люди сидят у лавочек, или, пре-

---

*) Некоторыми исследователями слово «афганцы» переводится — «разрушители».

важно возвышаясь на ковровых седлах, трусят на забавных, семенящих тонкими ножками, ишаках. Иногда пугливая женщина под мертвой волосяной чадрой, с головой покрытая «фараджей», халатом, рукава которой пришиты за спиной к подолу, быстро шмыгнет в закоулок.

Улиц нет. Узкие проходы стиснуты высокими глиняными стенами. Редкие двери, покрытые наивной ветхозаветной резьбой, заперты наглухо, и строго хранят тайны Востока, их крупными коваными кольцами смеют стучать только хозяева. Иногда, в чуть приоткрытые ворота можно увидеть огромные узкогорлые кувшины, ковровые седла, циновки и колеса арбы, составленные в темном нижнем этаже у охапки длинноусого камыша. Шаткая лесенка с резными перилами, покрытая „паласами“^{*)} ведет в таинственные покои гарема. Яркий Али-Баба с огромным кривым кинжалом, в чалме и остроконечных туфлях может выскочить из темного угла этого мрачного двора, и завершить очарование сказки из „Тысяча и одной ночи“.

Здесь вдоль улицы тянется глубокий арык с грязноватой водой. Там большой бассейн, окруженный стройными тополями и густыми кара-агачами, застыл в тяжелой каменной раме скользких позеленевших ступеней. Водонос методично черпает воду треугольным кожаным ковшом и ухитряется наполнить круглый бурдюк через узенькое горлышко. Ишак понуро ждет, когда его навьючат и погонят харкающими окриками. Густая, мутная вода внушает отвращение. Должно быть, особенно хороша она жарким летом, когда бассейн из наводненного арыка наполняется водою раз в две недели.

По крытому базару, более богатому и разнообразному, чем Ташкентский, сквозь пеструю, шумную восточную толпу можно протискаться до обширной площади со старым неприступным дворцом и мечетями. Площадь щедро завалена дынями, овощами, орехами и фруктами; стесненные их грудями, по узким проходам толкаются бездельники-сарты.

Отсюда рукой подать до „Башни Смерти“, с которой еще не так давно сбрасывали преступников. Огромная, раз-

---

*) «Палас» — дешевый неворсованный ковер с зигзагообразным рисунком.

жиревшая на человечесьем мясе труба серого цвета, как гад, сверкает кое-где чешуей синих и желтых изразцов. К чувству негодования и презрения она относится с тупым, холодным равнодушием великана.

Афганистан. Мутные волны пресмыкающихся, рабски прижатых к земле равнинных жителей веками плещутся у ног его, гордого и независимого; разбиваются о неприступные, суровые скалы и мрачные каменные глыбы, ревниво оберегающие свободу и тайну; с хищной жадностью рвутся в запретные, неведомые пределы. Не раз с диким воем трусливых разрушителей вползали они на брюхе на его далекие вершины, чтобы в ужасе отхлынуть назад, унося с собой черную память о неприветливой встрече.

Заносчивый Александр Македонский, тупой и жадный Чингис-Хан, свирепый хромой Гамерлан, тщеславный, холодно-жестокий лорд Робертс, наводняли его своими ордами и полчищами, но всех их с насмешкой выплеснул Афганистан, кое-где оставив под своим ярмом жалкие горсти когда-то гордых победителей.

Афганистан недоступен. Резко отрывающиеся от земли и круто уходящие далеко к небу цепи Гиндукуша закрывают его с севера. С востока мужественных горцев оберегают непроходимые мертвые высоты Памира, иссеченные глубокими трещинами; с юга сумрачно стоят черные дикие крутизны Сулеймановых гор, выжженные горячими лучами и обвеянные сухим дыханием близкой пустыни. Повсюду теснятся громады хребтов, убегающих ввысь от мрака и ужаса своих бездонных ущелий.

Афганистан непроходим. Узкие тропинки, часто недоступные даже горной лошади, слабо цепляясь и чуть держась на крутых бедрах звенящего камня путанной нитью взбегают на головокружительную высоту, чтобы потом стремительно сорваться глубоко вниз.

Редкий и резкий воздух, мучительный для степных пришельцев, губит их то сухим зноем, то внезапным студеным дыханием бездны. Безлюдье, оголенность и неприветливость гранитных утесов вселяет им предсмертную тоску и

жадное желание бежать в родные долины. Не радуют взор широкие, но непроходимые просторы и неприступное раздолье, которое лишь манит и дразнит бессильного, беспомощного, прикованного к вершине путника. Мстительные горы теснят и преследуют его даже тогда, когда он дерзко попирает ногами их поседевшие от тысячелетий головы.

Пустынные обнаженные горы. Кое-где упорный таджик, пугливый аймак, или язычник-кафир с огромным трудом отвоюет у скал тесный клочок земли, вспашет, взлелеет его, засеет „гололом“^{*)}.

На высоко закинутых лоскутах сочной, но недолговечной травы, чуть заметно копошатся стада важных баранов и кротких коз. По редким долинам разбросаны кишлаки нищих туземцев, с трудом кормящихся своими стадами и бедными полями низкорослой пшеницы, бобов, гороха. Только у подножия гор, на небольших просторах отдохнет глаз путешественника, затравленного и истерзанного дикостью утесов и свирепостью ветров рычащих ущелий. Там, по берегам вырвавшегося на свободу потока, теснятся тенистые сады груш, айвы, фисташка, иногда абрикосов, лежат поля риса, джугары и кукурузы, и лепятся к горячим стенам бахчи чудеснейших дынь и арбузов. Лишь на некоторых отрогах Гиндукуша можно встретить колючие заросли диких яблонь, отрадные и приветливые дубовые леса или унылые группы горных сосен и стройных пихт.

Огражденная природой от жадных посягательств соседей, страна воспитала в своих детях стремление к свободе и полной независимости. Скудные, с трудом добываемые средства к жизни, желание делиться ими с гостем, окруженным лишениями и опасностями, вековое влияние Ислама, выработало в них яркое, даже для Востока, чувство гостеприимства. За то та же бедность и невозможность прокормиться толкает мужественных и пылких афганцев на грабежи и коварство.

История искусно соткала пестрый ковер афганского населения из древних иранцев-таджиков, переплетя их с гор-

---

*) «Гололом» — гималайское жито.

ными афганскими племенами афридов и гильзай и остатками чингисханских узбеков, застрявших в тесных провалах. В ярком рисунке этого кровью залитого ковра можно найти даже остатки колоний Александра Македонского, которые дали афганцам красивейших в стране светловолосых, статных женщин, оцениваемых самым высоким калымом.

Свободолюбивые гордые афганцы почти всегда кочевники. Мучительно протянув в плохо склеенной сакле или просто в пещере короткую, но суровую зиму, с наступлением весны он спешит бросить свою дымную дыру и уйти со стадами на родные вершины, где для привычного горногономада так много простора и беззаботного покоя. Только часть их, и то лишь в последнее время навсегда осела в плодородных долинах, чтобы сменить свободную, но полуголодную жизнь пастуха на ярмо обеспеченного, но рабски зависящего от бека земледельца.

С тяжелым вздохом бросили мы прощальный взгляд в равнины на последнем крутом повороте и врезались в горы. День за днем мы то упорно царапались вверх по крутым каменистым тропкам, то с риском свернуть себе шею, скользили вниз, увлекая за собою груды слоистого камня.

Свежее утро быстро, как тропический цветок распускалось в блестящий, всегда яркий день — мы уже мерно качались в седлах; незаметно, высоко всплывало солнце, сверкало на изломах камня и снежных наметах — мы упорно продвигались вперед и вперед; недолго играла на чистых пластах горного неизъяснимо радостными, нежными красками вечерняя заря — а все монотонно кивали головами под нами лошади. Короткий отдых на берегу горного потока или на выпуклой полянке у пастухов-узбеков, недолгий сон под глубоко черным, но прозрачным звездным небом, и опять плывут мимо нас крутые стены, скалы, вершины.

Мы переваливали Гиндукуш.

Недаром “Гиндукуш” — гибель индусов. Он грозил гибелью и нам. Чем дальше мы в него углублялись, тем круче и опаснее были перевалы, подъемы и спуски.

Мы спустились в Кара-Кутэль. Все круче и круче сбегает вниз тропка, и мы со всего размаху врезаемся в узкую трещину, заваленную острыми обломками скал, и на каждом шагу загороженную глыбами гранита. С трудом, местами чуть ли не ползком приходится пробираться в этой мрачной теснине. Жутко. Кажется, что вот-вот шевельнутся каменные стены, сдвинутся складки хребтов, чтобы расправить застывшие в долгом сне члены, и раздавят нас, даже не заметив нашего присутствия. Страстно хочется вырваться из каменных, могилой глядящих объятий. Долго тянется ущелье. Каждая новая скала, каждый острый гребень кажутся в этих вечных сумерках свернувшимся в чуткой дремоте драконом, и невольно умолкаешь, чтобы не разбудить чудовище.

После незначительного перевала Ак-Рабат по хорошей дороге, в конце второй недели нашего путешествия мы прибыли в Бамиан. По обещаниям ленивых горцев, неохотно выползших из своих пещер в Чемчи-Пелу, мы ожидали увидеть городок или, по крайней мере, приличный кишлак.

Ничего подобного. Вдоль стремительной реки в каменных стенах, теснящихся по берегам, длиной вереницей прорыты пещеры, местами в пять этажей, кое-где они уступают место полуразвалившимся замкам и глинобитным хижинам, приткнутым к скалам. Мирный вид реки, с берегами, заросшими плакучим талом, непорочная белизна яблонь, усыпанных наивными цветами; правильные прямоугольники нежно зеленеющих полей рассеяли мрачное впечатление тяжкого пути.

Здесь, в окрестностях, Кричагин решил поставить радиостанцию. Привыкши видеть их всегда установленными на просторе, где им достаточно места для паутины проволочек, я недоумевал, зачем мы забрались в горы, и почему Кричагин ищет ущелье в виде воронки или кратера вулкана. В Бамиане он вел переговоры с наиб-хукуме^{*)}, и просил его указать подходящее место. Хитрый толстоносый наиб долго болтал с проводниками и подробно допрашивал нас через пе-

---

*) «Наиб-Хукуме» — губернатор.

реводчика. Имея же от эмира кое-какие распоряжения, он обещал созвать на другой день совещание из окрестных старшин-аксакалов и дать к вечеру проводника.

Чтоб не потерять зря день, мы осмотрели знаменитых Бамьянских Истуканов: „Силь-Саля“ и „Шах-Мама“. Чудовищные фигуры высотой в 200 и 150 футов стоят в углублении скалы, вырубленные в цельном граните. Века пролетели над ними, злая рука победителей, всегда воодушевленных к разрушению, бессильная уничтожить, попортила их там, где могла дотянуться, а все стоят они и будут стоять еще тысячелетия. На голову „Шах-Мама“ ведет проточенная в скале лестница, темнота и грязь делают ее похожей на заднюю лестницу старого столичного дома.

Под руководством аксакала Аммула мы должны были найти вблизи Бамиана горную воронку. Описания нашего проводника вполне удовлетворяли Кричагина.

Верст 20 прошли мы вдоль реки по ужасной дороге и свернули в ущелье, из которого прорывался в реку бурный кипящий поток Сихта.

— Дальше дороги не будет, — предупредил нас Аммула.

Значит, то, что было до сих пор, он считает дорогой!

Нависшая над взбешенным потоком тропинка испуганно жметя к скале. Только уверенный шаг привычной лошади отвлекает от мысли о неминуемой гибели, от желания без борьбы броситься вниз, куда все равно неизбежно сорвешься. Невольно изгибаешься к стене и, затаив дыхание, крепко сжимаешь ногами лошадь. Кружится голова. Каждый раз, как скользнет по камню копыто, останавливается сердце, леденеет кровь.

Свернув от потока в сторону, после холодной ночевки на большой высоте, мы перешли гребень, и к концу второго дня подошли к странно покойному озеру. Его тихая поверхность отчетливо отражала дикие скалы крутых берегов, кое-где покрытых лесом.

Чувствуешь невольный страх перед таинственной бездонной массой прозрачной воды. Если болотное озеро с засасывающими берегами и неопределенным илистым дном,

полным корневищ и коряг, вызывает жуть, то предательская красота черной воды, стиснутой отвесно-крутыми, скользкими скалами, внушает какое-то новое, неприятное чувство и желание уйти подальше от берега.

В одном месте вода из озера бросалась вниз с большой высоты в расщелину, образуя на дне ее горный поток.

Окружным путем пришлось спуститься к потоку, и через каких-нибудь полчаса мы были в глубокой яме. Прежде, чем Аммула указал нам на нее, Кричагин воскликнул:

— Это лучшее, на что я мог рассчитывать. Наиб выполнил свое обещание.

Правильное, круглое углубление, на дне которого мы стояли, смотрело в небо своим жерлом. Сажень на 100 вверх из-под наших ног убежали довольно крутые, амфитеатром раскинутые стены.

Воронка была сверху донизу разрезана на два половинки вечно шумящим потоком. Никого из нас не привлекала эта глухая мрачная дыра, в которой нам предстояло надолго застрять.

III.

В начале 1920 года в газетах промелькнули сбивчивые сведения о сигналах, принимаемых многими радиотелеграфистами; высказывались предположения, что эти сигналы приходят к нам с Марса. Известия на этот счет повторились и в следующем году, когда прямо указывалось, что Марс дает нам определенную букву, именно „С“. Позже говорилось о специальной яхте, которую оборудовал радиоинженер Маркони, чтобы в открытом море принимать таинственные сигналы. Возможно ли это? Имеют ли эти догадки под собою какую-нибудь почву?

Когда радио-телеграфист дежурит на приемной станции и, вращая ручки приборов, настраивается на работу то одной, то другой радиостанции, он слышит эту работу в телефоны, постоянно надетые ему на уши. Вместо того, чтобы знаки „Морзе“, состоящие из точек и тире, принимать на ленту, он принимает их в виде коротких и длинных жужжа-

ний „на слух“, и, разбираясь привычным ухом, записывает радиограмму. На передающей же станции эти сигналы выстукиваются ключом совершенно так же, как и в обыкновенном телеграфе. Радиотелеграфист не знает, с какого направления приходит радиограмма, где расположена сигнализирующая ему станция. К регулярным сигналам, принимаемым телефоном, примешиваются обыкновенно шумы, трески, шорохи, объясняемые отдаленными грозами, тихими электрическими разрядами, магнитными бурями, влиянием северных сияний и солнечных пятен, а иногда и не имеющие объяснения.

Скептики указывают, что сигналы могла давать какая-нибудь тайная станция, что шумы и трески новых, неисследованных явлений ввели в заблуждение радиотелеграфистов. Но одинаковая степень слышимости сигналов на всех радио-станциях земного шара и возможность определить специальными радиопеленгаторами расположение тайного передатчика уничтожают первое возражение. Второе же, действительно, вызывало сомнение.

Детально исследовав таинственное явление, Кричагин сделал наблюдение, вселившее в него непреодолимую уверенность в том, что сигналы дает нам Марс и именно Марс, а не какая-нибудь другая планета.

На Земле установился обычай проверять все часы по радио. Ровно в 12 часов ночи по гринвичскому меридиану радиостанция „Эйфелева Башня“ дает сигнал о наступлении новых суток. Сигнал расходитя по всем радиусам^{*)}, и принимается всеми станциями, расположенными в сфере действия Эйфелевой Башни. Поверка производится каждые 24 часа.

Кричагин заметил, что сигналы „С“ повторяются с неизменной точностью через каждые 24 часа 37 минут 23 секунды. Осененный внезапной догадкой, он схватил учебник Астрономии и, лихорадочно перелистав его, нашел, что...

„Суточное вращение Марса равно 24 ч.37 м. 23,65 сек.“.

---

*) Откуда название — „радио“- телеграф.

Сомнений не было...

Но возможно ли поставить на Земле радиостанцию такой мощности, чтобы работа ее была слышна на Марсе?

Судите сами. Дальность действия передатчика зависит от той мощности, которая на него затрачивается. Чем сильнее его двигатель и динамо-машина, тем дальше он пошлет радио-

грамму. При мощности мотоциклетного двигателя силы в 2-3 можно послать сигналы верст на 200. Автомобильным двигателем 15-20 лошадиных сил можно работать верст на 800. Самые мощные радиостанции расходуют около 300 сил и достигают дальности действия на несколько тысяч верст. Если построить станцию на 500 сил, то ее будет слышно во всех частях света, значит, ее работу примут даже „антиподы“, т. е. живущие на диаметрально противоположной точке земного шара. А что такое 500 лошадиных сил? Ничтожная мощность. И этой небольшой силой мы посылаем сигналы на 20.000 километров, т. е. на половину окружности земли, причем, что крайне важно, волна, отправляемая такой станцией для достижения антипода, должна пройти не по легчайшему прямолинейному пути, а по дуге

Чтобы легче разобраться во всех явлениях радиопередачи, радиостанцию можно смело сравнить со свечой, или, лучше, с обыкновенным маяком. Что посылает по всем радиусам маяк? Лучи света. А что такое свет?

По теории Максвелля, установленной им в 1867 году — свет это электромагнитные колебания эфира. Всякие колебания, а следовательно, и электромагнитные, имеют свою длину волны. Если она равна 0,0004 миллиметра, то мы имеем дело со светом фиолетовой окраски, в два раза большая волна, в 0,00076 миллиметров даст красный свет. А если взять электромагнитные волны не в тысячных долях, а в метрах и даже в сотнях метров, какого цвета будет луч? Цвета не будет никакого, луч не будет светиться. Это будут все такие же электромагнитные волны, но только применяемые не для освещения, а для радиотелеграфирования.

И наоборот. Если бы мы сумели волну радиостанции с 3.000 метров уменьшить до 0,00076 миллиметра, то антенна станции, вместо радиотелеграммы, излучала бы холодный, неяркий красный свет. Значит, разница между маяком и радиостанцией очень незначительная, и заключается лишь в различных длинах рождаемых ими волн, причем длинные, т. е. радиотелеграфные волны отличаются способностью лучше преодолевать препятствия и действовать на большее расстояние. Родственность световых и радиотелеграфных волн лучше всего подтверждается одинаковой скоростью их распространения, равной 300.000 километрам в секунду.

Допустим теперь, что в Америке установлен маяк для световой сигнализации на Марс. Разумеется, чтобы свет его был так далеко виден, он должен быть необычайно силен и ярк. Но, как бы сильно он не сиял, его блеск, его зарево не будут видны антиподам, закрытым всем земным шаром. В лице же 500 сильной станции мы имеем маяк, дающий сноп невидимых лучей такой силы, что они принимаются на противоположных пунктах Земли. Значит, если невидимый антиподами маяк может светить до Марса, то, тем более, принимаемый антиподами радио-маяк будет там, на Марсе, принят.

Существует теория, по которой радио-волны, метнувшись вверх на 150 километров, не вырываются в междупланетное пространство, а отражаются от особого верхнего слоя атмосферы, иначе ионизированного, чем нижний. Только этими отражениями и можно объяснить, как это сделал Хивисайд, способность прямолинейных, в сущности, волн огибать земной шар.

Может ли это нас остановить и обезоружить? Конечно, нет. Во-первых, врываются же из пределов атмосферы радио-сигналы Марса, раз они до нас доходят. Во-вторых, отразиться может лишь некоторая часть волн, под углом ударяющихся о верхний слой атмосферы; отражаются, таким образом, только боковые пучки волн; волны же, идущие вертикально, пронизают все слои атмосферы и уносятся в бесконечность.

Расстояние от земли до Марса свыше 60.000.000 километров. Какая мощность нужна для передачи туда сигналов? Подсчитать это очень трудно, так как до сих пор весь радиотелеграф больше строится на опытных данных, чем на теоретических подсчетах. Опытов в этом направлении не имеется, надо было сделать первый шаг.

Кричагин предполагал взять сравнительно огромную мощность в 10.000 лошадиных сил и надеялся добиться надлежащего успеха.

— Да неужели, нам удастся построить здесь такую радиостанцию? — усомнился я.

— Удастся, друзья мои. С вашей помощью удастся. Правда, мы усложнили свою работу, забравшись в непроходимые горы, далеко от цивилизованных мест, от заводов, которые нам так необходимы. Но здесь нам никто не мешает, да и мы будем меньше мешать своей очень сильной работой. К тому же, все равно, для переговоров с Марсом радиостанцию нужно установить в горах, именно в такой вот воронке, чтобы получить от особой формы антенны максимум вертикальных волн. Трудные перевалы остались позади, от станции Джелалабад до Бамиана ведет отличная дорога. Все можно повезти хоть на грузовиках. Трудны только последние два перехода, но, может быть, удастся исправить эту дорогу.

— Дорога дорогой, — перебил я его, — но самое трудное впереди. Как мы сговоримся с Марсом? Как поймут они нас? На каком языке будем вести переговоры? Откуда мы узнаем их азбуку?

— На это я отвечу, когда будет готова станция, — опять уклонился Кричагин.

Много пришлось поработать, чтобы привезти в „Волчью яму“ радиостанцию. Целыми днями возили на ишаках и на лошадях, таскали на себе, спускали на веревках, сплавливали на плотках по озеру бесконечное количество ящиков, тюков, бочек, железных полос и чугунных отливок.

Кричагин поделился однажды с нами своими соображениями:

— Я предполагаю на краях „Ямы“ поставить восемь не очень высоких мачт. Дружным хоромом они будут поддерживать густую сеть антенны в виде воронки. Второй симметричный ряд проволок, проходящих уже вблизи самых стен ямы, составит противовес. Такой формы антенна будет лучше всего отбрасывать волны в небо. Десять тысяч лошадиных сил мы получим от десяти авиационных моторов по тысячи сил каждый.

— Какой же длины будет у нас вал?

— Вал будет очень короткий, потому, что моторы мы не будем ставить один за другим, а расположим вокруг вала на особой арке с десятью площадками.

К концу осени уже намечались общие контуры станции.

Была готова арка, и даже часть двигателей в собранном виде стояла на своих местах. Моторист Почарский с помощниками возились над авиадвигателями, и, выбирая из множества ящиков разнообразные, блестящие, непонятные для нас части, собирали из них изящные, очень сложные моторы, отдаленно похожие на автомобильные. В безопасном месте в стену горы были врыты баки с бензином, из них змеями тянулась сложная система трубопроводов.

Наступление зимы заставило нас поторопиться и защитить моторное помещение большой брезентовой палаткой на полукруглых железных фермах. Почарский продолжал свою работу, а мы уже натягивали антенну. Длинные стальные змеи, обвитые медной проволокой, были равномерной сеткой разложены по кручам ямы и подтянуты к мачтам, концы их пучком сходились внизу под крышей станции. Вскоре опрокинутый конус туго натянутой антенны своей широко раскрытой пастью готов был крикнуть ответ небу.

Весною, а в Афганистане она наступает довольно рано, почти все было закончено. Часто из палатки доносился ровный рев очередного мотора, законченного установкой и проверяемого Почарским.

Помогая во всех работах, я понемногу ознакомился с устройством радио-станции и знал назначение и действие

каждой детали. Оказывается, что для радиопередачи надо пустить в антенну особый переменный ток. Обычный городской ток не годится для этой цели, он меняет свое направление только 100 раз в секунду! Только. Эта не удовлетворяет радио-телеграфиста, ему нужно, чтобы ток менял свое направление 200.000 раз в секунду. На радиостанциях устарелых конструкций такой ток получается при просакивании электрической искры.

Кричагин построил особого типа динамо-машину высокой частоты. Такие динамы требуют очень большого числа полюсов и значительной скорости вращения. Большая скорость вращения создает такую огромную центробежную силу, что небольшой кусок металла, оторвавшийся при работе, разрушает машину, как тяжелый артиллерийский снаряд. Эта опасность заставила Кричагина дать статору вращение навстречу движению якоря, так что число оборотов как бы удваивалось без риска ужасной катастрофы. Кроме того, были установлены особые трансформаторы частоты системы Арко, которые и дали нам нужный эффект. Эти трансформаторы занимали добрую половину помещения станции.

Приятно было пройти всюду и осмотреть то, что делал своими руками.

На стальной, легкой арке, под брезентовой палаткой симметрично расположены десять небольших площадок каждая, с шестнадцатилетним-цилиндровым двигателем системы „Нэпир-Кэб“, они похожи на самые обыкновенные автомобильные моторы, по четыре штуки звездообразно соединенные общим картером. Каждый цилиндр дает 66 лошадиных сил. Двигатели очень легки: одна сила весит, так сказать, два фунта. В центре арки расположен короткий вал. Его десять небольших шкивов вращаются при помощи стальных ремней, надетых на маховики моторов. На вал насажена огромная динамо-машина с большим числом полюсов. Это самое сердце станции, отсюда пойдет электрическая кровь по медным жилам антенны; на него мы смотрим со страхом и упованием.

В другом здании стоят закутанные в блестящий черный эбонит катушки-трансформаторы, они огорожены решетками, так как таят опасность для жизни. На стене мраморная распределительная доска с измерительными приборами, предохранителями и рубильниками. Рядом с ней крутая спираль для изменения длины волн. В стороне у единственного окна стоит стол с ключом «Морзе» — это язык станции, маленький и невзрачный, он полон таинственной силы. Рядом сложные приборы приемника с лампами, реостатами и телефонами.

Наружу под нашими головами правильной воронкой убегают вверх стальные канаты антенн длиной около 300 метров; ниже, почти вдоль самых стен воронки, симметрично с антенной растекаются проводники противовеса. Вот и все. Что-то слишком просто, чтобы можно было верить в успех нашего небывалого предприятия.

В марте, в один прекрасный вечер, Почарский, вымазанный маслом с ног до головы, вылез из-под арки и заявил Кричагину:

— Готово, все двигатели отлично работают.

— Значит, все кончено, — сказал Кричагин при торжественной тишине, — сейчас попробуем работу станции и отпразднуем ее открытие, а завтра ответим Марсу.

Мы замерли от волнения, а потом веселой гурьбой повалили в палатку.

— Запускай!

Вскоре все десять моторов оглушили нас дружным ревом.

Сквозь кожух было видно, как бешено вертится динамо, сливаясь в дрожащий круг. Все в порядке. Мы перешли в станционную. С непонятным для меня спокойствием Кричагин замкнул рубильник и нажал ключ. Резко рванулась стрелка антенного амперметра и пошла, и пошла вправо. Чем сильнее работает станция, тем дальше она уйдет.

150 ампер, 200... дальше, дальше. Ура! 1600 ампер! Нет сомнений, нас услышат на Марсе! Мы мечтали лишь о 800 амперах.

— Смотрите, смотрите!

Углы и выступы трансформаторов сияли расплывчатым синим ореолом.

— От сильнейших напряжений — объяснял Кричагин, — это для нас не опасно.

VI.

— Ваши вопросы относительно способа переговоров, языка и азбуки, ваши сомнения о возможности договориться мне всегда казались наивными — начал Кричагин. — О, как легко решилось бы все, если трудности сводились бы к подысканию языка. Поставьте мне действительные затруднения, предположите, что марсиане вовсе не имеют ни языка, ни азбуки, допустите, что они сносятся между собою другим, каким угодно сложным, непостижимым для нас способом. Даже в древние времена люди обладали большей фантазией в этом направлении.

Как слабы современные писатели, которые не идут дальше остроконечных колпаков и халатов с длинными рукавами на марсианах. Какая бедность воображения сковывает многочисленные рассказы, в которых авторы, раз навсегда, уцепившись за злополучное электричество и радиотелеграф, им совершенно неизвестные, всего достигают посредством электрических кнопок или с помощью неведомого радия, притягиваемого ими за волосы на каждом шагу, ни к селу, ни к городу. Еще Лукиан Самосский в 150 году по Р. Х. остроумно обращал в дым умирающих лунных жителей. А Сирано де Бержерак? Он обладал достаточной фантазией, чтобы лишить их речи и заставить сноситься между собою посредством музыки. По его мнению, самые сложные и трудные вопросы, требующие общего обсуждения и прений, на Луне решаются высшей расой в благозвучнейших концертах, а люди низшей касты объясняются между собой дрожанием пальцев, носов и ушей. Сирано де Бержерак писал это в 1659 году!

Сейчас я сам поставлю перед собой какие хотите трудности. Прежде всего, допустим, что марсиане не обладают

ни даром речи, ни слухом, ни зрением, и не имеют о них никакого представления. Мы знаем одно: они владеют тайной радиотелеграфа, пользуются им в своих сношениях и посылают нам сигналы. Как обходятся они — совершенно не известно, но раз они работают радиотелеграфом, значит, они радиосигналы каким-то чувством воспринимают; мы принимаем на слух или на ленту, а они, может быть обонянием, или совершенно новым восьмым, двенадцатым чувством.

Как далеко вперед смотрят марсиане, когда передают нам сигналы; они же не знают, каким чувством мы их принимаем, важно лишь, чтобы мы их приняли.

Вспомните американку Елену Келлер: она родилась и всю жизнь была слепой и глухонемой, и, все-таки, развернулась в образованного человека, окончившего Кембриджский университет.

На каком же языке мы будем говорить? На каком хотите, хоть на китайском.

— На китайском? — вскочили мы в недоумении.

Мне показалось, что отпахнулась войлочная пола кибитки, мягко ступая, вошел маленький церемонный китаец в пестром халате и шапочке с павлиньим пером, и присев на корточки, кланяется и дразнит нас, как фарфоровый болванчик. Это он откроет нам великую тайну, и полный древнейшей китайской мудрости, возьмет на свои узкие плечи все трудности разговоров с марсианами.

— Пожалуй, не совсем на китайском, но все-таки... Известно, что люди сносятся между собой не только при помощи речи, но и посредством письма, различных сигналов, условных знаков. Чтобы воздействовать на других, мы прибегаем к музыке, картинам; чтобы передать другим какое-либо понятие, предостережение, известие, мы прибегаем к мимике, жестам, условным значкам. Разве красный фонарь на пути поезда не передает машинисту целую фразу, сложное и очень важное для него понятие, разве силуэт кисти с вытянутым указательным пальцем не служит для вас красноречивым советом? Значок умножения или извлечения

корня, да, наконец, вся арифметика понятна и для финна, и для англичанина. Скажите, на каком языке вы пишете цифру 1924?

Я сослался на китайцев только потому, что они владеют наиболее совершенным письмом. Да, да! Не удивляйтесь! Каждое понятие имеет у них свой значок, недаром в китайской азбуке 36.000 букв. Это идеографический способ изображения понятий имеет неоспоримое преимущество; будь он принят всем миром, не было бы нужды ни в „волапюке“, ни в „эсперанто“. Китайский способ письма называется «пазиграфическим», т.е. изображающим мысль так, что она понятна для всех. Говорящие на совершенно разных языках северные и южные китайцы, японцы и корейцы свободно читают и понимают одну и ту же газету. Может быть, это странно для вас, считающих китайскую тарабарщину никому не понятной. Оказывается, вздорная китайщина глубоко разумна. Человечеству всегда открыта возможность сделать огромный шаг по пути прогресса последовав примеру китайцев, но оно слишком косно, чтобы решиться на это. Правда, китайские иероглифы имеют свои недостатки: во-первых, они слишком сложны, во-вторых, китайцы придерживаются весьма неудобного обычая вместе с переменной династии менять и весь алфавит.

Другой способ изображения понятий — фонетический. Здесь каждый самостоятельный звук имеет определенную букву. Не стану распространяться, вам он известен. Но обратите внимание: каждое слово имеет всегда определенное изображение, и мы быстро читаем только потому, что нам хорошо знакомы рисунки каждого слова; в конце концов, мы читаем не по буквам, а как китайцы, по иероглифам. Если же нам попадется новое слово, то мы синтезируем его крайне медленно. То, что одинаковые понятия, например, „хлеб“ и „вода“, произносятся различными народами по-разному — это несчастье, но то, что они изображают их различно — уже глупость.

Я не буду говорить о силлабическом, т.е. слоговом методе, он удобен только в том отношении, что сокращает рукопись.

Как и в обыкновенном письме, при азбуке „Морзе“ каждое слово имеет раз и навсегда установленный рисунок из точек и тире. Значит, для каждого слова имеется как бы свой иероглиф. Нам остается только дать знать, какая мысль скрывается за каждым таким иероглифом, и они будут нас понимать, не подозревая даже, что эти значки имеют своеобразную звуковую передачу.

Вот тут-то и возникают непреодолимые затруднения, скажете вы. Ничего подобного. Сумел же какой-то английский клерк, в свободное от скучной конторской переписки время, не зная ни египетского языка, ни египетской азбуки, прочитать непонятные до тех пор иероглифы. Я скажу больше. Люди прибегают к самым замысловатым, чрезвычайно сложным способам, о каких вы и не подозреваете, чтобы зашифровать свои сообщения, передаваемые по радио, так как любую радиограмму может принять всякий, и все-таки считается установленным, что нет такого шифра, секрет которого было бы невозможно открыть специалисту. Так неужели же две высокоразумных группы: марсиане и люди, постигшие тайну телеграфа, имеющие возможность посылать друг другу сигналы, воодушевленные желанием понять и изучать соседей, не сталкиваются? Нет, тысячу раз нет! Этого не может быть.

Все-таки, каким же образом, передавая комбинации точек и тире, мы дадим знать марсианам о понятиях, за ними скрывающимися? Какие иероглифы мы будем давать, чтобы сговориться с Марсом?

Завтра, в 2 часа 37 минут дня по нашему меридиану, по часам нашей станции, мы получим очередной вызов с Марса. Что им ответить для первого раза? Они дадут нам букву „С“, мы повторим эту букву десять раз, не больше, не меньше. Вы потом увидите, почему. Я верю, что Марс услышит или, вернее, по-своему примет наши сигналы. Я верю, что мощность нашей станции достаточна для этого.

Прежде всего, марсиане сразу увидят, что им кто-то отвечает, они же с огромным нетерпением ждут ответа уже не первый день, а может быть, к нашему стыду, и не первое

столетие. Поймут. Вообразите их ликование. Раз так, связь уже установлена. Думается, что они не будут ждать наступления следующих суток, а немедленно снова нам что-нибудь сообщат, допустим, опять ту же букву „С“. Это будет значить, что они нас приняли. Тогда и мы не ударим лицом в грязь по части ликования. Наступит наша очередь отвечать, и мы пошлем им первую радиотелеграмму:

„Десять точек, десять точек, десять точек...” и так десять раз.

— Почему такую?

Нам нужно начать с самого простого. Начнем с арифметики. Вы увидите, как дальше мы пройдем с марсианами астрономию, физику, химию, геометрию. Это легче всего, так как законы этих наук общи для всей вселенной. Прежде всего, надо дать понять марсианам, что у нас на земле в основу положена десятичная система исчисления. Вам никогда не приходилось задумываться над этим, а это очень существенно. Мы считаем десятками, сотнями, т. е. десятками десятков и т. д., а можно было бы считать дюжинами или не идти дальше семерки, и пользоваться только восемью цифрами. Тогда дважды шесть было бы не двенадцать, а четырнадцать, так как восьмерки и девятки в нашем распоряжении не было бы. Привычка считать десятками чисто земная и совершенно случайная, она перешла к нам из времен глубокой дикости, когда люди, одетые в шкуры, считали по пальцам, т. е. десятками. Владей человек семью пальцами, он не помышлял бы о десятичном счете. Вот почему нашей первой обязанностью будет дать знать марсианам, что десятки имеют для нас какое-то значение. Не велика беда, если они не поймут этого сразу.

Что могут они ответить, если захотят дать понять, что они приняли нашу радиограмму? Да повторить ее целиком. Лучшего и более выразительного ответа я и не желаю. Вообще, лучше если они от себя ничего не станут нам сообщать, если вся инициатива останется в наших руках, тогда нам не придется ломать голову над их ребусами. Впрочем, пусть дадут, что хотят: если мы их не пойдем, то хоть нако-

пим ценный материал, в котором разберутся другие. Возможно, что обстоятельства вынудят нас повторить первую радиограмму, а может быть — не один раз.

Какова же будет вторая радиограмма?

„Точка, две точки, три точки...”, — и так до десяти точек.

Третья. Точка, буква „п“, точка буква „р”. Да вот... — он вынул лист бумаги и написал:

. п . . . . р . . . .
 . п . . . . р . . . .
 . п . . . . р . . . .
 . п . . . . р . . . . и т. д.

— Четвертая:

. . п . . . . р . . . .
 . . п . . . . р . . . .
 . . п . . . . р . . . . и т. д.

— Посмотрите. Понятно, в чем дело. Ясно, самое простое сложение. Буква „п“ означает плюс, буква „р“ — равняется. Если хотите, мы можем взять другие буквы, лишь бы хоть каким-нибудь рисунком изобразить понятие плюса, минуса и равенства.

В пятой, шестой, наконец, десятой телеграмме мы передадим им понятие простейшего сложения и вычитания. Затем перейдем к изображению чисел не точками, а цифрами, настойчиво повторив одну и ту же телеграмму раза три.

„ . р 1 . . р 2 . . . р 3 . . . . р 4 “ и т. д.

Тут-то и важно понятие десятичной системы, когда рядом с десятью точками мы поставим двухцифровое „10“, а рядом с двадцатью семью — „27“. Я думаю, что если в пятнадцатой радиограмме мы им пошлем уже цифрами:

„27 ум 21 р 567“,

то они сразу поймут, что мы 27 умножаем на 21 и получаем 567, и нам не придется выбивать 567 точек подряд.

Допустим, что передача всей арифметики: сложения, вычитания, умножения, деления, возведения в степень и извлечение корня со всеми примерами и решениями задач со скобками займут у нас полсотни телеграмм. Что же дальше?

Дальше нам надо передать понятие о наших единицах измерения времени, длины, веса. Как заставить их узнать о нашем исчислении времени, вы мне сами подскажете: это просто. Будем давать телеграммы с определенным обозначением времени, сначала через час, потом каждые два, три, полтора часа и т. д. Я думаю, они быстро разберутся и поймут, в чем дело, когда перед каждой радиограммой мы будем ставить номер и время, как это делается на земле. Отсюда они узнают, что такое сутки, неделя, месяц, год... Да, вероятно, они не хуже нас знают, что такое наш год в 365 дней, как и мы из астрономии знаем, что их год имеет 663 дней 23 часа 30 минут 41 секунду по марсианскому исчислению, или 637 земных дней.

Труднее будет дать им представление о метре. К этому вопросу можно подойти с двух сторон и решить его двумя способами. Во-первых, вы знаете, что радиостанции работают волнами различной длины и могут измерять эти волны в метрах. Будем, работая на волне в 8.000 метров посылать радиограмму:

„8:000 мт. 8.000 мт. 8.000 мт. “.

Работая на волне в 6.000 метров:

„6.000 мт. 6.000 мт. 6.000 мт. “,

и так для 5.000, 4.000 и, наконец, 3.000 метров; ниже, по конструкции станции, мы пойти не можем. Если придется, повторим им это несколько раз. Сам Марс работает постоянно волною около 6327 метров. Знают ли там о длинах электромагнитных волн? Скорее да, чем нет. Закон электромагнитных колебаний непреложен для всего мира. Нам известна вся шкала длин волн. Самые короткие волны это — излучаемые радиоактивными веществами, самые длинные — радио-телеграфные.

— Да вот она, эта шкала.

Он вынул записную книжку:

Название лучей.	Длины волн.
Лучи радиоактивных тел	0,000.000.007 миллиметра.
Лучи Рентгена	0,000.000.2 "
Ультрафиолетовые лучи	0,000.3 "
Лучи солнечного спектра	от 0,000.4 до 0,000.7 м.м.
Волны Лебедева	около 6 м.м.
Волны Герца	2 метра.
Волны радиотелеграфные	от 150 до 25.000 метров.
Волна городского переменного тока	6.000.000 метров.

Если им известна она вся или хоть отчасти, то мы быстро заговорим о самых последних завоеваниях земной науки в области радиоактивных явлений. Но не будем торопиться. Воспользуемся волнами для передачи понятий единицы измерения длины. Очень мало оснований предполагать, что они нас не поймут. А если это случится, то мы найдем другой способ добиться своего. Нам может прийти на помощь астрономия. Перелистните страницу книжки и вы увидите таблицу.

Название планет.	Расстояние от солнца.	Продолжительность года.
Меркурий	58.000.000 кил.	88 дней.
Венера	108.000.000 "	224 дня.
Земля	149.000.000 "	365 дней.
Марс	227.000.000 "	687 дней.
Юпитер	775.000.000 "	11 лет.
Сатурн	1.421.000.000 "	30 лет.

— Измерение времени в наших сутках им известно. Допустив, что марсианам, которым знаком радиотелеграф, известно и кое-что из астрономии, мы составим такую радиограмму:

„Солнце 0, Меркурий 88 дней, Венера 224 дня, Земля 365 дней, Марс 687 дней, Юпитер 11 лет, Сатурн 530 лет”.

Неужели вы не согласитесь с тем, что загадка телеграммы будет раскрыта тотчас же? Мне думается, наши телеграммы будут читать наиболее просвещенные марсиане. Марсианам, я еще раз повторяю, совершенно не нужно чи-

тать и как-то произносить получаемые ими слова, они только будут знать, что такая-то комбинация точек и тире означает понятие „Венера“, и если опять они с нею встретятся, им уже будет известно, о чем идет речь. А встретятся они с этими названиями в следующей же радиограмме, где мы к известным уже названием планет присоединим расстояние их от Солнца, в километрах. Отсюда они будут знать о нашей единице измерения.

Смотрите, какой материал у них уже накопился. Были ли сделаны слишком сильные натяжки для того, чтобы доказать возможность передачи таких понятий, как: число, цифра, все арифметические действия, часы, сутки, год, метр, километр и, наконец, названия планет. Конечно, мы можем натолкнуться на неожиданную неудачу, которая разрушит все наши расчеты, как картонный домик. Разумеется, в нашем предприятии имеется большой риск, все же оно далеко не так безнадежно, как это вам думалось до сих пор. Наконец, возможность неудачи не лишает нас права и не снимает с нас обязанности начать переговоры. Мы будем бороться до конца, хотя бы потребовались столетия для взаимного понимания.

Еще одно замечание. Положим, они будут повторять каждую нашу радиограмму, чтобы дать знать о том, что они ее приняли, а как они могут сообщить о том, что они ее поняли. Они сделают это так, как сделали бы мы, находясь на их месте. В ответ на нашу телеграмму:

$$„3 \times 8 = 24, 6 \times 71 = 42“$$

они нам сообщат:

$$„6 \times 9 = 54, 5 \times 8 = 40“$$

Когда они поймут, что такое, например, час, то они по-нашему же способу дадут знать, какова их единица времени. Трудно будет работать, если у них различные понятия передаются различным числом колебаний в секунду, но и тогда

мы будем принимать радиogramмы на фонограф, и по его нитям разбираться в сигналах. Но простота их буквы „С“ устраняет такое сложное допущение. *)

Если нам улыбнется удача, то тем же астрономическим способом мы передадим понятие о весах планет, а, следовательно, и о единице этого измерения.

Углы наклонов осей вращения планет к эклиптикам помогут нам перейти к углам и к геометрии. Таблица длин волн откроет нам возможность углубиться в гамму волн спектра, а там, смотришь, нам удастся договориться о спектральном анализе, это не так трудно, и перед нами широко раскроются двери химии, физики.

А геометрия. Да представляете ли вы, как она нам поможет? Почти сразу от углов мы сможем перейти на систему прямоугольных координат, и точками передавать любой рисунок. Воображаю, как они будут довольны, когда в 201-й телеграмме мы точками дадим им карту их родного Марса.

Наконец, в нашем полном распоряжении радиотелефон...

Довольно мечтать. Уж поздно. Утро вечера мудренее.

V.

„Астрономия, без сомнения, потеряла бы сразу свое почетное место в ряду точных наук, если бы ее представители стали при своих исследованиях увлекаться гипотетическими вопросами вроде того, что обитаем ли Марс. Задачами ее являются наблюдения за движениями светил, изучение законов их движения, а также физических свойств. И было бы странно упрекать науку за то, что она не пускается по этому поводу в отвлеченные рассуждения“.

Вот мнение истинного ученого. Широкая же публика считает обычно научными вопросами, относящиеся к области алхимии, астрологии или хиромантии, и, не зная истинных путей достижения науки, думает, что задачей ее являются доказательство или опровержение вопросов мистики,

---

*) Буква „С“ по азбуке „Морзе“ передается тремя точками.

метафизики или спиритической чертовщины. В силу этого, ничто не имеет такого успеха в толпе, как производимая с узкими целями невежественная спекуляция великим именем науки.

Не из простого любопытства, не из тщеславной погони за очередной сенсацией направляют с неумолимым упорством астрономы свои трубы чаще всего на Марс. Уран и Нептун слишком далеки от нас. Венера и Меркурий мало доступны наблюдению. Несмотря на свою близость к Солнцу, они зябко кутаются в непроницаемую пелену облаков, к тому же не вращаясь вокруг своей оси, они постоянно греют на Солнце одну лишь свою сторону, так что на ней вечно горячий день, в несколько сот градусов тепла, в то время, как обратная сторона влачит мрачное существование в бесконечной зимней ночи. Марс же во всем подобен Земле, и возможность его обитаемости разумными существами, по мнению астрономов, не исключена.

В плавном полете, безмолвно и неустанно кружась около Солнца, раз в 15 лет Марс и Земля сходятся на расстояние каких-нибудь 56.000.000 километров, чтобы затем через $7\frac{1}{2}$ лет разойтись на расстояние 397.000.000 километров. При наибольшем сближении, которое происходило в 1878, 1893, 1903 и, наконец, в 1924 году, кажущийся диаметр Марса только в 75 раз меньше лунного. Этим временем жадно пользуются все астрономы, усердно наводя на него жерла своих телескопов.

Целая плеяда астрономов сумела сделать свои имена бессмертными, изучая Марс. Уже Галилей интересовался его тайнами. Гюйенс и Кассини приблизительно определили продолжительность его суточного вращения. Маранди — в начале 18 века заметил светлые пятна на его полюсах. Позже Гершель определил наклон оси Марса к плоскости орбиты в $61^{\circ}18'$, он же догадался, что светлые пятна — снеговые покровы на полюсах, и вывел отсюда заключение, что на Марсе есть атмосфера, а Шретеру удалось подтвердить это и увидеть расплывчатые пятна облаков. Накопившийся к началу 19 века материал по „ареографии“ позволил Медле-

ру вычертить первую грубую картину, которую позже Кайзер превосходно исправил и дополнил.

В 1568 году Жансен спектральным анализом доказал присутствие паров воды на Марсе. Вскоре убедились, что Марс не одинок. Холь открыл двух спутников: Фобос (страх) и Деймос (ужас). Эти две миниатюрные планетки, имеющие в поперечнике $8\frac{1}{2}$ километров, вращаются так близко к Марсу, что северным жителям их не видать за круглым животом своей планеты. Больше других прославил себя Скиапарелли, который детально ознакомился со всеми морями и каналами, дал им звучные названия, вроде Астрального моря, Лунного озера, каналов: Нил, Ганг, Эфрат, Сирениус. Благодаря его работам теперь известно, что на северном полушарии мягкая зима на 15 дней короче мягкого и прохладного лета, в то время, как на более континентальном южном полушарии зима продолжительнее лета. Почти полное таяние полярных льдов летом вызывает большие наводнения, появление новых морей и каналов. Он же высчитал, что мы можем видеть на Марсе полосы каналов в том случае, если они не уже 30 километров. Наконец, 26 декабря 1879 г. он сделал поразительное открытие, не имеющее до сих пор объяснения: оказывается, что некоторые озера и каналы, например, Нил, Циклоп, Ганг могут в течение очень короткого промежутка времени удвоиться и даже разойтись на расстояние до 600 километров. Дальнейшие наблюдения дали возможность Кампбеллю открыть на Марсе цепи не очень высоких гор.

С понятным волнением мы ждали наступления следующего дня, когда должно было свершиться чудо.

Точно в указанное время слушали мы очередные вызовы с Марса. Затем запустили моторы, и Кричагин заработал ключом. Величайшее событие. Впервые пытливый, всемогущий в своей дерзости человек бросил ответ Марсу.

Кричагин кончил. Мы бросились к телефонам, чтобы не пропустить ответа.

— Не торопитесь, — улыбнулся радиотелеграфист Куцен-

ко, и взял стационарный журнал, чтобы записать в него радиотелеграмму.

— Почему?

— До Марса 60.000.000 километров. Радиоволна мчится со скоростью света, т. е. делает 300.000 километров в секунду, туда она прибудет через три минуты. Столько же времени надо на обратный путь; прибавьте несколько минут на то, что марсиане лежат сейчас в глубоком обмороке от неожиданности. Им надо время придти в себя и собраться с силами, чтобы ответить. А вот теперь послушаем.

Дрожащими руками мы надели телефоны.

Если правильны расчеты Кричагина, если наши сигналы достигли до Марса, если они были поняты, как ответ на их вызов, если...

Вдруг, нестройный рев, визг и стоны ворвались нам в уши. Точно ведьмы справляли шабаш на „Лысой Горе“.

Со сверкающими гневом глазами работал Кричагин всеми рукоятками и переключателями.

Ничего нельзя сделать. Невозможно отвязаться от назойливой болтовни, похожей на рыночную перебранку, чуть ли не всех земных радиостанций, поднятую как раз на волне, на которой должны были вестись переговоры с Марсом.

Что такое? В чем дело? О чем они тараторят?

— Все понятно — горько улыбнулся Кричагин. — Своей невероятно мощной работой уже вчера, при пробе станции мы бросили камень в осиное гнездо этих болтушек. Могут себе представить, сколько хлопот доставили мы им своим появлением. Теперь они, услышав нашу работу, трещат между собою, как сороки. Они нам все испортят, если мы не зажмем им рот.

— Это невозможно! — со стоном воскликнул Куценко. Его слова повергли нас в ужас; он отлично понимал дело.

— Ты думаешь?

Кричагин взял журнал и стал быстро писать.

— Моторы — скомандовал он и застучал ключом.

Что он мог сделать? Как он мог бороться со станциями всего мира?

„Всем, всем, всем. Требую прекращения всякой радиотелеграфной работы на волнах от 6.000 до 7.000 метров, на неопределенное время. Если это не будет исполнено, я всей мощностью своей радиостанции сделаю невозможно какую-бы то ни было радиосвязь на земле“.

— Теперь они успокоятся. Но все-таки первый блин комом.

Оставив Куценко на всякий случай для приема сигналов с Марса или ответа со стороны обиженных соседей, мы вышли.

— Смогут ли они нас найти? — спросил доктор Кричагина.

— О, разумеется. Им, без сомнения, известно, что мы расположены в Афганистане в окрестностях Кабула. Это нетрудно установить при помощи так называемых пеленгаторных приемников, которые довольно точно определяют направление работающей радиостанции. Два приемника дают засечку, подобно тому, как с двух точек получают засечку для определения расстояния до недоступного предмета.

— Что они предпримут? Ну, до нас они нескоро доберутся.

Кричагин пожал плечами.

— Они прилетят на аэропланах и уничтожат нас бомбами — сказал он мне, когда мы остались наедине.

Весь день я ждал со страхом появления на небе грозных силуэтов хищных самолетов или всадников на гребнях „Волчьей Ямы“. Даже мирная кучка каких-то афганцев, с самым наибом во главе напугала меня своим неожиданным появлением. Он приехал к нам с вежливым любопытством посмотреть, что мы строим, и узнать, не терпим ли мы неприятностей от соседей. Надоедал он нам недолго, быстро исчез со своей свитой, словно куда-то провалился.

На другой день после трех часов снова взывал к нам Марс, недоумевая, что случилось, почему прервалась наша связь.

Мы ответили дождем точек и стали слушать полные тревоги и сомнения.

Тишина. Нам никто не мешает. Умолкли дерзкие трещотки. Ответит ли Марс?

Чу. Запел, зазвенел знакомый голос.

Впервые повторял свои сигналы Марс в тот же день. Сразу чувствовалось, что он сознательно отвечает на нашу работу.

„Раз, два, три.... раз, два, три....“ — стучат буквы „С“ в наши уши.

Побледнев от волнения, с пересохшими от частого дыхания губами, неподвижные, широко раскрытыми, невидящими глазами впились мы друг в друга.

Полный успех! Какая победа! Какие неисчерпаемые возможности и неожиданности!

Я был близок к потере сознания.

Упершись руками в край стола и подавшись телом вперед, жадно ловил я легкие, как дыхание звуки, мягкое, нежное пение, которое говорило о падении тяжких цепей, приковавших человека к земле, которое так много сулило. Через огромную бездну мертвого пространства перекинут мост. Рушились с грохотом стены, отделявшие нас от других миров. Порвалась плотина, запиравшая наши порывы к соседним планетам.

Марс кончил и умолк.

Мы молчали, тяжело переводя дыхание. Спокойный Кричагин казался нам Прометеем. К нему тянулись наши руки.

— Ответим, — коротко бросил он.

На Марс летела первая радиограмма.

„Десять точек, десять точек, десять точек...“

Ошеломленные, уничтоженные величиим момента, восхищенные, вознесенные к небу успехом, стояли мы вокруг стола.

Я закрыл лицо руками и очнулся, когда Куценко одевал мне на голову телефоны.

Переживу ли я ответ Марса, если он повторит нашу сотню точек?

Не было случая за все годы наблюдений, чтобы Марс в тот же день давал во второй или тем более, в третий раз какие-либо сигналы.

Тишина, кажется, никто не дышит.

Вихрем завертелись в моем мозгу все оси, все орбиты солнечной системы, когда первая поющая точка тонко стукнула, мне в уши.

„Десять точек, десять точек...“ Конец. Тихо.

С диким ревом бросились мы к Кричагину и подняли его на руки.

— Ты... Ты... бессмертен!..

О! Какие горизонты развернутся теперь! Могучее, блестящее, полное чудес и неожиданностей будущее величественно стояло перед нами и смотрело нам прямо в глаза. Мы растерзали бы того, кто осмелился бы бросить нам хоть слабую тень сомнения. Связь полная, безусловная связь с Марсом есть. Мы договоримся. Мы сумеем объяснить ему все, все, что захотим. Мы поймем каждый его сигнал, каждую точку. Пусть марсиане слепые и глухонемые — для нас нет препятствий. А при успехе, через два, три года работы...

Марсиане расскажут нам все, все о себе; они сообщат о своей жизни, о своей организации, о своем мире. Они поделятся с нами самыми разнообразными открытиями в области науки. Как мы шагаем вперед. Да что шагнем. Как нельзя назвать шагом бешеный прыжок через 60.000.000 километров, так нельзя назвать шагом будущие успехи в науке и технике.

— Мы поделимся с ними всем, чем можем, передадим все наши познания, сообщим обо всех открытиях.

— За дело. За дело. Давайте вторую радиотелеграмму.

Я выскочил наружу, чтобы помочь Почарскому пустить моторы. Жадно глотнул холодный воздух, пришел в себя.

Возвращаясь в станционную, я обратил внимание на таджиков, копошившихся на скале, отделяющей котловину от озера.

„Хорошо, что наиб так предупредительно предложил свои услуги. Надо попросить принять меры, чтобы нас не тревожили“, — подумал я и вошел в помещение.

Вторая радиограмма утвердит нашу уверенность.

В журнале отмечен ответ Марса. Вписана и вторая радиограмма. Под ровный гул мотора четко передает Куценко:

„Раз, раз-два, раз, два, три...“

Моторы остановлены. Тихо. Мы вслушиваемся, ждем ответа. Напряженное внимание...

Громовой удар разорвался над нами. Рухнуло небо. На бесчисленные куски разлетелись горы. Эхо раскатилось во все стороны и запрыгало по скалам.

Наш доктор выскочил первый.

— Спасайтесь! Бегите! Сюда! — раздались снаружи его вопли, заглушаемые каким-то диким, злобным ревом.

Толкаясь, вырвались мы из помещения и побежали за доктором, быстро царапаясь вверх по крутизне.

Спасаясь сумасшедшими скачками, я лишь на одно мгновение мог бросить взгляд на ужасную картину.

Запиравшая озеро крутая скала, через которую да сих пор пробивался лишь небольшой поток, была взорвана коварным наибом. Огромные, гибкие массы воды, взбивая брызги и пену, в бешеной злобе теснились в отверстии, стремясь вырваться наружу и залить нашу „Яму“. Могучими плечами вода разрушала остатки преграды, и нарастающим водопадом бросалась вниз в кипящую котлом теснину. Несколько мгновений потребовалось ей, чтобы разрушить наши постройки и затоптать их под свое холодное брюхо.

Ревущий водоворот мчался за нами и гнал нас все выше и выше. Скоро дрогнули струны нашей антенны и, обмякнув, легли на склоны. Хватаясь за них, тянули мы себя кверху. Наконец, достигли вершины для того, чтобы убедиться в окончательной гибели станции. Все спаслись. Да надолго ли и для чего? Не лучше ли броситься вниз в бурлящие воды, более гибельные, чем воды Всемирного потока?

„Мы из рода бедных Азров. Победив, мы умираем“.

Нам суждено умереть на этой скале. Отсюда нет дороги. Все равно, уйдя отсюда, мы погибнем или от голода или от руки наиба — это не подлежит сомнению.

— Глупости — сказал Кричагин, — поживем, увидим.

— Что же, мы предпримем новые поиски дороги, или, может быть, улетим отсюда на крыльях?

— Зачем, нам и здесь неплохо. Во всяком случае, не хуже, чем в опасном пути, в который я не советовал бы вам пускаться.

Странно! На что он надеется? О чем он советуется с Почарским?

Третьи сутки мы живем здесь, на скале, но можно ли сказать, что живем? Убитые катастрофой, мы не чувствуем мук голода. Только ночной холод не дает нам забыть.

Уходит третья ужасная ночь. Скорое бы утро.

— Раздевайтесь! Раздевайтесь! — вдруг вскакивает и кричит Почарский.

Кричагин первый показывает пример.

Раздеваться на этом холоде? Да он с ума сошел!

— Скорее! Скорее!

Мы раздеваемся донага. Почарский с Кричагиным отбирают от нас нижнее белье и дают одеть верхнее.

— Не понимаю...

— Э... что тут разговаривать. Помогите нам. — Почарский длинной лентой расстилает наши доспехи, остальные раскладывают на них камни, чтобы спасти от ветра.

— Да в чем же дело, наконец? — теряю я терпение.

— Прислушайтесь! — Он прижал палец к губам и насторожился. Трудно сказать, с какой стороны донеслось до нас слабое, ровное гудение аэропланного мотора.

— Аэроплан! — воскликнули мы, воскреснув и повеселев.

— Да, а эта белая стрела пригласит его сесть сюда к нам. Только бы он нас заметил. Ну, мы и для этого примем меры.

Он снял свой промасленный костюм моториста и, смяв его в комок, зажег. Длинный рукав черного дыма потянулся к небу, показывая самолету место площадки.

— Вон он! Вон он!

Вспугивая орлов, из-за соседней вершины взметнулась кверху белая птица, приближаясь к нам. Сделав два круга, аэроплан, как цапля, запрыгал по площадке вдоль стрелы. Спотыкаясь и падая, мы побежали к нему. Из аэроплана вылез английский летчик и остановился у фюзеляжа.

— Не бойтесь! — крикнул Кричагин, заметив, что летчик держит в руках револьвер, а пассажир не выпускает рукоятки пулемета.

Забыв страдания, неумоимо засыпали мы вопросами наших спасителей. Я и Кричагин едва успевали спрашивать, переводить и кратко рассказывать летчикам, что мы за люди. Кричагин заглянул в самолет через край фюзеляжа. Я перегнулся с другой стороны.

— Современный аэроплан несет на себе чуть ли не такое же количество разнообразнейших приборов и инструментов, как и военное судно. Здесь все в миниатюре. Легкий пулемет, а иногда и пушечка, изображает артиллерию; точные часы, компас, счетчики, манометры, указатели, анероиды — заполняют рубку этой птицы. Вот маленькая радиостанция для телеграфирования и телефонных переговоров.

— А как же мачта и антенна?

— Антенна вот на этой плоской, эбонитовой катушке. Она разматывается, когда нужна, и волочится за самолетом, в виде золотого шлейфа; а после работы, перед посадкой наматывается обратно. Это ключ, измерительные приборы, а на крыле динамо-машина, она имеет свой маленький пропеллер, который вертится, как детская игрушка, от встречного ветра.

Под крыльями самолета были укреплены четыре крупных бомбы, о назначении их я не стал спрашивать.

Летчик, узнав, в чем дело, вернулся на свой аэродром и прислал нам два пассажирских самолета, которые вырвали нас из лап смерти.

Н. КОНСТАНТИНОВ

ФАБРИКА ВЕТРА

Рассказ

Журнал «Вокруг света», 1931, № 15-16

ФАБРИКА ВЕТРА

Н. Константинов

Рис. И. М. Ец

*Америка. Некто Джордж Эброзиус Эммануэль Моррисон Сайкс объявил, что он нашел способ по своему желанию вызывать или останавливать дождь.
(Из газет).*

Каламбур никак не хотел перепрыгнуть с пера на бумагу. Майкл поминутно макал перо в чернильницу, но все равно ничего не выходило. Вместо изящной шутки на бумаге появлялись косноязычные обрубки фраз, перечеркнутые жирной чертой. Им место только в корзине, да и то на самом дне, чтобы случайно никто не прочел.

Майкл снял пиджак, повесил на спинку стула, но не помогло и это. Положительно в его руке было не острое перо журналиста, а хворостина для гусей. А, между тем, каламбур необходим, решительно необходим.

Будь на месте Майкла опытный репортер, он никогда не стал бы тратить столько здоровья на пустячную заметку в 15 строк. Прикинув в уме, что все равно больше доллара не получишь, репортер разделался бы с заметкой в четверть часа. Он не позаботился бы даже о грамматике. Но Майкл работал от чистого сердца. Сегодня он получал газетное крещение, и ему казалось, что заметка не уступит по важности манифесту об объявлении войны.

С тревогой и стыдом Майкл видел, что комната наполняется репортерами. Они усаживались за свои столы и писали так быстро, точно ловили блох. Майкл боялся, что вдруг кто-нибудь из них оторвется от своей работы и бросит высокомерный взгляд на его пачкотню.

Не будь Майкл новичком, он посмотрел бы не на суетливые перья репортеров, а на их лица. Он увидел бы мутные глаза с красными веками, круглые овечьи лбы и небритые вялые рты, ожесточенно жующие «гэм». Это была инвалид-

Майкл торопливо прикрыл свое писание...

ная комната газеты: ловцы уличных скандалов, слоняющиеся по полицейским участкам, интервьюирующие горничных. Их не пускают на пороги приличных отелей; на пожарах, когда репортеры лезут поближе к огню, их нередко принимают за карманников.

Будь Майкл старым газетным волком, он знал бы, что рыцари пера не торчат в общей репортерской комнате, где пахнет конюшней и вокруг лампочек мерцают оранжевые круги. Репортеры, дающие отчеты о скачках, о матчах бокса, о бракосочетаниях миллионеров, сочли бы для себя унижительным царапать бумагу пером. Дело настоящего репортера — диктовать машинистке. Так скорее. Он выгонит больше строк и больше получит.

Но Майкл орудовал своим пером с упорством землекопа, вгоняющего еще не обтершийся о землю заступ в каменистую почву. От непрерывного писания пальцы Майкла одеревенели и точно обросли мозолями. Исподтишка поглядывая на соседей и убеждаясь, что за ним никто не следит, он усердно раскалывал пером слежавшиеся комья слов.

И, наконец, в навороченной на столе бумажной груде мелькнули первые блески долгожданного каламбура. Но в это мгновение над самым ухом Майкла раздался возглас:

— Разве теперь научным отделом заведует не Джошуа Ки? — Чувствовалось, что говоривший обеспокоен и удивлен, увидев за столом заведующего научным отделом безвестного парня с вихром на макушке.

Майкл торопливо прикрыл локтем свое писание и взглянул на говорившего.

— Значит, вы заведующий научным отделом? — спросил тот, словно ему оставалось только примириться с исчезновением Джошуа Ки.

— Нет, видите ли, мистер... — начал Майкл, но посетитель его не слушал.

— Мое имя Джордж Эброзиус Эммануэль Моррисон Сайкс, — проговорил он важно и даже с благоговением, точно читал псалом.

Майкл почтительно склонил голову перед столь богатым ассортиментом имен. Опять-таки, будь на месте Майкла старый газетчик, он сразу определил бы, что Джордж Эбразиус и т.д. не внушает особого доверия.

У него было все как-то чересчур: благообразное, почти плоское лицо квакерского пророка или торговца патентованным лекарством, слишком широкая тесемка от пенсне, более уместная для водевильного актера, чересчур плотно застегнутый сюртук, под которым можно заподозрить грязную рубашку, слишком толстое кольцо на безымянном пальце с чересчур крупным камнем, какими щеголяют только шулера.

Но Майкл не ощущал навязчивого обилия этих чересчур мелких подробностей. Он видел только первого посетителя, с которым ему приходится иметь дело в первый день работы в редакции.

— Я автор крупнейшего изобретения в области метеорологии и теории лучеиспускания,— проговорил Сайкс, усаживаясь на свободный стул. Затем придвинулся ближе к Майклу. — Я пришел к вам с просьбой о содействии.

— Видите ли, мистер Джордж Эзуебиус, — Майкл запутался в именах и вспыхнув, заскороговорил: — Джошуа Ки должен сейчас прийти, я же... — С каким бы удовольствием Майкл объявил посетителю, что он — племянник заведующего научным отделом, что дядюшка помог ему приобрести к прессе, что работать в газете чрезвычайно интересно.

Но Майкл был скромн.

— Я помощник заведующего научным отделом.

— Говорите — сейчас придет? — спросил Сайкс слишком пренебрежительно и отодвинул свой стул от Майкла. — Пожалуй, я могу подождать.

Майкл решил, что нельзя упустить из редакции такую важную особу. Но как ее задержать? Конечно, проще всего заинтересовать каким-нибудь разговором.

— Как раз в эту минуту, — начал Майкл с достоинством, — я работаю над одной статьей, которая, видите ли...

ну, прямо относится к теории лучеиспускания. Совсем недавно в Европе, в Саксонии, по неизвестной причине начали останавливаться автомобили. Оказалось, что же? В Берлине производили опыты воздействия на зажигательный механизм автомобиля на расстоянии. Понятно, что невидимые лучи...

— Влияют на автомобильный дизель, — докончил Сайкс, и Майкл опять покраснел, на этот раз от стыда за слишком уж странное невежество изобретателя. Но Сайкс видимо был спокоен за свои познания в этой области. Он снова придвинулся поближе к Майклу и заговорил с чересчур подозрительной фамильярностью.

— С каких пор я стал стариком? — спросил Джошуа...

— Послушайте, дружище, ведь это Джошуа Ки обделал дело об излечении рака? Помните, когда доктор Хорн развонил во всех газетах, что ему привиделся во сне какой-то кустик, растущий в лесах Амазонки и в два счета исцеляющий самые застарелые раковые язвы. На этом деле он заработал что-то вроде десяти тысяч долларов.

Майкл прекрасно помнил эту историю, когда авантюрист Хорн собрал от больных большую сумму денег и отправился в экспедицию. Не в леса Амазонки, конечно. Но Майкл с негодованием отверг предположение Сайкса об участии Джошуа в таком преступном деле.

— А я так уверен, что все это устроил старик Джошуа Ки, — настаивал Сайкс.

— С каких это пор я стал для вас стариком? — прогремел сочный хрипловатый голос, какой обычно бывает у полных сорокалетних мужчин, надевающих узкие воротнички. Перед глазами Майкла всплыла круглая спина заведующего научным отделом.

— Мое имя Джордж Эброзиус Эммануэль Моррисон Сайкс, — возгласил изобретатель.

— Что? — спросил он, услышав недовольное ворчание заведующего научным отделом.

— Я говорю — слишком много имен для одного человека, — ответил Джошуа Ки, усаживаясь в свое кресло. — Это было модно полсотни лет назад. До прорытия Панамского канала.

— Я автор новейшего изобретения в области метеорологии и теории лучеиспускания, — невозмутимо продолжал Сайкс. — И пришел к вам с просьбой о содействии.

Джошуа бросил равнодушный взгляд на изобретателя и обратился к Майклу:

— Заметка готова?

— Видишь ли... — заикнулся было Майкл и мгновенно умолк, увидев, что Джошуа сгрел всю кипу перемаранной Майклом бумаги.

Тем временем Сайкс достал из кармана несколько рисунков и листков, перепечатанных на машинке, и положил их на стол.

— Просьба о содействии!.. — проговорил Джошуа Ки, не отрываясь от захватывающего чтения недоконченной заметки.

— Да, с просьбой о содействии, — Сайкс важно склонил голову. — Я изобрел машину, посредством которой можно по желанию вызывать или останавливать дождь.

У Майкла екнуло сердце. Именно сегодня он присутствует при появлении в редакции гениального изобретателя. Машина для дождя — это же переворот в сельском хозяйстве, полнейшая революция в земледелии. Майкл жадно по-

тянулся за рисунками Сайкса, но, уловив грозный взгляд Джошуа, отдернул руку, будто обжегся.

— Просьба о содействии... — проговорил Джошуа Ки еще раз и лениво поднялся со стула. — Но, прежде всего, я хочу задать вам один важный вопрос.

Он отвел Сайкса в темный угол комнаты, оставив Майкла наедине с чертежами. Майкл не замедлил наброситься на них, и чем больше рассматривал, тем больше изменялся в лице. Его точно охватил приступ лихорадки. Майкл нетерпеливо поглядывал в угол, но там шла какая-то оживленная беседа. Майкл готов был броситься к дяде на помощь, но не знал, принято ли так поступать в редакциях. Зато с каким он облегчением вздохнул, когда, наконец, Сайкс направился к дверям, а Джошуа к своему столу.

— Ты даже заметки не сумел нацарапать, — сказал Джошуа, потягиваясь. — А, впрочем, она и не нужна. На завтра мы поставим в научном отделе статейку о машине дождя.

— Слушай, дядя, — горячо возразил Майкл, — когда ты позвал меня работать в твоём отделе, ты сказал, что политехник всегда пригодится. Я очень рад, что могу быть полезен именно сегодня.

— Прекрасно, — лениво мотнул головой Джошуа, и положил круглую волосатую руку на чертежи Сайкса. — Какая, по-твоему, из этих картинок самая интересная?

— Интересная? Они все одинаково интересны... для следователя. Этот Сайкс проходимец. Недаром он с первых же слов вспомнил про авантюриста Хорна.

— Он и про это вспомнил? — Джошуа сумрачно взглянул на племянника. Майкл ответил ему страдальческой улыбкой.

— Он обманул тебя, этот Сайкс. Ты взглядишь в его чертежи. Всякий, кто хоть сколько-нибудь смыслит в электротехнике, сразу поймет, что это — наглый обман. Разве это машина? Какие-то трубы, вроде органных, без толку перевитые проводами. А для чего он здесь поставил вогнутое зеркало, да еще соединил его змеевиком с аккумулятором?

Кому нужны эти микрофоны, прицепленные к каким-то цепочкам?

— Довольно подробностей, сынок! — поморщился Джошуа. — Чего ты от меня хочешь?

— Эту мерзость печатать нельзя. — Майкл с омерзением указал на чертежи.

— Ах, вот в чем дело! — Джошуа закурил папиросу, и некоторое время молча переключал ее из одного угла губ в другой, потом неопределенно улыбнулся. — Пожалуй, ты прав, Майкл. Смысла в его чертежах мало. Их даже нельзя назвать чертежами. Скорее, это фантастические композиции, игра ума.

— Но какое же тогда это изобретение? — спросил Майкл.

Джошуа предостерегающе поднял палец:

— Не торопись, сынок. Здесь важна идея, а не ее воплощение. Пускай чертежи невероятны, но зато мы оплодотворим умы читателей оригинальной идеей. И главное — безвредной идеей. Это не какое-нибудь вредное изобретение, вроде вечной спички, которую можно зажигать чуть ли не 500 раз. Вечная спичка губит спичечный коробок, а вместе с ним и почтенных джентльменов, владеющих спичечными фабриками. Им останется надеть суму, когда вечная спичка пойдет в ход. Да как он осмелился, этот несчастный изобретатель — нарушать общественный строй! — Джошуа раздраженно стукнул по столу косточками пальцев.

— Хорошо, — перешел в наступление Майкл. — Если бы Сайкс на самом деле изобрел машину дождя, он тоже нарушил бы общественный строй. Управлять дождями — это значит уничтожить засухи, наводнения, неурожай. А ты знаешь, как наживаются во время неурожая хлеботорговцы. Стало быть, машина дождя была бы их по карману, довела бы до нищеты. Да и всякое изобретение кого-нибудь бьет. Если стать на твою точку зрения, мы вообще должны печатать в газете только никому не нужные, бесполезные пустяки, вроде этого вот.

— Ты, я вижу, умен, — проговорил Джошуа, когда пле-

мянник замолк. — Умен, а не сумел нацарапать пустячной заметки.

Майклу ничего не оставалось, как сиротливо пристроиться на краю стола и приняться за прерванную охоту за каламбуром. Наверное, у дяди Джошуа имеются какие-то особые соображения насчет машины дождя. Наверное, вся соль в том важном вопросе, который дядя Джошуа задал Сайксу, отведя его в угол. Но что это был за вопрос? И почему непременно понадобилось задавать его в углу?

На следующее утро Джошуа поручил племяннику дать отчет о сельскохозяйственной выставке, открывшейся в городском предместье. Садясь в трамвай, Майкл развернул газету и с тоской прочел:

Повелитель дождя!

Неоцененное изобретение Джорджа Эброзиуса Эммануэля Моррисона Сайкса, стопроцентного янки и гениального мыслителя.

Тоска не покидала Майкла весь день. Он уныло смотрел на пушистые завитки моркови, не способен был восхищаться глянцевитым лиловым картофелем величиной с человеческую голову, презрительно отворачивался от спаржи и артишоков.

Но через несколько дней, завертевшись в газетной сутолоке, Майкл почти забыл о Сайксе. Вспоминая невзначай о машине дождя, он сразу же возражал сам себе, что таким опытным журналистом, как дядя Джошуа, без сомнения, руководят высшие соображения. Услышав однажды, что дядя поручает чеху Болеславу Пушечке, самому старому репортеру в газете, написать подробную биографию изобретателя, Майкл пришел к самому безошибочному выводу.

— Кажется, я понял, в чем дело. Ты хочешь возбудить у читателей патриотизм, уважение к гению янки? Верно, дядя?

— Патриотизм? — переспросил Джошуа и крикнул вдогонку Пушечке: — Не забудьте взять от него автограф.

С тех пор не проходило недели, чтобы в газете не появлялась статья о машине дождя. Иногда печатались портреты изобретателя, иногда приводились мнения каких-то неизвестных Майклу ученых об изобретении Сайкса. Как-то раз дядя Джошуа попросил племянника снести машинистке отзыв о машине дождей профессора Уинда. Отзыв был написан рукой дяди Джошуа. Это удивило Майкла, но опять-таки он подумал о «высших соображениях».

Но, наконец, скрытое беспокойство Майкла прорвалось наружу. Это был бурный, как, впрочем, и все катастрофы, взрыв негодования, испуга, гнева с некоторой примесью суетливости. Примерно через месяц после первого появления Сайкса Майкл ворвался в репортерскую бледный, с взъерошенными волосами. Бросив на стол перед дядей Джошуа измятую газету, Майкл проговорил, задыхаясь:

— Вот... началось...

Джошуа Ки взглянул на него с состраданием.

— Что с тобой, сынок?

— Что с вами? — Майкл сделал ударение на последнем слове. — Вы говорили, что машина дождей — безвредная игра ума. Хороша безвредная! Игра?.. Здесь напечатано, что скаковое общество «Пегас» купило нашумевшее изобретение Сайкса. Слышите — купило! Уплатило деньги. По договору изобретатель должен поддерживать сухую погоду на ипподроме в дни скачек. Им важно иметь сухую дорожку. За каждый сухой день Сайкс будет получать тысячу долларов. Вот что вы наделали.

Дядя Джошуа развернул газету с потрясающим спокойствием и, мельком взглянув на заметку о машине дождя, принялся за чтение статьи об устройстве цветников на городских площадях.

— Глупости пишут, — ворчал он, точно забыв о существовании Майкла. Только дочитав статью о цветниках, он окинул племянника недоуменным взглядом.

— Что же с тобой случилось?

— Как что! — вскипел Майкл. — Вы же великолепно знаете, что машина дождей — чушь, ветер, и вы же сами

нашумели о Сайксе на весь штат. Стало быть, вы отвечаете за шантаж.

— Как он бесподобно говорит! — Дядя Джошуа умиленно закатил глаза к небу.— Если бы он также писал, этот юный трибун. А то в его обозрении сельскохозяйственной выставки я читал что-то насчет «роскошных клубней капусты». Запомни это Майкл.

Джошуа встал, с грохотом отодвинул стул.

— Чтобы больше подобных историй не повторялось! Газета не потерпит таких репортеров!

Майкл понял, что дядя Джошуа говорит не столько о капустных клубнях, сколько о машине дождя. Конечно, теперь всякие разговоры на эту тему бесполезны. Из каких-то соображений дядя поощряет заведомый обман. Но как бороться с шантажом?

В тот же день Майкл отправился к директору ипподрома, но оказалось, что директор уехал в Нью-Йорк, и вернется, самое малое, через неделю. Майкл подумал было написать обличительное письмо в редакцию, но ему было неловко рыть яму дяде. Оставалось ожидать, когда вернется директор.

Каждый день Майкл читал на улицах огромные афиши ипподрома. Окруженные изгородью восклицательных знаков, чернели нахальные слова:

«Спешите все увидеть!

Несравненное изобретение в действии!

Над ипподромом нет больше дождя!»

Майкл отворачивался. В эти дни он начал смотреть на многое иными глазами, чем раньше. И прежде всего, на редакцию. Ему было противно сидеть в репортерской комнате среди стада обезьян, чавкающих липкую жвачку гэма. В каждом посетителе он видел нового шантажиста, в каждой заметке искал повторения истории с машиной дождя. Майкл был не уверен в том, что, может быть, сам он обстряпывает темное дело, составляя по поручению дяди Джошуа заметки

о современных дирижаблях, небьющемся стекле и самых больших собаках в мире.

На каждой странице газеты он наталкивался на вопиющую бессмыслицу, которая неизвестно зачем подносилась читателю. В одной статье сообщалось, сколько в сенате Соединенных штатов Джонов, Джемсов и Ричардов. Другая статья рассказывала, что мистер Юз начал носить воротники с отогнутыми уголками вместо прежних прямых. Третья давала подробнейшие указания, как следует произносить слово «Распутин». Кому нужна эта чепуха, засоряющая мозги, мешающая читателю думать о том, о чем нужно думать? Кончилось тем, что Майкл вообще перестал ходить в редакцию и целыми днями сидел дома.

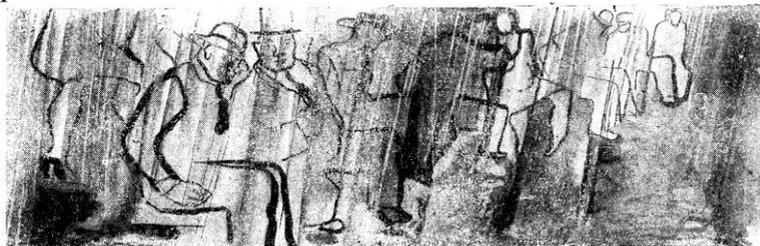
Наконец, наступило воскресенье — день, в который, по расчетам Майкла, должен был вернуться директор ипподрома.

Выйдя на улицу, Майкл увидел, что небо было затянуто тучами. Дым из труб опадал к земле, дышать было тяжело, как перед грозой. Но к воротам ипподрома направлялись люди, одетые по-весеннему: девушки в шелковых ярких платьях, мужчины в светлых костюмах и соломенных шляпах. Они точно издевались над хмурым небом и, заполнив широкий амфитеатр ипподрома, галдели изо всех сил. Публика была вполне уверена в могуществе машины дождя, стоящей посредине ипподрома.

Теперь Майкл мог подробно ознакомиться с этим нелепым сооружением. Оно состояло из пучка черных блестящих труб, оплетенных медной проволокой. Наверху сверкало полной луной вогнутое зеркало, подвешенное на тонких цепочках. Человек с масленкой в руках ходил вокруг машины, но к ней не прикасался.

Не успел Майкл спросить у служителя, где найти директора, как с неба упали первые тяжелые капли. Они распылились на песке серыми пятнами, как чернила на клякспапире, а через минуту на ипподром хлынул ливень. Он поливал толпу и сбоку, и сзади и спереди, ожесточенно хлестал по розовым платьям девушек, по полотняным брюкам

мужчин. И самое удивительное — люди даже не шевелились. Они обмокли и нахохлились на своих местах, как воробьи, и молча ежились, когда дождь попадал им за шиворот.

Хлынул ливень, но люди даже не шевелились.

В этой обескураженной толпе действовал только один человек. Это был Майкл. Прыгая по скамейкам, расталкивая загораживающих дорогу людей, он метался по ипподрому. Совершенно случайно наткнувшись на дверь с прибитой к ней дощечкой — «кабинет директора», Майкл ворвался туда и застыл на месте. У письменного стола сидели друг против друга джентльмен с бровями, похожими на усы и... дядя Джошуа с неизменной ленивой усмешкой. Судя по всему, оба несколько не были обеспокоены ливнем.

— Сними шляпу, сынок! С ее полей льет, как из дырявого ведра, — сказал дядя Джошуа таким тоном, точно он был очень обрадован появлением племянника. — Немедленно возьми автомобиль, поезжай в редакцию и составь статью о том, что вследствие неаккуратности служителя, залившего маслом отражательное зеркало, машина дождя не смогла приостановить ливень. В будущем дирекция ипподрома примет все меры к тому, чтобы подобные оплошности не повторялись. Изобретение Сайкса доставит посетителям еще немало светлых дней. Понял?

— Довольно, — сказал Майкл с той твердостью, какая возможна у человека, промокшего до последней нитки. — Я не знаю ваших соображений, дядя Джошуа, но я должен... Вы директор ипподрома? — повернулся он к незнакомому джентльмену. Тот невнятно крикнул.

— Сэр, — повысил Майкл голос, — я должен предупредить вас, что машина дождя — самый наглый шантаж! Вы сами сейчас убедились, что дождя она остановить не может. Стало быть, не может и вызвать. То, что дядя Джошуа говорит о замасленном зеркале, — тоже пустяки, Я видел своими глазами, что служитель пальцем не притронулся к этому дурацкому зеркалу. Сэр, по- моему мнению, вы обязаны оповестить собравшихся на ипподроме зрителей, что над ними сыграли глупую шутку.

— Ого-о! — простонал дядя Джошуа и обратился к директору с явным прискорбием. — Это мой племянник, сэр. Я полагаю, это его нужно попросить удалиться отсюда.

Необычайные брови директора дрогнули.

— Нет, он не должен удаляться. Когда молодой человек возбужден, он может наговорить лишнее.

— Неужели вы считаете меня таким глупым, молодой человек, что я поверил этому Сайксу? Ваша забота о моем кармане показывает, что у вас доброе сердце. Но я думаю, вы успокоитесь, узнав, что машина дождя для меня только выгодна. Вы же сами расхвалили машину в газете. Публика уверена в ней, как в «Библии», и приходит на скачки, не обращая внимания на погоду. У меня полные сборы, молодой человек, их делает машина дождя.

Майкл растерянно взмахнул рукой, точно пытаюсь возразить. Потом потупился. Геометрический узор постланного на полу линолеума заплясал перед его глазами.

До сих пор каждое слово, напечатанное в газете, казалось ему необычайно веским, перед которым нужно благоговеть. Как и всякий американец, он считал печатное слово, статую Свободы и Белый дом оплотами демократии и закона. Теперь, в одну минуту, рухнул один из этих оплотов. Здание демократии покосилось на бок, по скрижальям закона поползла трещина. Может быть, вообще нет никаких оплотов... Или они выдуманы для того, чтобы обманывать простаков...

— Ну, что, успокоился? — услышал Майкл голос дяди Джошуа и поднял голову.

— Да, успокоился. Я не скажу об этом ни одному человеку, но при одном условии... Какой вы задали вопрос Сайксу, когда отвели его в угол? Помните, важный вопрос?

— Разумеется, помню, — благожелательно отозвался дядя Джошуа, видимо, наслаждаясь глупостью племянника. — Я спросил, сможет ли Сайкс уплатить газете за содействие 3000 долларов?

— Так. — Майкл кивнул головой. Он знал, что отныне он уже никогда не переступит через порог редакции, никогда не сядет к столу дяди Джошуа, где фабрикуются дождь, ветер, снег... что угодно, кроме истины.

— Я пойду, — сказал Майкл, направляясь к двери. — А вы продолжайте.

Вестник Знания

ЛЕНИНГРАДСКОЕ · ОБЛАСТНОЕ · ИЗДАТЕЛЬСТВО

цена 45 к.

1931

№ 17-18

М. ЭЙГЕНСОН

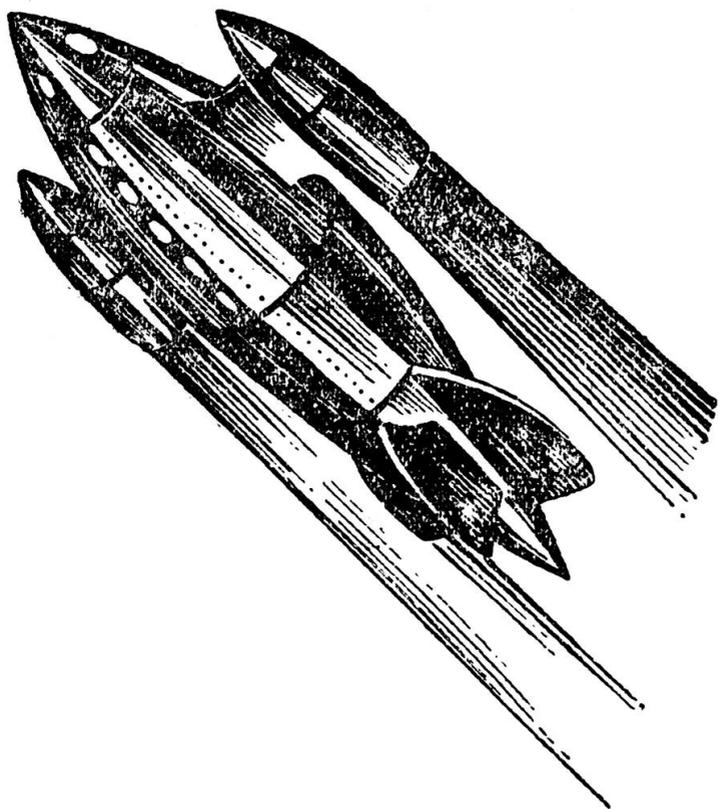
КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ

Фантастическая статья

Журнал «Вестник знания», 1931, № 17-18

КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ

М. Эйгенсон

Чтобы передвигаться в мировом пространстве, отделяющем нас на Земле от таких мировых тел, как Луна, большие и малые планеты, нужен совершенно особый аппарат, непохожий на все средства передвижения, использованные человечеством до сих пор. Все земные средства передвижения нуждаются во внешней среде, от которой они отталкиваются при перемещении^{*)}; поэтому они неприменимы для межпланетного летания. Только ракета, снаряд, движущийся самостоятельно, действием прямой реакции, решает поставленную задачу межпланетного летания.

Ракета, принцип которой известен уже много сотен лет, представляет собой снаряд, один конец которого открыт. Из этого конца тем или иным способом выбрасывается вещество, составляющее заряд ракеты. Так как центр тяжести всего вещества ракеты должен сохранять неизменное положение (или равномерно-прямолинейно перемещаться), то выбрасывание вещества ракеты в одном направлении порождает перемещение самой оболочки ракеты в противоположную сторону. Ракета — это как бы пушка без лафета, стреляющая в пространство идвигающаяся от этого сама.

Благодаря тому, что (как вытекает из теории движения ракеты) скорость, накопленная ракетой к концу процесса выбрасывания из нее вещества, не зависит от времени, в течение которого это выбрасывание происходит, можно весьма постепенно накапливать скорость в 11 км/сек., необходимую для космического полета; это уберезет астронавтов^{**)} от последствий чересчур стремительного перехода от покоя к быстрому движению.

---

*) Колеса от земли; винт аэроплана — от воздуха; винт парохода — от воды; для воздушных шаров и пр. необходима внешняя среда, взаимодействием с которой получается их подъемная сила.

***) Астронавт — межпланетный путешественник.

Механическая теория ракеты в связи с вопросом о применении ракет для космических перелетов была разработана независимо и в разное время несколькими исследователями. Циолковский у нас, Эсно-Пельтри во Франции, Годдард в Соединенных Штатах и Оберт в Германии — все пришли к выводу, что на ракете, и только на ракете, можно передвигаться через пустое пространство, разделяющее мировые тела. Годдард доказал также и опытом, что ракета для своего действия не нуждается во внешней среде.

С 1923 года, времени появления первой книги Оберта, начинается новая эпоха в истории ракет. Ей посвящаются ряд книг и статей. Организуются специальные общества, разрабатывающие вопросы межпланетных путешествий. Читается на эту тему множество лекций. Все это привлекает широкое общественное внимание к вопросам заатмосферного летания.

Как обстоит с ним дело сейчас, в 1931 году? Постараемся вкратце познакомить читателей с основными достижениями в этом деле.

Прежде всего, оказалось, что ракетное летание годится не только для путешествий вне земли, но имеет и многочисленные земные приложения; оно может быть использовано, как новый, могучий и разносторонний способ переброски людей, аппаратов, а также как новое орудие военной техники, весьма опасное по могуществу и дальности действия. Обыкновенные пороховые ракеты были поставлены на автомобиль вместо мотора, и при первых же опытах Опелю удалось получить скорость автомобиля до 240 км/час (1928 г.).

Ракеты были поставлены также на дрезины и другие орудия передвижения.

Но надо признать, что такое применение ракеты нерационально. Ракета, могущая по своей природе развивать огромные скорости, связана ограниченной прочностью материалов, употребляемых для колес и иных частей автомобилей и др. повозок. Быстрое вращение частей развивает такие центробежные силы в колесе и такое нагревание осей, что ведет к их разрушению.

Более интересными оказались первые опыты с постановкой ракет на самолет, начавшиеся в 1928 г. и позволившие 30 сентября 1929 г. тому же Опелью стартовать и лететь на чисто ракетном самолете. На обыкновенных винтомоторных аэропланах были поставлены фирмой Юнкерс специальные стартовые ракеты для облегчения отрыва от земли.

Кроме того, прекрасных результатов достиг покойный Макс Валье на ракетных санях, на которых он достиг (зимой 1930 г. на озере Айбзее) скорости до 400 км/час.

Все эти замечательные успехи были получены при помощи пороха. Однако порох и вообще взрывчатые вещества невыгодны для ракетных приборов, ввиду опасности, какую они представляют, да и не нужны для них, так как и спокойное горение дает по истечении необходимого времени нужную прибору скорость. Кроме того, взрывчатые вещества менее теплопроизводительны (менее энергоемки), чем бензин, спирт и другие горючие, известные технике. Все вместе взятое и заставило техников начать строить ракеты с жидким горючим. По-видимому, эта задача в основном сейчас уже решена, и притом, независимо несколькими исследователями. Первые ракеты с жидким зарядом уже успешно летали и этим демонстрировали правильность решения задачи. Американец Дарвин Лайон пускал с горы Ред Орта (в итальянских Альпах с 1928 г.) ракеты, снабженные парашютом и самопишущими приборами, отмечающими метеорологическое состояние атмосферы. По-видимому, Лайону удалось поставить рекорд высоты подъема ракеты с приборами, так как его ракета достигла высоты в 9 800 метров.

Еще в 1929 г. Годдарду, о котором мы упоминали выше, удалось успешно запустить ракету с жидким зарядом на большую высоту. Кроме того в марте 1931 г. Винклер с поля кампании Юнкерс (в Дессау) успешно пускал ракету с жидким кислородом и жидким горючим.

Еще и в ряде других мест строятся сейчас подобные ракеты; областью применения будет служить верхняя часть

земной атмосферы, так называемая стратосфера, которую еще не достигал человек^{*)}, особенно ее верхние слои на высоте 40— 200 км, где происходят метеорные явления (свечение падающих звезд и пр.), наблюдаются светящиеся облака, северные сияния.

Поскольку можно судить по отрывочным сведениям, появляющимся в прессе, сейчас строятся также почтовые ракеты, предназначенные для быстрой переброски почты через Атлантику из Европы в Америку и обратно. Ясно, какая революция в средствах связи может произойти от этих ракет.

По-видимому, уже сейчас ракета получает и ряд военных применений, о чем по понятным соображениям почти ничего не сообщается. Ракета, начиненная тротилом или ядовитым газом, может быть переброшена с одного материка на другой и причинить бедствия.

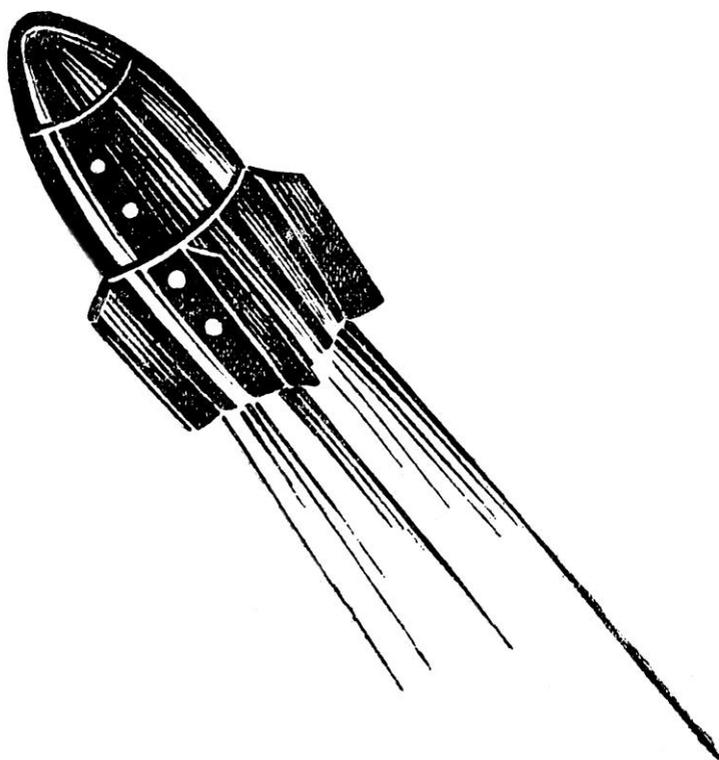
Однако с точки зрения межпланетных путешествий имеют значение не эти земные применения ракеты, а полеты на другие миры.

Дальнейший прогресс звездоплавания — летания вне атмосферы — тесно связан с постепенным превращением обыкновенных винто-моторных самолетов через комбинированный винто-ракетный аэроплан в чисто ракетный „стратоплан“, и дальше в „звездолет“.

Рассмотрим теперь, как мыслится будущий межпланетный полет. И прежде всего, скоро ли он произойдет?

---

*) Аэропланы поднимались до высоты в 13 км, шар Пикара в мае 1931 г. достиг 16 км. Теперь строится (Юнкерс) специальный самолет для полетов в стратосфере („стратоплан“). До высоты 36 км. поднимаются (без людей) шары-зонды с самопишущими приборами, опускающимися обратно на землю на парашютах. Несмотря на то, что большинство работников звездоплавания отказываются от пороховых ракет, Поггензее в марте 1931 г. и Тилинг в апреле 1931 г. успешно пускали пороховые ракеты в атмосферу (Ракета Тилинга достигла высоты 7 км.).

На последний вопрос ответ уже дан выше: не ранее, чем мы научимся летать на ракетах в атмосфере, т. е. накопим достаточный научный и технический опыт; лишь тогда мы сможем построить космические корабли и вылететь на них за пределы земной атмосферы.

Эти космические корабли должны быть настоящими небесными кораблями, как по стоимости, так и по размерам: они должны нести огромный запас горючего для отрыва от Земли, спуска на планеты и пр. Проблема максимально энергоемкого горючего есть самая насущная научно-техническая проблема звездоплавания, так как все известные до сих пор виды горючего развивают сравнительно мало энергии на кг веса; отсюда необходимость сооружения громозд-

ких кораблей. Пути к обходу этой трудности отчасти намечены.

Были предложены составные ракеты: из большей ракеты, когда она использовала свое горючее, вылетает меньшая и т. д. Циолковский предложил комбинацию остающейся на земле ракеты с вылетающей из нее космической ракетой. Предлагался также подъем ракеты на дирижаблях, пуск ее с горы, и т.п.

Весьма смелым и интересным проектом является предложенный несколько лет назад проект „космического вокзала“, или искусственной луны. Согласно этой идее, вокруг Земли будет обращаться по замкнутой орбите искусственно созданное (подвозом материала с Земли на ракетных кораблях) „небесное“ тело — межпланетный „вокзал“. С этой станции пассажиры, прилетевшие на нее с Земли, будут, пересев на мощные межпланетные корабли, совершать дальние путешествия по солнечной системе. Самое трудное — достичь этой станции с Земли. На вылет же с нее уйдет мало энергии, так как напряжение тяжести на ней ничтожно, а отдаленность этой станции от Земли и ее орбитальное движение позволят ракете с малой затратой горючего понестись по параболическому пути в межпланетные пространства. Спуск на планеты или спутники представляет трудность лишь тогда, когда на планете (или Луне) нет атмосферы: тогда придется тормозить движение ракеты, дать „контр-пар“, на что уйдет ценное горючее. Если же атмосфера имеется, то можно спланировать, постепенно затормаживая спуск трением о воздух.

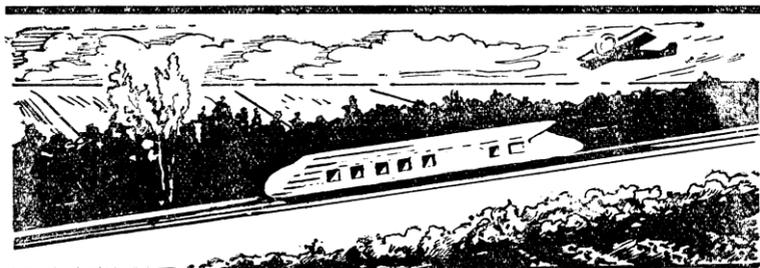
Внутри ракеты - звездолета должны быть все приборы и материалы, необходимые для того, чтобы вести ракету в пространстве, жить в ней при отсутствии внешнего воздуха, а также приспособления для высадки на лишенные воздуха небесные тела (такие как наша Луна, малые планеты).

Космическая ракета будет отапливаться (этого требует холод мирового пространства, близкий к абсолютному нулю, т. е. минус 273°Ц), либо горячими газами, либо же солнечными лучами, которые она сможет поглощать своей за-

черненной поверхностью. Стенки ракеты должны быть из особого материала (свинца, меди), чтобы бороться с холодом, делающим дюралюминий хрупким, как стекло. Стены трубы, где происходит горение, также должны быть из весьма тугоплавкого вещества.

Таковы главные проблемы будущего заатмосферного летания и пути, предлагаемые к их разрешению.

Космические путешествия будут сперва, вероятно, только рекогносцировочными облетами вокруг небесных тел и осторожными залетами на некоторые из них, наиболее для нас доступные. Но, в дальнейшем, вероятно, удастся и прочнее обосноваться на небесных землях в целях их планомерного научного изучения и, быть может, хозяйственной эксплуатации.

Проведенный недавно пробный пробег цеппелина на рельсах Гамбург — Берлин показал скорость цеппелина 230 км в час. Сопровождавший его аэроплан прибыл в Берлин значительно позже

И. Н. ХИБАРИН.

**МЕЖПЛАНЕТНЫЕ
ПУТЕШЕСТВИЯ**

Фантастическая статья

Журнал «Смена», 1924 г. № 4

Статья И. Н. Хиварина.

Б.М

1. Полет в мировое пространство

В настоящее время о межпланетных путешествиях можно говорить не только в фантастических романах. По крайней мере, *возможность* межпланетных путешествий теперь можно считать научно обоснованной.

Мысль о полетах с Земли на другие мировые тела — новая мысль, она давно прельщала людей, в особенности людей с богатым воображением — писателей, о чем свидетельствует большое число литературных произведений на эту тему. Но дальше фантазий здесь дело не шло... Теперь же не то, теперь идея межпланетных путешествий из фантазии превратилась в научную задачу, которая, как и всякая научная задача, будет, в конце концов, разрешена...

В прежнее время задачу межпланетных путешествий смешивали с задачей летания по воздуху; но теперь всякому ясно, что это две совершенно различные задачи: воздух облекает земной шар сравнительно нетолстым слоем (300 — 500 верст), межпланетное же пространство лишено воздуха, поэтому путешествовать в нем — значит путешествовать *в пустоте*, для чего наши аэропланы и аэростаты, приспособленные для летания в океане земной атмосферы, непригодны; таким образом, проблема межпланетных путешествий есть проблема *заатмосферного летания*.

Главное, с чем приходится считаться при решении задачи заатмосферного летания, это — *сила тяготения*.

Как известно, более 250 лет тому назад великий Ньютон открыл, что частицы вещества, как крупные, вроде мировых тел, так и мелкие, вроде пылинок, притягивают друг друга. Ньютон так формулировал закон всемирного тяготения: *всякие две частицы вещества притягивают друг друга с силой прямо пропорциональной их массам и обратно пропорциональной квадрату их расстояния*; то есть, с увеличением массы, скажем, вдвое, сила притяжения также увеличивается вдвое, с уменьшением же массы вдвое и сила притяжения уменьшается в два раза, а с увеличением расстояния, положим, в два раза, сила притяжения *уменьшается в*

четыре раза, а, с уменьшением расстояния в два раза, сила притяжения увеличивается в четыре раза.

Все мы и все, что нас окружает на Земле, притягивается земным шаром: Земля держит нас невидимыми, но очень крепкими цепями силы тяготения и разорвать эти цепи, преодолеть силу земного притяжения и есть главное, что нужно решить в задаче межпланетных путешествий.

Какова природа силы притяжения? К сожалению, наука не дала еще на это ответа.

Преодолима ли сила *земного* притяжения? Ежедневный опыт показывает, что да: ведь, бросая, например, кверху камень, мы частично ее преодолеваем: а раз так, раз сила земного притяжения не бесконечна, то есть надежда преодолеть ее совершенно, другими словами, оторваться от Земли и вылететь на широкий простор мирового пространства.

Но как это сделать? Обратимся к писателям фантастам, и мы найдем у них несколько проектов преодоления земного притяжения.

II. Фантазия Жюль-Верна

Более пятидесяти лет тому назад Жюль-Верн в двух своих романах: «От Земли до Луны» и «Вокруг Луны» предложил такой оригинальный проект путешествий на планеты: *герои этих романов отправляются на Луну в громадном ядре-вагоне, пущенном из специально построенной для этой цели колоссальной пушки.*

Что сказать по поводу такого проекта решения задачи межпланетных путешествий. Возможно ли вообще послать ядро (хотя бы без людей) на Луну? — *Теоретически вполне возможно.* Вычисления показывают, *что если какому либо телу сообщить начальную скорость не менее 11 километров в секунду, то такое тело совершенно преодолеет силу земного притяжения и навсегда удалится от Земли.* Так что если бы все дело сводилось к простому перекидыванию

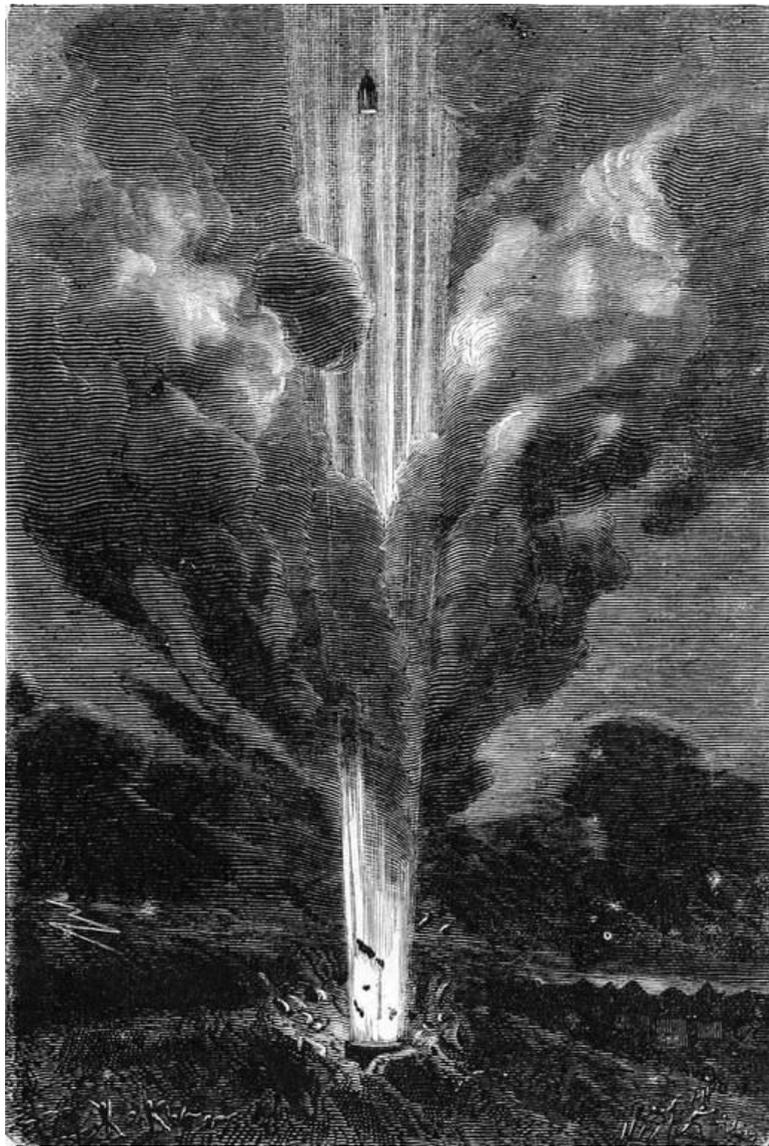
ядер с Земли на другие планеты, к установлению своего рода межпланетной почты, то задача была бы сравнительно легко решаемая, но *путешествовать* на планеты таким способом невозможно и вот почему.

Прежде всего, для путешественников, отправляющихся на планеты в ядре-вагоне по способу Жюль-Верна, будет смертельным первый удар: ядро в канале пушки в течение незначительных долей секунды развивает скорость от 0 до 16 километров в секунду¹⁾, так что секундное ускорение его будет равно 640 километрам; следовательно, пол ядра ударит пассажиров с невероятной силой или, другими словами, пассажиры будут с невероятной силой придавлены к полу. Какова эта сила — покажет следующее сравнение: секундное ускорение, свободно падающего на землю тела, равно всего 10 метрам, а ядро имеет секундное ускорение в 640 километров, т.-е. в 64.000 раз больше; таким образом, в течение ничтожных долей секунды пассажиры почувствовали бы себя в десятки тысяч раз тяжелее и под действием такой огромной тяжести были бы прямо раздавлены.

Но если бы какое-нибудь чудо спасло пассажиров при первом ударе, смерть ждала бы их при выходе из пушки. Роковым для них в этом случае оказалось бы сопротивление воздуха. При небольших скоростях это сопротивление мало заметно, но с возрастанием скорости движущегося тела возрастает и сопротивление воздуха, о чем свидетельствуют и обыденные явления, например, быстрая езда на велосипеде. Для тел, движущихся с громадной быстротой, воздух становится как бы непроницаемым: так, метеоры, врезающиеся в нашу атмосферу со скоростью не меньшей 10 — 20 кил в сек., еще высоко над землей, в редких слоях воздуха встречают сильное препятствие со стороны последнего и, загораясь от трения, обычно, сгорают и рассыпаются в прах. Та-

---

¹⁾ В данном случае пришлось бы сообщить ядру скорость более 11 килом. в сек. (около 16 кил.) для преодоления не только земного притяжения, но и сопротивления воздуха.

Иллюстрация из французского издания роман Жюль-Верн — «Путешествие на луну». Ядро отправляется... Последовал страшный взрыв.

ким образом, Жюль-Верново ядро при выходе из пушки, встретив сопротивление воздуха, внезапно остановилось бы, а пассажиры, продолжая двигаться в силу инерции, с чудовищной силой ударились бы о потолок ядра...

Можно ли избавиться от этой двойной опасности? Первого удара можно избежать, продлив время нарастания скорости ядра, а для этого пришлось бы удлинить канал пушки, и вычисления показывают, что длина пушки в таком случае должна быть не менее 300 верст. Другой способ избежать первого удара — это наполнить ядро соленой водой, а пассажиров одеть в водолазные костюмы¹⁾, и по выходе ядра из пушки, когда оно будет двигаться с постоянной скоростью, выпустить воду. От второго же удара можно избавиться, поместив пушку так, чтобы жерло ее выходило за пределы земной атмосферы...

Но если бы и удалось достигнуть всего этого, то сейчас же явились бы другие трудности: перелетев счастливо мировое пространство, Жюль-Верново ядро с громадной силой ударилось бы о поверхность той планеты, на которую оно пущено (или об атмосферу, окружающую данную планету), что также было бы смертельно для пассажиров, и, наконец, пусть все затруднения будут устранены, то не было бы возможности снова вернуться на Землю, так как Жюль-Верново ядро — аппарат неуправляемый.

Таким образом, проект гениального писателя-фантаста при ближайшем рассмотрении не выдерживает критики; Жюль-Верн своим пророческим взором провидел, что люди будут летать на другие планеты, но он недостаточно вдумался в подробности решения этой задачи.

---

1) Известно, что если хотя бы самую хрупкую вещь поместить в герметически закрытый сосуд, наполненный жидкостью, одинаковой с данной вещью удельного веса, то хрупкая вещь, находясь в таком сосуде, не будет страдать от толчков и сотрясений.

Ракета покидает Землю...

III. Еще немного фантазии (Уэллс и др.).

Другой любопытный проект решения задачи межпланетных путешествий предложил талантливый английский писатель Уэллс в своем романе: «Первые люди на Луне». Герой этого романа Кэвор нашел особый заслон от силы тяготения, подобно тому, как мы имеем заслоны от других сил — электричества, тепла, света...

Вещество, укрывающее от силы тяготения, названо в романе «кэворитом». Кэвор в сотрудничестве с другим героем романа Бэдфордом сооружает стеклянный шар, наружная поверхность которого покрыта алюминиевыми шторами. Последние могут открываться и закрываться все зараз и поодиночке. Шторы покрываются «кэворитом». Герои романа (Кэвор и Бэдфорд) садятся в шар, взяв с собой необходимые вещи, закрывают все шторы, и шар, защищенный «кэворитом» от земного притяжения, выбрасывается в мировое пространство. Очутившись в межпланетном пространстве, герои романа открывают несколько штор со стороны Луны и, таким образом, подвергают шар силе лунного притяжения. Шар, следовательно, несется по направлению к Луне. Чтобы избежать сильного удара при падении на лунную поверхность, открываются противоположные от Луны шторы с целью подвергнуть шар притяжению Солнца или Земли, что, конечно, должно ослабить быстроту падения на Луну. Подобным же образом один из героев романа возвращается обратно с Луны на Землю.

На первый взгляд проект Уэллса поражает своей простотой и логичностью, но, присматриваясь к нему ближе, мы заметим целый ряд трудностей.

Прежде всего то, что мы почти ничего не знаем о сущности силы тяготения, и говорить о создании заслона от нее — в настоящее время, значит — только фантазировать.

Но главная трудность и, пожалуй, невозможность осуществления проекта Уэллса не в этом. В науке есть закон, известный под именем *закона сохранения энергии*, открытый в сороковых годах прошлого столетия двумя герман-

скими учеными: Р. Майером и Г. Гельмгольцем¹⁾. Закон этот гласит, что *общий запас энергии во Вселенной никогда ни при каких обстоятельствах не уменьшается и не увеличивается, а всегда остается постоянным*. Энергия, хотя бы в самой малой степени, не создается из ничего; так, например, часы идут потому, что мы «заводим» (закручиваем) пружину, следовательно, производим известную работу, паровоз движется потому, что в топке при горении освобождается скрытая химическая энергия горючего вещества и т. п. А вот уэллсовский проект как раз и идет в разрез с этим основным научным законом. Представим себе следующую картину: мы имеем уже «кэворитовый» заслон, по своему желанию подкладываем его под какой угодно груз, последний поднимается, затем мы отнимаем кэворитовый заслон, груз падает и при падении может, конечно, совершить известную работу, например, поднимать воду из колодца. Что произойдет в таком случае? Как будто получение энергии из ничего... Так значит — закон сохранения энергии нарушается? Но ведь он ненарушим, ведь нельзя получить работу без затраты соответствующей силы энергии. Так в чем же дело? Дело в том, что и здесь мы затрачиваем энергию, именно — *когда подводим под груз заслон от силы тяготения*, ведь в данном случае мы как бы *перерезаем невидимые цепи силы притяжения*, значит, затрачиваем-таки энергию... Вернемся к шару, на котором Уэллс переносит своих героев с Земли на Луну.

Когда закроется последняя «кэворитовая» штора, шар выходит из поля земного притяжения; вспомним, что сила тяготения уменьшается с увеличением расстояния, и когда расстояние равно *бесконечности*, сила тяготения делается равной нулю. А раз мы вынесли шар из поля земного притяжения, мы как бы удалили его на бесконечное расстояние

---

1) Необходимо заметить, что почти за сто лет до Майера и Гельмгольца закон сохранения энергии ясно представлял себе гениальный русский ученый М. В. Ломоносов.

от Земли и совершили эту грандиозную работу в каких-нибудь две — три секунды. Получается безвыходный круг: для того, чтобы воспользоваться «кэворитовым» заслоном, *нужно преодолеть силу земного притяжения*, т.е., другими словами, сделать скачала то, для чего такой заслон должен был бы служить...

В фантастических романах есть и другие проекты решения задачи межпланетных путешествий; упомянем об одном из них, наиболее любопытном, именно: автор одного фантастического романа переносит своих героев на другие планеты на лунах света. «Как, на лучах света?» — вероятно, удивится читатель, — «разве лучи света могут что-нибудь переносить?»

Оказывается — могут... Строго научными опытами доказано, что световые лучи производят известное *давление* на те предметы, на которые они падают... Вычисления показывают, что если частичка вещества имеет в поперечнике *не больше 16-ти стотысячных долей миллиметра*, то такая частичка может переноситься световыми лучами. Как же переносить на световых лучах более крупные и более тяжелые предметы? Для этого нужно озаряемую поверхность данного предмета сделать во столько раз больше озаряемой поверхности упомянутой частички, во сколько раз вес предмета превосходит все частички. И в фантастическом романе рисуется следующая картина: герои романа сооружают каюту с прикрепленным к ней громадным зеркалом. Лучи света, падая на зеркало, уносят каюту в мировое пространство. Регулируя зеркало, герои романа изменяют скорость и направление движения каюты... Но все это хорошо только в романе, в действительности же выходит совершенно не то: точные вычисления показывают, что для того, чтобы отражательная поверхность в один квадратный метр могла быть унесена световыми лучами, она должна весить всего один миллиграмм, т.е. тысячную долю грамма. А для этого (даже в случае с наиболее легким материалом) ее пришлось бы расплющить до такой тонины, перед которой останавливается всякое воображение... А для того, чтобы

Ракета в межпланетном пространстве проходит
мимо луны.

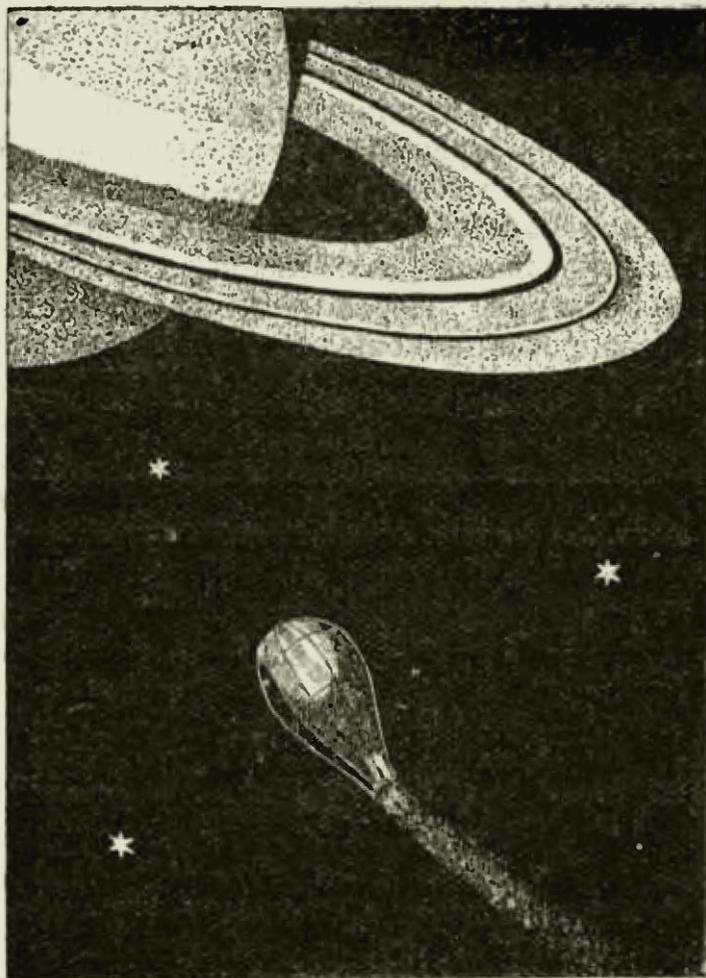
переносить световыми лучами аппарат для межпланетных путешествий с людьми и вещами — все это будет весить в миллионы раз больше миллиграмма — нужно к тому же и зеркало в несколько квадратных верст...

Таким образом, мы приходим к выводу, что все рассмотренные нами проекты решения задачи полетов на планеты, предложенные романистами, практически не осуществимы. Но неужели же и в наше время, как и прежде, об этом можно только мечтать? Неужели нельзя надеяться на близкое осуществление этой мечты? Нет, дело не безнадежно... Есть вполне осуществимый проект межпланетных путешествий... Рассмотрением этого проекта мы сейчас и займемся.

IV. На ракете в межпланетное пространство

В науке есть, так называемый, «третий закон Ньютона», который гласит, что «всякое действие сопровождается равным противодействием» или точнее: *«действующая сила всегда вызывает равную силу противодействующую»*. Следующий пример великолепно иллюстрирует этот закон: всякий, стрелявший из ружья, знает, что в момент выстрела ружье делает «отдачу», т.е. бьет стрелка в плечо; это происходит потому, что образовавшиеся при взрыве в ружье газы, выбрасывают пулю в одну сторону и с такой же силой толкают ружье в противоположную сторону. Силы действующая и противодействующая равны, но эффект их зависит от массы тел: чем масса тела больше (другими словами, чем тело тяжелее) тем эффект действующей или противодействующей силы на него будет меньше; в приведенном примере приклад ружья ударяет стрелка не так сильно, как пуля, пущенная в упор, потому что ружье во много раз тяжелее пули, или, выражаясь научным языком, масса ружья больше массы пули.

Среди живой природы мы видим ряд примеров *движения* по принципу «отдачи», или, как еще говорят — «движения возвратным ударом». Так, каракатица движется таким

Ракета в межпланетном пространстве приближается к Сатурну.

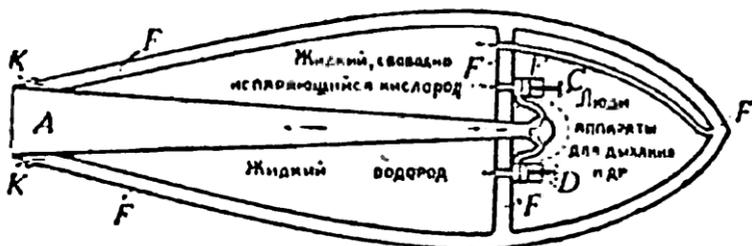
образом: она набирает воду в таберную полость и выбрасывает сильную струю через особое отверстие впереди тела; струя воды устремляется вперед, а каракатица по «закону действия и противодействия» отбрасывается назад. Подобным же образом движутся и другие водные животные. Применение закона «равенства действия и противодействия» встречаем также в технике (вращение турбины).

Но особенно наглядно способ движения по закону равенства действия и противодействия проявляется в полете ракеты. Газы, образовавшиеся при взрыве в самой ракете, стремительно выбрасываются вниз, ракета же получает от этого обратный толчок вверх, и движется, таким образом, «возвратным ударом». Если пустить ракету в пустоте, т.е. в безвоздушном пространстве, — она полетит и там. И вот, вообразим себе ракету громадных размеров, снабженную большим количеством сильнейших взрывчатых веществ, взрывная сила которых «отдачей» бросала бы такую ракету со скоростью 11 километров в секунду, т.е. со скоростью, достаточной для того, чтобы оторвать движущееся тело от земного притяжения; вообразим далее, что в этой ракете имеется особое помещение, где могут находиться люди, управляющие взрывами, и перед нами будет аппарат для межпланетных путешествий.

И такой проект решения задачи межпланетных путешествий был предложен русским инженером К. Э. Циолковским. Рассмотрим несколько подробнее этот проект.

Циолковский предлагает построить грандиозный снаряд удлиненной формы, одна часть которого должна быть отведена под помещение для людей, припасов, аппаратов и пр., а другая (большая) — для хранения взрывчатых веществ (автор проекта предлагает для взрывов брать жидкий кислород и водород). Скорости в 11 километров в секунду, необходимой для преодоления земного притяжения, можно достигать не сразу, а постепенно, последовательными взрывами, так что благополучное отправление с земли в данном случае может быть обеспечено. При приближении к какой-либо планете отдельными, противоположными движению

снаряда, взрывами можно уменьшить скорость падения и благополучно опуститься на поверхность той или иной планеты. Чтобы избежать сопротивления воздуха при отлете с Земли, можно развивать громадную скорость, при которой воздух делается для движущегося тела почти непроницаемым, высоко над Землей, даже за пределами атмосферы.

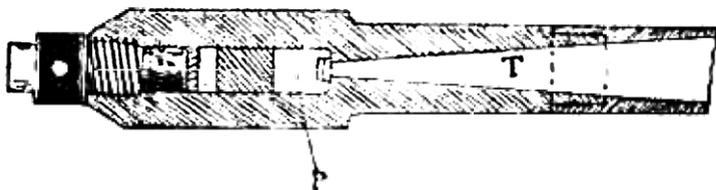
Ракета Циолковского.

Для управления таким кораблем в межпланетном пространстве (в пустоте) служит особый руль, помещающийся в задней части корабля и состоящий из двух взаимно-перпендикулярных плоскостей: струи газов, пускаемые на эти плоскости, могут изменять направление движения корабля. Съестные припасы и вода для питья могут быть взяты в достаточном количестве; для дыхания может быть также взято достаточное количество сжатого кислорода в особых резервуарах, необходимо будет также иметь аппараты для поглощения выдыхаемой ядовитой углекислоты. Благополучное возвращение обратно на Землю также гарантировано: достаточно взять лишь необходимый запас взрывчатых веществ и с помощью взрывов преодолеть силу притяжения какой-либо планеты. Наконец, если путешественники придут на такую планету, где нет воздуха или воздух будет ядовит для нас, жителей Земли, то выходить из корабля в таком случае можно будет в особых «скафандрах» (водолазных костюмах) с мешком сжатого кислорода за плечами для дыхания. Остается еще один вопрос - о продолжительности межпланетных путешествий; но и с этой стороны все

обстоит благополучно. При скорости около 40 километров в секунду¹⁾, Луны можно достичь в 2 — 3 суток, до Марса придется лететь дней 55, до Венеры около месяца, месяцев пять — шесть до Юпитера, до Сатурна более года, года три — четыре до Урана и лет пять — шесть до последней из известной до сих пор планет Солнечной системы — Нептуна.

Сейчас уже приступлено и к практическому осуществлению проекта полетов на планеты в ракетном снаряде; мы имеем в виду опыты американского ученого Годдарда; эти опыты стоят того, чтобы сказать о них два слова.

Годдард сконструировал ракету, схема которой изображена на прилагаемом рисунке. В камеру Р. закладывается взрывчатое вещество, газы, образовавшиеся при взрыве, истекают по трубке Т. При опытах удавалось получить скорость несколько более двух километров в секунду... Годдард добился и того, что взрывы происходили постепенно в разных камерах и ракета автоматически освобождалась от ненужных более частей, именно — частей трубки Т. Это последнее, конечно, уменьшало вес ракеты, благодаря чему скорость движения ракеты возрастала. Годдард уверен, что, в конце концов, ему удастся добиться возможности переброса таких ракет с Земли на Луну... Конечно, опыты Годдарда носят еще, так сказать, «лабораторный» характер, но важность их отрицать ни в коем случае нельзя.

Ракета Годдарда.

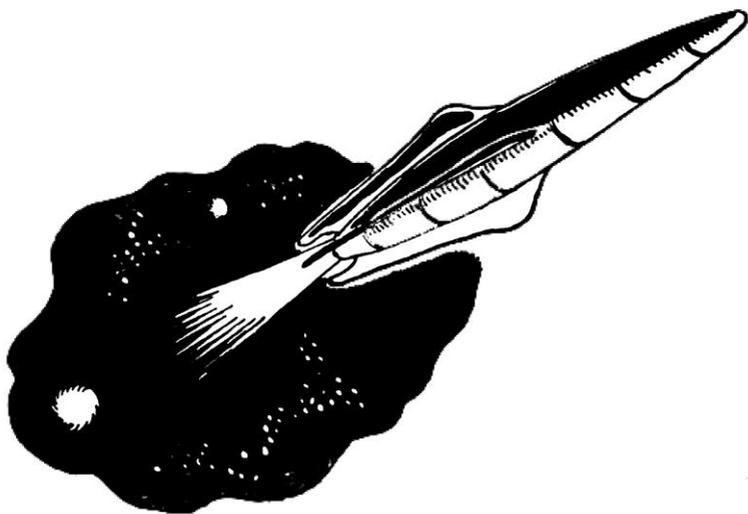
---

¹⁾ Преодолев силу земного притяжения, в межпланетном пространстве необходимо будет развить скорость не менее 40 кил. в сек. для преодоления солнечного притяжения.

Это — сегодня, а чего ожидать завтра? — Конечно, *практического* осуществления.

Рано или поздно человек будет летать по Вселенной не только на крыльях фантазии и смелой научной мысли.

Много цепей разорвал уже человек с помощью науки, разорвет он, наконец, и крепкие цепи силы тяготения и вылетит на широкий простор мирового пространства.

Я. И. Перельман

ПОЛЕТ НА ЛУНУ

Современные проекты межпланетных перелетов

С 6 рисунками.

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

ПОЛЕТ НА ЛУНУ

(Современные проекты
межпланетных перелетов)

Отрывок

ПАССАЖИРСКИЙ ПЕРЕЛЕТ НА ЛУНУ И ОБРАТНО

Попытаемся набросать в беглых чертах картину того недалекого будущего, когда пассажирские полеты «на Луну и обратно» из мечты, из проекта сделаются реальной действительностью.

Что испытают пассажиры межпланетного корабля во время подобного путешествия?

Перенесем мысленно в маленькую каюту небесного дирижабля. Нас герметически заперли самым тщательным образом. В ожидании начала полета осмотримся кругом. Есть аппараты, выделяющие чистый воздух, есть и поглотители выделяемого нами воздуха, так что, — если только путешествие не затянется слишком долго, — нам не угрожает опасность задохнуться в тесной каюте. Имеется, конечно, и достаточный запас провизии. Есть осветительные и нагревательные приборы, — те и другие электрические. Костюмы, очень похожие на водолазные, лежат окутанные тонкими тросами и длинными каучуковыми трубками. Целый набор физических приборов самого разнообразного назначения дополняет наше снаряжение.

Пора трогаться в путь. Пускаем в ход механизм, управляющий взрыванием. Струя горячих газов начала стремительно вытекать из взрывной трубы, — и мы сразу почувствовали, что каюта словно повернулась так, что «верх» теперь обращен в сторону, противоположную направлению вытекающих газов. Мы страшно отяжелели, словно налились свинцом, и, почти бессильные двинуться, лежим на новом «низу» каюты. В действительности, ракета не повернулась, а лишь двинулась в путь; чувство увеличенной тяжести родилось от того, что скорость ракеты быстро нарастает, и стенки увлекаемой ею каюты напирают на нас с возрастающей стремительностью, создавая своим давлением полную иллюзию тяжести. Нам кажется, что стенка остается в покое, а само тело наше прижимается к ней в несколько раз сильнее, чем придавливает нас к полу обычная сила тяжести. Если бы быстрота взрывания не была надлежаще

рассчитана, эта искусственная тяжесть могла бы дойти до опасных степеней и раздавить нас. Но, благодаря предусмотрительному регулированию, все ограничивается безвредными, хотя и не особенно приятными ощущениями. К тому же, они длятся недолго — всего несколько минут, пока продолжается взрывание.

В течение этих немногих минут взрывания, которое лишает наш снаряд запаса взрывчатых веществ в количестве $\frac{1}{7}$ общего веса ракеты, небесный корабль успевает прорезать атмосферу и вынестись в пустое мировое пространство, накопив скорость, достаточную для межпланетных путешествий.

С прекращением взрывания изменяются резким образом и наши ощущения. Из чрезмерно тяжелых мы сразу же становимся совершенно невесомыми! Это — не следствие внезапности перехода; мы действительно утрачиваем полностью свой вес, в буквальном смысле этих слов. Невесомыми становятся и все другие вещи, заключенные в ракете. Свободно, по инерции летящая ракета — своеобразный мирок, в котором нет тяжести. Причина станет понятной, если примем в соображение, что оболочка ракеты и все находящиеся внутри нее вещи движутся теперь под действием совершенно одинаковых сил и с совершенно одинаковыми скоростями, а следовательно, по отношению друг к другу остаются словно неподвижными¹⁾. Вы роняете из руки какую-нибудь вещь, но она не падает, а остается словно подвешенной на невидимой нити, не обнаруживая ни малейшего стремления опускаться «вниз», к Земле. На самом деле она подчиняется действию земной тяжести, но получает от этой силы точно такое же перемещение, как и сама оболочка ракеты; а так как мы не замечаем движения ракеты, то не обнаруживаем и падения уроненной вещи. И так продолжается все время, пока ракета летит без взрывания.

---

1) Надо помнить, что в безвоздушном пространстве все вещи — и тяжелые, и легкие — получают от действия силы тяготения совершенно одинаковые движения. Это и обуславливает то поразительное следствие, о котором здесь идет речь.

Если у вас, читатель, живое воображение, постарайтесь представить себе этот сказочный мирок, где вещи, оставшись без опоры, никуда не падают, где суп не выливается из опрокинутой тарелки, где малейшее усилие уносит ваше тело, как пушинку; где нельзя дотронуться ни до одного предмета — без того, чтобы не привести его в нескончаемое движение; где можно приставить стул к стене или к потолку и усесться на нем... При всей необычности, пребывание в такой обстановке, свободной от тяжести, не может причинить нашему организму никакого вреда.

Мы далеко уже унеслись от Земли и витаем в пустоте мирового пространства. Взглянем через перископ на покинутый нами мир. Вот она, Земля: в виде большого широкого серпа вырисовывается она на густом черном фоне звездного неба. Солнце тоже имеет необычный вид: глядя на него сейчас не сквозь толщу земной атмосферы, мы видим его яркий диск, окруженный серебристым ореолом той загадочной «короны», которую с Земли можно видеть только в редкие моменты полного солнечного затмения. Направив перископ в другую сторону, мы видим Луну, полумесяц которой, медленно разрастаясь, плывет на черном бархате неба, усеянном яркими точками. К тому моменту, когда нам придется высаживаться на Луну, она успеет далеко переместиться и стать полной. Ведь наше путешествие в один конец должно занять более шести дней!

Сутки проходят за сутками, однообразные, пожалуй, даже скучные, как один долгий день, без того оживляющего чередования света и темноты, к которому мы привыкли на Земле. При желании мы можем, впрочем, нарушить монотонность путешествия, решившись на кратковременную отлучку с борта небесного корабля. Куда? В пустоту, в окружающее пространство. Надев „водолазный“ костюм, один из нас, с запасом сжатого воздуха в резервуаре, оставляет каюту, вися на проволоке. Конечно, герметическая дверь каюты, надлежаще устроенная, открывается и закрывается со всеми необходимыми предосторожностями. Очутившись «за бортом», мы можем обозревать сразу всю вселенную,

все несметное воинство небесное, каким не видал его ни один человеческий глаз. Опасно? Не очень. Если поддерживающая нас проволочка вдруг оборвется, то мы... не упадем на Землю, не беспокойтесь. Мы будем продолжать нестись по инерции рядом с ракетой, не отставая от нее. При некоторой ловкости наш спутник, оставшийся в снаряде, сможет поймать нас петлей и снова водворить в каюту.

Дня через четыре мы будем уже настолько близки к Луне, что притягательное действие ее на снаряд превозможет действие земного тяготения. С этого «перевального пункта», который находится от Луны в расстоянии $\frac{1}{9}$ пути, мы начнем падать на ночное светило. Мы этого, конечно, не ощутим непосредственно: тела наши и все вещи в снаряде будут по-прежнему невесомы. Но мы сможем в перископ наблюдать Луну уже в виде огромного, медленно разрастающегося диска, застилающего значительную часть неба. Кольцеобразные горы, впадины, трещины, все подробности поверхности этого загадочного мира отчетливо различаются нами простым глазом¹⁾. Скорость нашего движения, почти дошедшая до нуля близ «перевального пункта», теперь снова возрастает. С каждым часом подлетаем мы к ее поверхности все ближе и ближе. Если падение будет так продолжаться беспрепятственно, мы разобьемся вдребезги о лунную поверхность. Удар не будет даже смягчен воздушным буфером, так как Луна лишена (или почти лишена) атмосферной оболочки.

Достаточно приблизившись к Луне, мы должны поэтому принять меры к уменьшению этой губительной стремительности падения. Можем ли мы это сделать? Да, мы возобновляем взрывание и, работая органами управления, направляем струю вытекающих газов так, чтобы ракета повернулась взрывной трубой к Луне. Теперь работа взрывания будет уже уменьшать скорость нашего межпланетного корабля.

---

1) Однако, все еще не так ясно, как в сильные земные телескопы, приближающие Луну всего верст на 400. Мы сейчас находимся гораздо дальше этого расстояния.

Продолжив взрывания достаточное число секунд (дело идет всего о нескольких десятках секунд), мы можем довести нашу скорость почти до нуля и плавно, без толчка, опуститься на лунную почву. Вы видите, между прочим, что спуск на планету неизбежно сопряжен с расходом горючего. Если бы мы высаживались на планету, сила притяжения которой равна земной, то должны были бы для ослабления удара затратить столько же взрывчатых веществ, сколько понадобилось нам для отправления в путь. Но для Луны, где напряжение тяжести вшестеро слабее земного, это количество сравнительно не столь велико.

Итак, мы достигли Луны; снаряд наш покоится на ее почве. Выйти? Но на Луне нет атмосферы, и чтобы не задохнуться, можно решиться сделать это только в «водолазном» костюме. Бродя близ снаряда по лунной поверхности, мы собираем образцы минералов и других произведений лунной природы; выносим из каюты физические приборы и определяем свое астрономическое положение; измеряем давление атмосферы, температуру, влажность, напряжение тяжести, магнитное склонение и т. п.; фотографируем лунные пейзажи... Со временем здесь будут возведены благоустроенные станции для высаживающихся земных пассажиров, и тогда можно будет предпринимать более отдаленные разведки. Пока же этого нет, прогулка наша должна быть кратковременна, а район обследования ограничен. Надо спешить в кабину, чтобы начать обратное путешествие на Землю.

Снова начинает работать взрывной механизм ракеты, и когда будет израсходовано столько же горючего, сколько затрачено было для спуска ракеты, снаряд будет обладать скоростью, достаточной, чтобы по инерции долететь дня через два до перевального пункта Луна-Земля, откуда начнется продолжительное, 4-х дневное падение на Землю. К концу этого полета, чтобы предотвратить катастрофический удар о земную поверхность, понадобится снова — в 4-й раз — пустить в дело взрывание; накопленная при падении огромная скорость будет быстро уменьшаться, и когда

сожжем столько же (относительно) горючего, сколько израсходовали при подъеме с Земли, ракета спокойно сядет на земную поверхность после почти двухнедельного странствования. Перелет «на Луну и обратно» закончен.

Так или приблизительно так будут совершаться первые пассажирские межпланетные перелеты в 19.. году. Луна, Марс, астероиды (мелкие планетки, в большом количестве обращающиеся за орбитой Марса) — вот первые станции небесных путешествий. Напряжение тяжести на этих планетах гораздо меньше, чем на Земле, и спуск на них, а также обратный подъем с них не потребуют чрезмерного запаса взрывчатых веществ, — хотя все же весьма большого. Запас их должен быть в сотню раз больше веса пустой ракеты!), между тем как непассажирская ракета Годдарда отправляется всего с 7-кратным запасом. Что же касается планет с большим напряжением тяжести — Венеры, Юпитера и др., — то (не станем скрывать этого от себя) для их посещения потребуется такой огромный запас взрывчатых веществ, что осуществление подобных предприятий, вероятно, долго еще будет оставаться за пределами возможного.

Но и полеты на Луну или на астероиды явятся уже небывалым успехом, какого не знает история науки и техники. Человек распространит свою власть над природой за пределы земного мира, протянет покоряющую руку к навеки, казалось бы, недоступному небу. Это будет начало новой, вселенской эры существования земного человечества, когда оно расторгнет невидимые цепи, тысячелетия приковывавшие его к родной планете, и ринется в безграничный простор вселенной.

Лев ГУМИЛЕВСКИЙ

ГОРОД КАРЛА МАРКСА

Отрывок из фантастического романа «Харита»

ЛЕВ ГУМИЛЕВСКИЙ

ХАРИТА,
ЕЕ ЖИЗНЬ И ПРИКЛЮЧЕНИЯ,
А ТАКЖЕ ПОДРОБНЫЙ
РАССКАЗ О ТОМ, КАК
БЫЛ НАЙДЕН ГОРОД
КАРЛА МАРКСА

РОМАН

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
МОСКВА 1926 ЛЕНИНГРАД

Журнал «Пионер», № 24, 1925 год .

(Из романа „Харета“)

Днем черный столб пыли взвился к небу. Ветер понес его по развалинам древнего города Увека. Пыль легла тонким покровом на размытые весенними ручьями мертвого становища Золотой Орды.

Вечером тысячелетний курган на развалинах плакал тонким девичьим плачем. Плач стлался, как пыль, по лысому городищу до самого берега Волги.

Ночью же шевелились кусты ивняка на берегу, пугая сидевших у костра рыбаков.

Парень, долго оглядывавшийся на кусты, вынул из костра горящую головню и швырнул ее со всей силой туда. Тогда там, за листвою, ахнул чей-то тонкий девичий крик.

— Сгинь, — крикнул парень, — сгинь, нечисть.

Он перекрестился и добавил:

— Она. Ее голос-та, курганная.

Парень замер. Прохожий прошептал молитву.

Старый рыбак, лохматый мужик, сам похожий на скифа, с усмешкой крикнул в кусты:

— Эй, выйди. Не бойся, выходи.

Тонкие пальцы раздвинули кусты. Рыбаки охнули враз. Из листвы вынырнуло девичье личико, покрытое тонким слоем черной увекской пыли.

— Да иди же сюда. Кто ты?

Девочка вышла, как из могилы. Глаза ее горели. Она испуганно разглядывала рыбаков. Огромные черные тени их метались по земле, по кустам от вздымавшихся языков пламени. По берегу, как огромная паутина, на прямых шестах сушились сети; на воде, далеко освещенной пламенем костра, виднелись широкие горла плетеных корзин и плескались меж ними рыбацкие остроносые лодки.

Девочка подошла к костру, сказала робко:

— Здравствуйте, добрые люди.

Сидевшие оглянулись враз и промолчали. Лохматый мужик присмотрелся к ней:

— Откудава это ты, доченька?

— Заплуталась, должно быть, — спокойно ответила она, — иду в Саратов, а сама синенькская. Думала, в Костровке заночую, а вот не дошла. Далеко тут?

— Не далеко, да ночь. Собаки загрызут.

— И страшно. Я лучше с вами посижу до утра.

— Садись, — ответил мужик, давая ей место у огня, — сейчас вот ушицы похлебаешь с нами. Зачем в Саратов идешь?

— А не возьмут ли в приют. Там, говорят, приюты есть.

— А ты — сирота, что ли?

— Не знаю, — просто ответила девочка, — отец в голодный год, как ушел за хлебом, так и не вернулся. Не знаю, жив, аль нет...

— А мать?

— Матка померла тогда же.

— Где же ты жила?

— У тетки. Да вот и тетка прогнала. Самой есть нечего.

— Эх-хе-хе, — вздохнул глубоко мужик и ласковее поглядел на девочку, — ну, вот, у меня завтра чуть свет лодка идет в Саратов с рыбой, довезет и тебя. Сиди тут, грейся.

Харита сказала «спасибо», протянула ноги к костру. Разговаривавший с нею мужик обернулся к сидевшему напротив него длиннородому человеку в солдатской шинели с сумкой за плечами, и сказал:

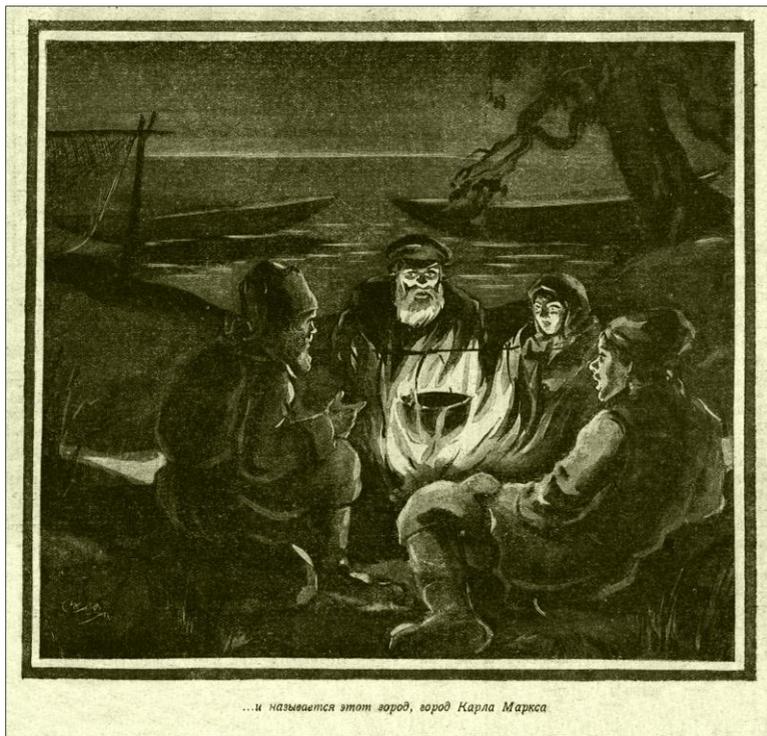
— Ну, рассказывай дальше.

Третий, сидевший за костром молодой парень, наскоро заглянул в котелок, кипевший над углями, и обернулся к напугавшей его девочке:

— Вместо двух — четыре ужинать будем. Тоже прохожий, — ткнул он пальцем на человека в шинели.

— Да, — неторопливо и ровно заговорил прохожий, — и называется этот город, значит, город Карла Маркса. Строится он уже пятый или шестой год, и строится в дивном парке, где, значит, у каждого домика садик, и в садике том яблоки, вишни и всякая ягода, и всякая овоща, и всякий плод. В городе том все электричеством делается. Электричеством папшут, электричеством сеют, электричеством жнут, электричеством тесто месят и на электричестве хлебы пекут.

— Ух ты, — восторженно перебил его парень, — а рыбу? — вспомнил он вдруг.

...и называется этот город, город Карла Маркса

— Что рыбу? — недовольно переспросил прохожий.

— Рыбу, спрашиваю, ловить тоже электричеством будут?

— Не только ловить, даже разводить ее электричеством будут, — наставительно и спокойно ответил прохожий, — и не всякую рыбу, а только первый сорт: стерлядь, осетра, белугу...

— Тьфу, пропасть их возьми, — сплюнул парень, — неужто все это возможно?

— А то нет, — оборвал прохожий, — говорю, все электричеством. И от этого электричества такое всем будет облегчение, что каждому жителю на работу придется в день тратить не то два, не то три часа. Три часа он отработает по своей специальности, а остальное время — гуляй в парках, заходи в театры, катайся в электрических вагонах, читай электрическую лекцию, газету, что кому надо.

Девочка слушала, прикрыв глаза... Город, о котором рассказывал прохожий, понравился ей.

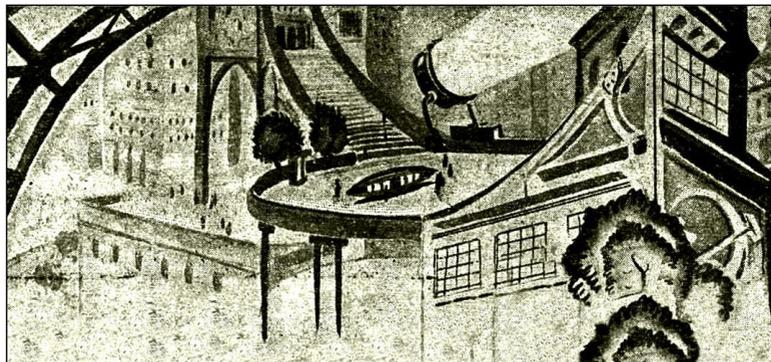
«Вот куда мне-то бы», — подумала она и вздохнула глубоко, посмотрев с завистью на рассказчика.

Прохожий продолжал мерно и тихо:

— Каждый, чем на воле был, тем и там будет. Скажем, я крестьянствовал, то и там мне крестьянское хозяйство дадут, но, конечно, все с электрическими машинами. Сел ты на плуг электрический — сидишь, цыгаркой дымишь, а плуг себе идет, ты только поворачиваешь — туда, сюда, направо, налево. Отработавши, ты на том же плугу домой скачешь, только его обернувши задом наперед: тогда он не плуг, а карета с такой скороходкостью, что минут пять — и ты дома. Дома у тебя все машинами изготовлено, наварено, напечено. Ты уж только кнопки нажимаешь, да крантики отворачиваешь: тут тебе и супы, и жаркие, и блины, и каша, а запить — наилучший баварский квас из стен, по трубочкам.

— Водки нету? — спросил парень серьезно.

— За это дело отудова по шеям гонять будут, — ответил прохожий сердито, — это не для баловства город тебе строят, а для сурьезной жизни.

Девочка слушала про блины и баварский квас, глотала слюни и глядела в рот прохожему, стараясь первой услышать каждое слово о чудесном городе.

«Вот бы куда мне. Вот бы куда, — думала она каждый раз, как только прохожий закрывал губы, чтобы передохнуть, — это, не то, что клады искать. Уж там все нашли».

— А няньки там есть? — спросила она.

— Зачем там няньки, — сказал прохожий, — когда там на все электричество. Ребята не хворают, не плачут. Конечно, нянчай своего, коли уж тебе это нравится.

— Кому же там жить, — спросил мужик, — господов теперь, ведь, нету.

— Для бедного человека и строится. Весь свой капитал господин Карла Маркса на это дело по завещанию оставил и душеприказчикам своим, находясь в здравом уме и твердой памяти, приказал: пускать на жительство и прописку самого разнесчастного человека, одну голь-бедноту.

— Большой капитал надобно такой город выстроить, — задумчиво сказал рыбак. — И какой город надо, на тысячу десятин.

— Капитал оставил покойник огромнейший.

— Разворуют при постройке много, — вздохнул рыбак, — да и душеприказчики эти... Тоже.

— Знал, чай, человек, кого в душеприказчики брал, — ответил прохожий сердито, — с головой человек был. В го-

родах теперь его портреты везде, так я видел, какая голова. Голова, что твой котел!

— По капиталу видать, что голова.

— То-то и есть.

Все замолчали на минуту задумчиво. Парень посмотрел в котелок, сказал: «готова, должно быть», и спросил:

— Кого же туда брать будут: всех ли, али по выбору?

— Ну, конечно, по выбору. Пройдешь ты комиссию: трудящийся ты или нету. Спрос тебе будет и электрическое обследование. Такая машина, что ты при ней врать не можешь. Будешь молчать, а мысли твои все в телефоне известны. Если плут какой, — так не ходи лучше, не возьмут.

— Покойного отца моего взяли бы, — сказал парень, — ах, и сколько же пострадал человек!

— А ребятов берут? — неожиданно спросила девочка.

Забывшие про нее рыбаки оглянулись, потом посмотрели на прохожего. Тот ответил решительно:

— Берут и ребят. Разве ребят нет несчастных? Этаким же манером и их заберут. Конечно, им уж работы не дают, а только в училищи определяют.

— Меня бы взяли, — уверенно сказала девочка, — взяли бы.

Она вспомнила всю свою жизнь и, вспомнив все, еще раз повторила:

— Взяли бы.

— Вот и ступай, — сказал рыбак сочувственно, — что тебе по приютам шляться. Не сладко тоже, да и возьмут ли еще.

— Легко сказать — ступай, — перебил прохожий, — вот я иду туда, поспешаю. А где тот город — никто не знает, всяк про себя хранит, сказать боится. Ищи — говорят.

— Не ягодка. Найти можно.

— Язык до Киева доведет, — добавил рыбак, — да в Саратове, чай и то знают.

— Которые знают, так те выкуп просят, — подмигнул прохожий многозначительно.

— Сколько? — осведомился парень.

— Тоже такса, — объяснил тот, — если за десять рублей — только сторону покажут. За пятьдесят — дорогу назовут. А за сто расскажут так, что чуть не подвезут.

— Тоже и поторговаться можно.

— Попытка — не пытка, — все так же многозначительно протянул прохожий.

Старый рыбак вздохнул, сказал ему, кивая головой на девочку:

— Уж ей бы ты, чай, мог и даром сказать.

— Пять гривенничков у меня есть, — жалобно отозвалась она.

— Не знаю я сам, — сурово отрезал прохожий, — побираюсь вот, хожу, на выкуп деньги коплю. А, гляди, набреду на доброго человека — даром скажет.

— А тебе самому лестно чортом быть, — сурово сказал рыбак, — вместо доброго человека.

Девочка взглянула на прохожего и засмеялась.

— Ты о чем, девчонка? — обернулся рыбак к ней.

Она конфузилась.

— Я, дяденька, потому, что вы о чорте помянули, я про чорта вспомнила. Смешной очень. У нас в деревне чорт ночью ходил, мужиков пугал.

Рыбаки посмотрели на нее и засмеялись, ничего не ответив.

Когда они утихли, прохожий снова заговорил:

— Также говорят, что очередь можно и раньше занять. Пока тебе обследование и осмотра не учинят, ты в очереди состоишь, и если годен, берут по твоей очереди, когда бы ты не явился. На это дело пять рублей вносить надобно.

Девочка вздохнула безнадежно: и до пяти рублей было ей далеко еще.

Рыбак посмотрел на прохожего подозрительно.

— А много ты набрал задатков?

— Дают, которые.

— Дураков на свете много.

— И несчастных не мало.

— Как же они дорогу найдут очередь занимать. Дам я тебе пятерку, слизнешь ты ее, а дальше что?

— Я в очередь запишу.

— Ну, а потом?

— Тебе извещение будет и бесплатный билет без адреса.

А уж на вокзале посадят в вагон, который туда идет.

— Ловко придумано.

Рыбак покачал неодобрительно головой, отвернулся от прохожего к парню:

— Ну, снимай котел, поедим да спать. До рассвета вздремнуть бы.

Парень снял котел на траву, вынул ложки, раздал по рукам... Прохожий достал свою. Все молча сели в кружок перед котлом и стали есть, доставая уху и разварившуюся в клочья рыбу круглыми ложками, которыми тянулись к котлу по очереди.

Ели долго и медленно. Девочка отложила свою ложку раньше всех. Длинный этот день истомил ее. Согревшись, нестерпимо захотелось лечь ей на теплой земле у костра и заснуть.

Рыбак посмотрел на ее слипавшиеся глаза, сказал:

— Ложись-ка, девочка, — и кивнул парню, — дай-ка ей, Тиша, ватолку подстелить.

Тиша принес откуда-то ватолку, бросил на траву.

Девочка завернулась в свою куртку и легла. Таинственный город, сиявший электрическими огнями, представился ей в одно мгновение в такой

ясности, таком тепле, счастье и радости, что она решила тотчас: «Пойду жить лучше туда, чем в приют».

Решение ее было крепко и просто. Она не слушала, что рассказывал прохожий после ужина, город и без того показался ей знакомым. Сквозь сон мелькнули перед ней его улицы, сады и яблони, тогда она поняла, что это не город, а рай.

Рыбак, ложась спать, прикрыл ее дырявым тулупом, и она проспала до рассвета, не шевельнувшись.

Н. Е.

**КАК МЫ СЕБЕ
ПРЕДСТАВЛЯЕМ
СОЦИАЛИЗМ**

Фантастический очерк

КАК
ПРЕДСТАВЛЯ

ЗЕМНОЙ ШАР НА ЛАДОНИ

Журнал «Пионер», № 20. 1927 г.

МЫ СЕБЕ ЕМ СОЦИАЛИЗМ

ЗЕМНОЙ ШАР НА ЛАДОНИ

Обыкновенно, сидя без дела и думая о социализме, я превращаюсь в великана и, положив земной шар на ладонь, тщательно рассматриваю его. Я стараюсь не забывать ни одной мелочи.

И мое воображение рисует мне следующее: земной шар, как маленький мячик, лежащий у меня на ладони, точно разделен на громадные правильные квадраты. Эти квадраты не что иное, как поля, засеянные продуктами питания, но не пшеницей и рожью, а растениями, которые содержат в себе больше питательных веществ, правда, не имея почти никакого вкуса. С правильными промежутками среди этих полей возвышаются города с мощными фабриками и заводами, с сотнями миллионов населения. В этих городах равномерно бьется сердце мировой промышленности, протянувшей проволочные нити в далекие уголки полей и поставляющей туда электричество. Громадные светлые здания заводов не бросают уже больше, как в XX веке, в небо ни копоти, ни

дыма, и воздух в городах чист и свеж, как в далеких зеленых равнинах.

Живущие в этих городах — не рабы, а полновластные хозяева всех этих городов, полей, фабрик и заводов. Они крепки и здоровы. Работа на фабриках, среди машин, не влияет на их здоровье, да и работают они всего 2 часа в сутки. После работы для них, строителей и хозяев в одно и то же время, предоставлено все: громадные спортивные залы с множеством разных снарядов, театры, загородные дома, библиотеки, читальни и кино. Кино все еще живо, как и в наши времена. Конечно, оно более усовершенствовано, и все еще увлекает в свои залы не один миллион зрителей каждый вечер.

Для детей младшего возраста здесь устроены детсады и ясли, в которых они проводят все свои детские годы. Устроены также учебные заведения, в которых преподавание ведется гипнозом. Человеческая жизнь здесь продолжается в среднем 150—200 лет, и старик, пользующийся приемами омолаживания, выглядит так же, как и 20-летний юноша.

Здесь больше нет ни войн, ни классов. Политических партий больше не существует. Весь земной шар объединяет Великий Союз Социалистической Земли

ПИОНЕР

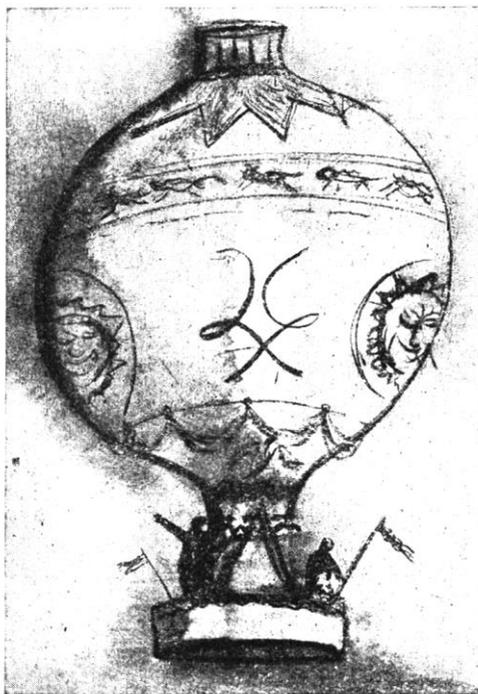
1929

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

13

К РИСУНКУ НА ОБЛОЖКЕ

Первый воздушный шар был построен братьями Монгольфьер 5 июня 1783 г.

На обложке нарисован пуск первого воздушного шара. Шар построили братья Монгольфьер, поэтому легко догадаться, что такое монгольфьер и почему он так называется.

В этом номере напечатан рассказ «Полет герр Думмкопфа». Думмкопф по-немецки глупая голова. Его изобретение, конечно, никогда не существовало, как не было и самого Думмкопфа. А для того, чтобы показать, каков был настоящий первый воздушный шар, мы напечатали эту обложку.

Д. ЛЕВИН

**ПОЛЕТ ГЕРР
ДУММКОПФА**

Фантастический рассказ

Рисунки Г. Берендгофа

Журнал «Пионер», № 13, 1929 г.

ПОЛЕТ ГЕРР ДУММКОПФА

Рассказ Б. ЛЕВИНА
Рисунки Г. БЕРЕНДГОФА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Лет девяносто тому назад в немецком городе Швабштадте жил знаменитый ученый по имени герр Думмкопф. Слава о нем прокатилась далеко за пределы его родины. Недавно в Швабштадте соорудили в честь его памятник: на главной площади поставили большую каменную глыбу, заостренную кверху, в виде острой башни, на башню посадили гигантскую бронзовую муху, а верхом на муху — мраморную статую самого герра Думмкопфа, маленького лысого старичка в халате и туфлях.

Несмотря на это, жизнь и приключения герра Думмкопфа известны очень мало. И только теперь, через семьдесят восемь лет после его смерти, мы взяли на себя труд рассказать, наконец, о замечательном приключении этого великого ученого.

Герр Думмкопф был человеком маленького роста, плешивым и очень робким. Тридцать лет под ряд он прослужил писцом в городской думе Швабштадта. Жил он одиноко, на Урштрассе, у толстой фрау Шмидт, ни к кому не ходил и ни с кем не водил дружбы. Так он прожил до пятидесяти шести лет. А тут его уволили со службы. В первые дни, сидя дома без дела, герр Думмкопф очень скучал. Но потом достал у фрау Шмидт толстую поваренную книгу, и от нечего делать принялся ее читать. Книга ему понравилась. Он пошел в городскую библиотеку и принес оттуда целую пачку книг. С тех пор герр Думмкопф начал целыми днями просиживать над книгами. Читал он, главным образом, толстые, обстоятельные книги по математике, по физике или по сельскому хозяйству — читал с удовольствием.

Слава об ученых занятиях герра Думмкопфа прошла по всему городу. Многие начали его именовать даже „герром доктором“.

В результате такого усиленного чтения у герра Думмкопфа появилась привычка обо всем размышлять: например, увидя из окна своей комнаты человека, идущего по улице, герр Думмкопф тотчас начинал думать о нем: „Этот человек, размышлял он,— во время ходьбы усиленно машет руками. Хорошо. Сейчас вообразим, что он лишился одной руки, скажем, левой. Будет это мешать его ходьбе или нет? Если он приделает себе искусственную руку, то, конечно, мешать не будет, а если он приделает себе одно только предплечье, как тогда?“

Звук трубы толкал его на размышления о музыке: „Музыка, — рассуждал герр Думмкопф, — есть сочетание целого ряда музыкальных звуков. Музыкальные же звуки извлекаются из разных инструментов по-разному: по скрипке водят смычком, в барабан бьют, в трубу дуют. Хорошо. Сейчас вообразим, что в скрипку стали дуть, по барабану водить смычком, а по трубе бить, какие же звуки получатся? Те же ли, что раньше, или другие?“ Самые интересные свои размышления герр Думмкопф аккуратно записывал в большую конторскую тетрадь.

Так прошло три года.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Муха на памятник герра Думмкопфа поставлена не напрасно. Именно с мухи началось его приключение.

Однажды утром герр Думмкопф проснулся от непонятного шума: что-то рядом жужжало и трещало, как молотилка. Герр Думмкопф открыл глаза, увидел, что над его носом летает большая мохнатая муха. Привычка размышлять обо всем сказалась. Глядя на полет мухи, герр Думмкопф впал в размышление.

„Как странно она летает, — подумал он, — даже непонятно как-то. Птица летает — так она крыльями машет. Ку-

рица, чтобы пролететь два шага, и та крыльями бьет. А эта расправит крылышки и летает. Хорошо. Допустим, что крылышки ей служат для того, чтобы держаться в воздухе. Но чем же, спрашивается, она передвигается вперед и управляет? Ножками, что ли? Да, должно быть, ножками“...

Чтобы проверить свою догадку, герр Думмкопф поймал муху и двумя пальцами защебил ей ножки. Муха жужжала, трепыхала крылышками, но улететь не смогла. Герр Думмкопф отпустил ножки, — муха тотчас поднялась к потолку.

Герр Думмкопф был очень доволен. „Конечно, — думал он, — муха передвигается по воздуху ножками. Когда я придержал ее ножки, она летать не могла. Но стоило ей только освободить ножки, и она сейчас же полетела. Это несомненно так. А крылышки ей служат только для того, чтобы держаться в воздухе“.

Во время обеда герра Думмкопфа осенила новая мысль.

„Если люди, — решил он, — двигая руками, могут плавать по воде, как рыбы, куда и как захотят, то, двигая ногами, они смогут лететь по воздуху так же свободно, как мухи. Правда, на воздухе держаться труднее, чем на воде. Но так же, как на воде, некоторые люди держатся при помощи больших надутых пузырей, так и на воздухе они смогут держаться при помощи больших надутых шаров“.

Обсудив вопрос со всех сторон, герр Думмкопф решил сделать первый опыт — опыт летания по воздуху. „Надо только кому-нибудь решиться, — думал он, — потом уже полетят“. И на следующее утро отправился к бургомистру города Швабштадта — герру Каценшнауцу, просить его помощи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Бургомистр, до которого дошла уже молва об ученых занятиях герра Думмкопфа, встретил его очень приветливо.

— Чем могу вам служить, герр Думмкопф? — спросил он.

— Видите ли, герр Каценшнауц, — сказал герр Думмкопф, — я решил полететь!

Бургомистр крайне удивился.

— То есть как так полететь? — спросил он.

— Очень просто, — ответил герр Думмкопф, — как муха.

Бургомистр от испуга уронил на пол свою трубку.

— Понимаете, герр бургомистр, — пояснил герр Думмкопф, — я вчера открыл, что муха передвигается по воздуху не движением крылышек, а движением ножек. Крылышки же ей служат только для того, чтобы держаться на воздухе. Если человеку дать два больших надутых шара, чтобы держаться на воздухе, то он полетит не хуже любой мухи.

— Понимаю! — ответил бургомистр. — Мне бы только хотелось послушать, каково мнение по этому вопросу нашего ученого советника — доктора Вундеркинда.

Доктор Вундеркинд был человеком высокого роста и в очках. Узнав о чем речь, он сказал:

— Да ничего вы, герр Думмкопф, нового не открыли. Еще сорок лет тому назад на шарах, надутых водородом, люди уже поднимались на воздух.

— А они могли летать в любом направлении? — спросил герр Думмкопф.

— Нет, — ответил доктор Вундеркинд, — они летали только по направлению ветра.

— А я могу полететь, куда захочу! — сказал герр Думмкопф.

— Как же так? — спросил доктор Вундеркинд.

— Очень просто: двигая, как муха, ногами по воздуху, — ответил герр Думмкопф.

— Ну, доктор, каково ваше мнение? — спросил бургомистр.

— Коли охота, пусть летит! — проворчал доктор Вундеркинд.

— Прекрасно! — воскликнул бургомистр. — В таком случае, я могу вам, герр Думмкопф, сказать, что все расходы, связанные с вашим полетом, управление города Швабштадта берет на себя.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Через три недели шары были готовы. Они были сделаны из очень легкой, но плотной и очень тонкой шелковой материи, а снаружи и внутри обмазаны особым лаком, чтобы сделать их непроницаемыми для газа.

Потом их наполнили водородом — особым газом, в четырнадцать с половиною раз более легким, чем воздух. Чтобы они не лопнули под давлением газа изнутри, к ним приделали особые чехлы. Наконец, шары со всех сторон плотно заделали, а из веревок сплели между ними широкий пояс, в котором человек мог поместиться таким образом, что руки и ноги у него оставались свободны.

Настал день отлета. Шары прикрепили канатом к башне кирхи. На площади перед кирхой собралась огромная толпа. Даже балконы и крыши соседних зданий наполнились народом. Утро было солнечное, но ветреное, то там, то здесь взлетали на воздух зонтики и шляпы.

Толпа снизу в восторге кричала „Хох!“

Часов в двенадцать дня на площадь явились члены городского управления во главе с герром Думмкопфом, одетым в теплый сюртук и широкополую толстую шляпу. По витой лесенке он забрался на башню.

Для устойчивости Думмкопф обвязал себя ремнем.

— До свидания! — крикнул он и махнул шляпой.

Бургомистр приказал рубить канат. Шары оторвались от башни и плавно поднялись на воздух.

Толпа снизу в восторге закричала: „Хох!“ Наверх полетели зонты, палки и шляпы. Поднявшись на воздух, шары, подхваченные ветром, медленно поплыли над площадью, над домами, над городским садом. Они все уменьшались, уменьшались, стали, наконец, величиной с горошинки и вдруг скрылись за горизонтом.

На площади все кричали: „Хох!“

ГЛАВА ПЯТАЯ

Очутившись в воздухе, герр Думмкопф в первую минуту потерял сознание: в глазах потемнело, а сердце забилося учащенно и сильно. Скоро, однако, он пришел в себя, взглянул вниз и увидел, что летит над городским садом. Далеко под ним, как зеленые свечки, стояли деревья, между ними пестрыми колечками вились цветники, а на аллеях, задрав кверху головы, толпились люди. Сверкнула речка. Где-то громко залаяла собака. За рекой потянулась улица. Дома сверху казались детскими кубиками, вытянутыми в одну прямую линию. По улице бежал человек. Он размахивал руками и, по всей видимости, что-то кричал. Слов не слышно было, так как ветер относил их в обратную сторону. Вот проплыла Урштрассе. Герр Думмкопф узнал свой дом. У раскрытого окна в чепце стояла фрау Шмидт и махала платком, а из трубы над крышей вился маленький дымок. Но вот прошла еще минута, и город остался позади.

Герр Думмкопф чувствовал себя сейчас очень хорошо. Вокруг него развернулся обширный горизонт. Солнце сияло. Над самой головой проносились легкие облака. Щебета-

ли птицы, а внизу на много миль виднелись золотистые пшеничные поля, бугорки, ручьи и рощи; меж полей черной змейкой извивалась дорога. Было воскресенье, и потому ни в поле, ни на дороге не было видно ни души. „Экая благодать!“ — подумал герр Думмкопф и, осторожно приоткрыв крышку табакерки, втянул в нос добрую понюшку табаку — это доставило ему такое удовольствие, что он трижды громко чихнул.

Герр Думмкопф чувствовал себя очень хорошо.

Но вот на дороге показалась крестьянская телега. В ней сидел старик в плетеной соломенной шляпе и девочка лет пяти. Герр Думмкопф весело закричал им: „С добрым утром, друзья!“ Старик поднял голову и с испугом посмотрел наверх. Увидя герра Думмкопфа, старик вскочил, поспешно повернул телегу к ближайшей деревне и изо всех сил принялся хлестать кобылу. Кобыла, задрвав хвост, понесла вовсю, а девочка от страха заплакала. „Дурачьё“, — подумал герр Думмкопф и, рассмеявшись, погрозил им вслед пальцем.

Прошло, должно быть, часа два с той минуты, как герр Думмкопф вылетел из Швабштадта. Город давно пропал из виду. Даже трудно было определить, в каком он находился направлении.

„Полечу над дорогой — это будет вернее всего!“ — подумал герр Думмкопф и решил, что пора ему уже вернуться назад. Тут он вспомнил, что управлять полетом надо движением ног, он подобрал отекавшие ноги и принялся быстро-быстро болтать ими по воздуху. Но шары, подталкиваемые ветром, по-прежнему неслись все вперед.

— Экий шальной ветер! — проворчал герр Думмкопф. — При таком ветре очень трудно управлять. Подожду, пока он утихнет.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Скоро ветер, действительно, стих. Шары опустились и полетели довольно низко над землей.

— Вот теперь-то я полечу назад! — сказал себе герр Думмкопф и принялся снова болтать ногами.

Однако, шары и на сей раз не поддались его управлению. Они очень медленно, но летели все вперед. Герр Думмкопф даже встревожился.

— Дурацкие шары! — прошептал он. — В следующий раз я себе сделаю шары гораздо меньшего размера. Теми легче будет управлять.

Он посмотрел вниз и заметил, что под ним в поле стоял человек с лопатой, наклонившись вперед, что-то копал в земле.

— Э-э-э-й, б-р-р-а-а-а-т-е-ц! — крикнул ему герр Дум-мкопф.

Человек прервал свою работу и глянул вверх. Постоял, посмотрел, потом быстро оглянулся по сторонам, поднял с земли палку, прицелился, размахнулся и — трах! — палка больно ударила герра Думмкопфа по ногам.

— Н-у т-ы, п-о-о-с-л-у-ш-а-й-к-а! — начал было герр Думкфопф грозным голосом.

Но человек и слушать не хотел. Он топал ногами, бил в ладоши и громко кричал: „К-р-р-р! П-ш-ш-ш!“ — как кричат курице, случайно залетевшей в дом.

„Да это сумасшедший!“ — решил про себя герр Дум-мкопф, и был рад, что хорошо еще от него отделался.

Показалась деревня. Посередине единственной улицы деревни стоял мальчишка и пускал в небо большой бумажный змей. Чтоб змей не улетел, мальчишка крепко-накрепко привязал конец веревки к кушаку, — герр Думмкопф изловчился и поймал веревку. Мальчишку дернуло в сторону, потом вверх, и вдруг он начал медленно подниматься на воздух.

— Помогите,— закричал мальчишка.

Несколько крестьян из близстоящих домов выскочили на улицу и остановились в изумлении. Что такое? Посередине бела дня, посередине деревни мальчик Фриц медленно подымался на воздух. Взглянув вверх, крестьяне увидели герра Думмкопфа. Тот махал ногами и что-то им кричал. Десять дюжих рук сразу ухватились за веревку.

— Т-ы-ы-ы к-т-о-о-о т-а-а-а-к-о-о-й?— закричали крестьяне.

— Я-я-я — Д-у-у-у-м-м-м-к-к-о-о-о-п-ф!

— К-т-о-о-о?

— Д-у-у-у-у-м-м-м-к-к-к-о-о-о-о-п-п-ф-ф!

Крестьяне обиделись:

— С-а-а-а-м т-ы-ы-ы д-у-у-у-м-м-к-о-о-о-п-ф! — закричали они и с силой дернули веревку вниз. Веревка лопнула.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Ночь тянулась без конца. Наконец, стало светать. Заалело небо. В деревнях запели петухи. В стойлах, просыпаясь, мычал скот.

Ветер замер. Шары больше не летали. Они стояли неподвижно на одном месте, но опуститься вниз не могли, так как были гораздо легче окружающего их воздуха. Герр Думмкопф посмотрел себе под ноги и увидел, что висит над площадью небольшого тихого городка. Городок еще спал. Пустые улицы, закрытые ставни, только посередине площади у круглого фонтана в теплом пальто с воротником и в мохнатой шапке сидел ночной сторож и сонно бил в колотушку.

Когда герр Думмкопф летал над городом, сторож сидел у фонтана.

— Э-й, п-о-о-с-л-у-ш-а-а-й-к-а! — крикнул ему герр Думмкопф.

Сторож вскочил, протер глаза и посмотрел на герра Думмкопфа. Неизвестно, чем тот ему показался. Но сторож, недолго думая, сорвался с места, забрался на колокольню и, что есть силы, ударил в набат.

Городок сразу ожил. Распахнулись окна и двери. У ворот появились полуодетые заспанные люди. Разинув рты, они удивленно уставились на герра Думмкопфа.

Скоро на площадь верхом на рыжей лошади приехал высокий человек в блестящей медной каске. За ним пешком бежало человек 20 в таких же касках.

„Да этот, видимо, тут главный!“ — решил герр Думмкопф про высокого человека и закричал:

— Г-е-с-р-р н-а-а-ч-а-а-л-ь-н-и-к! П-о-о-м-о-г-и-т-е м-н-е-е с-п-у-у-с-т-и-т-ь-с-я!

Но высокий, не обращая на него никакого внимания, приказал что-то окружающим его молодцам. Те сейчас же бросились к сараю, находящемуся рядом с кирхой.

Загудели насосы, и вверх сверкающей стрелой брызнула вода.

„За лестницей побежали“, — подумал герр Думмкопф и принялся спокойно ждать, когда его снимут.

Но из сарая вместо лестницы выкатили на площадь большую громоздкую машину. Машина с двух сторон имела по брезентовому рукаву. Один широкий, но короткий, а другой узкий, но очень длинный. Широкий опустили в бассейн, а узкий взял в руки высокий человек. Загудели насосы, и вверх сверкающей струей брызнула вода.

— Ч-т-о в-ы-ы-ы д-е-е-л-е-а-е-т-е?— крикнул герр Думмкопф. Но человек в каске спокойно продолжал свое дело. При этом он метил прямо в герра Думмкопфа. Струя подымалась все выше и выше, до герра Думмкопфа уж стали долетать холодные брызги. Тут, на его счастье, подул ветерок. Шары качнулись и поплыли над домами.

Второй день полета прошел так же, как и первый. Внизу все так же чередовались поля, ручьи, перелески и холмы. В городах и деревнях все так же толпились по улицам люди, все так же изумленно глядели на летающего человека.

Ближе к вечеру второго дня герр Думмкопф увидел на горизонте человека. Тот стоял поодаль на холме и махал ему руками. Герр Думмкопф чрезвычайно обрадовался ему. „Наконец-то обо мне вспомнили, — подумал он, — теперь уж я спасен!“ Он ответно замахал шляпой и, собрав последние силы, закричал:

— Д-о-о-с-т-а-а-н-ь-т-е л-е-е-е-с-т-н-н-и-ц-у-у! Л-е-е-с-т-н-и-ц-у!

Но человек ничего не ответил, а только продолжал по-прежнему махать руками. По мере приближения к нему герра Думмкопфа, человек все рос, рос и стал, наконец, величиной с сосну. „Да это, вероятно, доктор Вундеркинд!“ — подумал герр Думмкопф, увидев необычайный рост незнакомца, и вторично закричал:

— Д-о-к-т-о-р В-у-у-н-д-е-е-р-к-и-и-н-д! Э-т-т-т-о в-ы-ы-ы?

Человек и на сей раз ничего не ответил, не двинулся с места, и лишь пуще прежнего замахал руками. К удивлению своему, герр Думмкопф заметил, что у незнакомца не две, а

четыре руки. Он пристально взгляделся и вдруг хлопнул себя ладонью по лысине, и грустно сказал:

— Эх ты, думм-копф, думм-копф!

На холме стоял не человек, а обыкновенная ветряная мельница.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

В соседнем городке Фалькбекер у окна своей мастерской сидел портной Ганс и перелицовывал старый кафтан.

„Отчего это так потемнело? Никак, дождь собирается“, — подумал Ганс и высунулся из окна.

— Эй, вы, подите-ка сюда! — закричал он вдруг.

Прибежала жена.

— Что случилось, Ганс? — сказала она.

— Глянь-ка в окно, да скорее!.. да нет... пропал уже!

— Кто пропал? — спросила жена.

— Сам не знаю, — ответил перепуганный портной. — Я посмотрел в окно и вижу — летит, а кто летит, понять не могу, — не то птица, не то человек: две огромных круглых головы, а ножки... ну, что спицы, тоненькие...

Скоро по всей Германии пронесся слух, что над страной летает неизвестное и страшное чудище.

Пошли толки и пересуды. Одни уверяли, что это не иначе, как житель планеты Марс, случайно попавший на землю. Другие — что это новая порода птиц: полу-журавль, полу-человек. Третьи, наконец, утверждали, что это просто шпион, подсланный какой-нибудь соседней державой высмот-

реть все крепости Германии. Толком же никто ничего не знал.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Тем временем, герр Думмкопф все летал. Он покрыл уже сотни километров. Под ним промелькнуло множество городов, сел, деревень. Поля, золотящиеся спелой пшеницей, сменялись небольшими дубовыми лесками, леса — желтыми уступами гор. За горами снова открывались широчайшие дали равнин. По равнинам протекали реки, покрытые лодками, парусными судами и груженными баржами. Вдоль берегов рыбаки расправляли сети, гудели колеса водяных мельниц, босоногие женщины тяжелыми валиками выбивали белье.

Но герр Думмкопф ничего этого не замечал. Он ослабел до того, что едва мог двинуть рукой. Свою широкополую шляпу он давно потерял, а толстый сюртук превратился в жалкие грязные лохмотья.

Ночью под ногами герра Думмкопфа зашумело море. Высокие волны с глухим рокотом бились о берег. Гудели сирены кораблей, затерявшихся в тумане. На маяке тревожно звенел колокол.

„Меня отнесло на море, — с трудом соображая, подумал герр Думмкопф, — теперь я погиб!“

Настала полночь. Шум морского прибоя постепенно затих. Внизу слабо замерцали огни.

Вдруг шары с размаху ударились о какой-то твердый предмет, с треском лопнули и, зацепившись за что-то, неподвижно повисли. Герра Думмкопфа резнул по щеке острый металл. „Земля! — подумал герр Думмкопф. — Я спасен!“ В восторге он обхватил металл обеими руками, прижался к нему всем телом и тотчас заснул.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

После дождливой ночи наступило ясное и теплое утро. Герр Думмкопф открыл глаза и увидел, что висит на шпиге собора в большом, но совершенно неизвестном ему городе.

На площади перед собором собралась многолюдная толпа. И тут же на площади сорок плотников сколачивали огромную лестницу в сто восемьдесят девять ступенек.

Когда герр Думмкопфа сняли на землю, он слабым голосом спросил:

— Где я?

Ему ответило несколько человек сразу, но на непонятном языке. Герр Думмкопф разобрал одно только слово — Амстердам.

— А, — сказал он, — Амстердам! — и сразу же заснул опять.

Весь Амстердам был заинтересован этим неизвестным человеком. Ясно, что он — немец. Но откуда он взялся и каким образом оказался на шпиге собора? Расспрашивать самого герра Думмкопфа не решались. Он лежал в больнице.

Однако, через неделю все объяснилось. В немецких газетах появилось сообщение:

ТАИНСТВЕННОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НЕМЕЦКОГО УЧЕНОГО!

20-го августа сего года из города Швабштагта вылетел на шарах знаменитый местный ученый герр Думмкопф. Ветром его понесло по направлению к северо-западу. В течение первых трех дней полет ученого наблюдали в разных местах Германии, но потом он бесследно пропал. Есть предположение, что его отнесло на море. Всех знающих о судьбе герра Думмкопфа просят немедленно сообщить по адресу: Германия, Дармштагт, городское управление.

Письма можно послать без марок.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На следующий день к герру Думмкопфу в больницу явилось четыре человека — члены совета города Амстердама. Герр Думмкопф уже оправился. Один из явившихся — толстый бритый человек — заговорил с ним по-немецки.

— Герр Думмкопф! — сказал он. — Мы узнали из газет о вашем смелом полете. Мы преклоняемся перед вашей решительностью рискнуть жизнью ради науки; от имени города Амстердама мы пришли просить вас остаться у нас.

— Хорошо! — сказал герр Думмкопф. — Я подумаю! Только скажите, у вас тут в Амстердаме нет мух?

Члены совета переглянулись с выражением крайнего недоумения.

— Есть, сказал толстый, — но...

— Нет, нет! — ответил герр Думмкопф, — в таком случае я в Амстердаме не останусь...

Члены совета о чем-то поговорили между собой. Наконец, толстый сказал:

— Из уважения к вам, герр Думмкопф, город Амстердам обязуется доставить вам квартиру, в которой не будет ни одной мухи.

— Хорошо, — ответил герр Думмкопф. — Тогда я остаюсь тут.

Но через восемь дней из Швабштадта в Амстердам приехала делегация, посланная специально для того, чтобы привезти герра Думмкопфа. В числе делегатов были бургомистр и доктор Вундеркинд-

— Как? — вскрикнул бургомистр, явившись к герру Думмкопфу. — Вы, говорят, решили остаться в Амстердаме?

— Да! — ответил герр Думмкопф. — Тут нет мух!

— Но это-ж пустяки, — сказал мэр. — В конце концов, мы можем и в Швабштадте достать вам квартиру, в которой совсем не будет мух!

— Хорошо, — сказал герр Думмкопф, — в таком случае, я вернусь с вами в Швабштадт.

На пароход герра Думмкопфа провожало тридцать тысяч человек. Делегаты всю дорогу пронесли его на руках. Через каждые десять шагов они останавливались и кричали — „Хох!“

По возвращении своем в Швабштадт герр Думмкопф, окруженный уважением и почетом, зажил спокойной, тихой жизнью. Его видели неизменно в хорошем расположении духа и улыбающимся. Одно только всегда выводило его из себя — вид мухи. Даже упоминания о мухах он не мог слышать равнодушно.

— Мухи — вредные, поганые твари! — кричал он в таких случаях. — Их всех до одной надо истребить!

В течение 12 лет герр Думмкопф писал большой ученый труд под названием „КАК ВРЕДНО ЧЕЛОВЕКУ РАЗМЫШЛЯТЬ О МУХАХ“. Но этот труд ему не удалось окончить, так как 12 апреля 1851 г. герр Думмкопф неожиданно скончался.

А три года тому назад — в день семидесятипятилетия со дня его смерти — на главной площади города Швабштадта в его честь открыли памятник.

С. ЗАЯИЦКИЙ

**ДВАДЦАТЬ
САНТИМЕТРОВ**

Рассказ

Рисунки Т. Гусятинского

Журнал «Пионер», № 10, 1930 г.

двадцать
сантиме-
тров

Рассказ С. ЗАЯЦКОГО

Рисунки Т. ГУСЯТИНСКОГО

ЕСЛИ вы возьмете карту Южной Америки, то на ее восточном берегу, немного севернее устья Амазонки, найдете вы порт под названием Кайенна в стране, именуемой французской Гвианой. Рядом с Кайенной в море вы и не заметите трех маленьких точек — группу островов Спасения. А между тем, эти острова прославились на весь мир, как место мучения для тысячи людей. Кайенна — французская каторга, прозванная французами „сухой гильотиной“ потому, что она так же, как и гильотина, казнит людей, только медленно и бескровно.

Я был молодым журналистом и работал в большой парижской газете.

В это время в Париже случилось такое происшествие. Один художник написал картину под названием „Остров Дьявола“. Остров Дьявола — один из трех островов группы Спасения, самый страшный из всех каторжных островов. Картина изображала прокладку дороги в гвианском лесу. Полуголые, изможденные люди укатывают дорогу. Некоторые упали в изнеможении, но надсмотрщики свирепо толкают их, угрожая револьверами.

Картина вызвала большой шум и оживленную газетную полемику. Либералы возмущались ужасами Кайенны, консерваторы доказывали, что с преступниками, особенно политическими, иначе и нельзя поступать.

Дальше болтовни дело не шло, а газеты, по обыкновению, наживались на сенсации. Я написал горячую статью, где доказывал, что подобное учреждение, как Кайенна, является бессмыслицей.

Когда я показал свою статью редактору, тот только пожал плечами и бросил ее в корзинку.

— Вы с ума сошли, любезнейший, — сказал он, — неужели вы думаете, что владелец газеты, сам капиталист, потерпит такой призыв к социальной революции?.. Но пишете вы хорошо, и вот вам задача. Так как сейчас все интересуются Кайенной, то поезжайте туда и пришлите нам ряд ярких очерков. Но, конечно, без таких сумасбродств. Кайенна — одна из свай, подпирающих нашу славную Французскую республику.

Переезд через океан прошел благополучно. Чем ближе приближались мы к экватору, тем невыносимее становилась жара. Даже соленый океанский ветер не приносил никакой свежести. Океан сверкал на солнце, как расплавленное серебро, тупорылые акулы упорно следовали за пароходом, над головою витали чайки и альбатросы. Одним словом, я видел перед собою воочию тот мир, с которым был с детства знаком, но только по романам Жюль Верна и Майн-Рида.

Наконец, вдали показались берега Южной Америки.

Пароход остановился в некотором расстоянии от пристани и был встречен таможенным катером.

Чиновник с хитрыми глазами проверял документы тех пассажиров, которые собирались вылезать в Кайенне. Он при этом рассыпался в извинениях, говоря, что мера эта введена вследствие печальной необходимости: в Кайенне столько преступного элемента. Бывали случаи, что приезжали родственники каторжников с целью устроить им побег... Мой корреспондентский билет, по-видимому, заставил его насторожиться. Но он тут же сказал, что его превосходительство кайеннский губернатор особенно почитает работников прессы и ни за что не допустит, чтоб я остановился в гостинице, тем более, что они в Кайенне крайне неблагоустроены.

Я начал отнекиваться, ибо не хотел стеснять своей свободы. Но чиновник настаивал, а капитан, отозвав меня в сторону, советовал согласиться,

— Все равно за вами будут следить всюду, да еще того гляди...

— Что?

Капитан сделал неопределенный жест.

— В Кайенне очень легко погибнуть от тысячи причин... Вообще лучше не спорьте с чиновниками.

Губернатор принял меня очень любезно, познакомил с губернаторшей, сам проводил меня в отведенную мне комнату с видом на море и предупредил, чтобы, ложась в постель, я непременно тщательно осматривал ее.

— Здесь много скорпионов и сколопендр, — сказал он, — бывает, что заползают и змеи. Вот видите, на ночном столике палка с проволочной петлей. Если увидите змею, не теряйтесь, накидывайте ей петлю на голову и выбрасывайте в окно. Спите, задернув полог, иначе вас закусает всякая мушкара. Вот хинин. Если почувствуете озноб, непременно примите его, да лучше примите и без всякого озноба в предупреждение лихорадки.

Ночью я спал плохо. Под пологом было душно, и, кроме того, что-то все время подозрительно шуршало в углах. Мысль о змее не давала мне покоя. В конце концов, я начал было дремать, как вдруг страшный крик разбудил меня. Этот крик был так ужасен, что я мгновенно вскочил с постели и едва не оборвал полог. Я прислушивался с бьющимся сердцем. В тишине ночи послышались какие-то голоса, затем прогремел выстрел, и все снова смолкло. Я опять лег, весь в поту, не зная, что подумать. Все кайеннские ужасы сразу припомнились мне... Однако тишина больше не нарушалась, и я, наконец, заснул.

— Кто это так страшно кричал ночью? — спросил я губернатора утром за кофе.

— Сумасшедший убежал из психиатрического лазарета.

— А почему стреляли?

— Вероятно, чтобы поднять тревогу.

— А здесь многие сходят с ума?

— Да, сходят, — уклончиво отвечал губернатор.

Но в это время явился приставленный ко мне чиновник и спросил меня, не хочу ли я съездить с ним на остров Дьявола.

Я согласился, и мы пошли на пристань.

Жара на солнце была совершенно невообразимая. Одежда прилипла к телу, из-под моего пробкового шлема ручьями тек пот. Я хотел было снять шлем и вытереть голову платком, но чиновник схватил меня за руку.

— Что вы делаете, — вскричал он, — разве можно снимать шлем! Да, ведь, солнце убьет вас на месте!

В небольшой верфи группа обнаженных до пояса людей, с кандалами на голых ногах, пилили что-то и строгаги.

— Видите, это те, которые вели себя хорошо, — сказал чиновник, — их перебросили на более легкую работу.

— Работать под таким солнцем вы считаете легкой работой?

— Ну, конечно, — с некоторой досадой возразил чиновник, — если сравнить это с работою в лесу. Там не так жжет солнце, но...

— А почему вон у того рубцы на спине?

— Рубцы? Номер шестисотый, отчего у тебя рубцы на спине?

Шестисотый номер поднял голову. Надо было видеть, с какою тоской глядел он на нас, с какою тоской и страхом — тупым животным страхом.

— Москиты накусали, господин надзиратель, — про-
бормотал он дрожащим голосом, — а я расчесал.

— В другой раз не расчесывай.

Среди рабочих привлек мое внимание высокий худой человек, с длинной бородой и с необыкновенно умными глазами.

Он пытливо посмотрел на меня, и мне стало стыдно. В самом деле, я рассматривал этих людей, словно зверей в зоологическом саду.

— Кто этот человек?— спросил я тихо у чиновника.

— Это некий Матьюс... инженер по специальности.

— А за что он попал на каторгу?

— О, за ним много было всяких художеств... Злостный революционер. Вот для таких людей Кайенна очень полезна.

Разговаривая так, мы сели в катер и вспенили синюю гладь океана.

Остров Дьявола скоро стал вырисовываться, неприятный, голый и мрачный. По берегу моря тянулись однообразные серые бараки. Какие-то люди копошились на берегу.

Нас встретил жандармский офицер и повел в глубь острова, где сотни две людей для чего-то копали землю.

Все с любопытством посмотрели на меня, и в иных глазах я прочел страшную ненависть: ненависть несчастного, завидующего счастливому.

Надсмотрщики отдавали честь чиновнику и офицеру и, видимо, при мне старались вести себя с каторжниками возможно деликатнее. Я же с ужасом смотрел на искусанные

до крови тела людей, на синяки и кровоподтеки, свидетельствующие об ином обращении. Цепи глухо позвякивали при каждом движении каторжников.

Вдруг один из них бросил лопату и крикнул мне с яростью:

— Эй, писака... напиши там, что нас привязывают к муравейникам... Мы от этого с ума сходим... с ума сходим...

Он вдруг затрясся, сел на землю и зарыдал.

— Сумасшедший, — пробормотал чиновник, слегка побледнев, — они все бредят муравьями. Его надо показать врачу.

Но уже все каторжники кругом взволновались. У этих людей, с напряженными до крайности нервами, волнение одного тотчас передалось другим. Все побросали лопаты.

— Да, да. Они мучат нас. Бьют плетью. Кидают на муравейники. Они ставят нас по горло в воду, где много крабов... Напишите. Скажите. Пусть все знают.

Чиновник быстро увел меня, а позади слышались взволнованные голоса, всхлипывания, стоны.

— Они ставят нас по горло в воду...

— Неужели никто не пытается отсюда убежать? — невольно вырвалось у меня.

— Убежать! Куда? Бывали попытки, но все они кончались неудачей. По гвианскому лесу далеко не убежишь, а с острова — тем более. И потом, у нас слишком хорошо организован надзор. Если бы такие люди убежали, это было бы прямо бедствием для всякого порядочного общества. Нет, бегство у нас вещь невозможная.

Я смотрел на бесконечный простор океана и думал: как огромен и просторен мир и как тесно между тем в нем некоторым людям.

После обеда, оставшись вдвоем с губернатором, я твердо решил поговорить с ним, выразить ему свое негодование.

Но в это время на террасу, где мы сидели, вошел его адъютант.

— Генерал, привели Матьюса.

— Ага! Пусть войдет!

Адъютант ушел, а губернатор сказал мне, самодовольно усмехаясь:

— Сейчас вы увидите моего лучшего каторжника. Он сослан сюда, как опасный для общества революционер и анархист. Был опасный человек. Теперь шелк.

В сопровождении стражника на террасу вошел высокий, худой, почти черный от загара человек. Я сразу узнал того каторжника, который утром работал в верфи и умные глаза которого меня так поразили. Если бы не страшная, безобразная худоба, он был бы очень красив.

Как только Матьюс появился на террасе, лицо у губернатора внезапно стало свирепым и мрачным. Он оглядел каторжника с ног до головы и вдруг гаркнул:

— Двадцать сантиметров!

Матьюс вздрогнул и пошевелил ногами.

— То-то! — пробормотал губернатор. — Ну, как „Чайка“?

— Готова, господин губернатор.

— Сегодня вечером проба?

— Так точно, господин губернатор.

— В шесть часов?

— Так точно, господин губернатор.

— Ступай!

Матьюс повернулся налево кругом и ушел вместе со стражей.

— Эти двадцать сантиметров, конечно, мелочь, но они необходимы для поддержания дисциплины. Это я ввел. Точность... Великая вещь точность.

— А что это за двадцать сантиметров? — пробормотал я.

— Когда каторжник стоит передо мною, пятки у него должны быть сдвинуты, а между большими пальцами ног расстояние должно быть в двадцать сантиметров... Вот завтра вы увидите мое детище, — ялик, построенный каторжниками, отчасти по моим чертежам... Я его назвал „Чайкой“. В шесть часов вечера устроим его испытание перед набережной. Вы приходите.

Мне стыдно сознаться, но губернатор стал внушать мне ужас. Я отложил беседу с ним до более благоприятного момента.

На другой день в шесть часов вечера я был на набережной. Там уже прохаживался губернатор с женой и все представители высшей администрации. Все были одеты по праздничному, и на секунду мне показалось, что я нахожусь на приморском бульваре в Ницце или Монте-Карло.

Оркестр, составленный из каторжников, грянул марш. „Чайка“ выплыла из верфи. Ялик был в самом деле очень красив. Белые паруса розовели при вечернем солнце, сильный ветер накренил мачту, и нос ялика с шипением резал пенящуюся лазурь океана. Матьюс стоял на корме, распоряжаясь парусами. Ялик плавно пронесся вдоль набережной при восхищенных криках знатных зрителей, а затем повернул в открытое море. Сильный береговой ветер плавно уносил его.

— Великолепно, — восклицал губернатор. — Завтра мы совершим на нем прогулку.

Дамы выразили свою радость.

— Это будет чудесно! — закричали они.

— Смотрите, как он несется, — говорил губернатор, — точно летит! Как красиво он наклоняется. Он сделан по моим чертежам и рисункам.

Все знали, что постройкой ялика руководил Матьюс, но все, конечно, промолчали.

— И я придумал назвать его „Чайкой“, — продолжал губернатор. — В самом деле, его не отличишь сейчас от чайки. Вот он исчез среди волн, словно чайка поймала рыбу, вот он опять появился... Однако, им пора бы возвращаться.

Ялик был уже едва виден вдали. Он сливался с вечерним туманом. На набережной наступила вдруг жуткая тишина. Губернатор побледнел, словно какая-то мысль неожиданно пришла ему в голову:

— А кто с ними поехал?

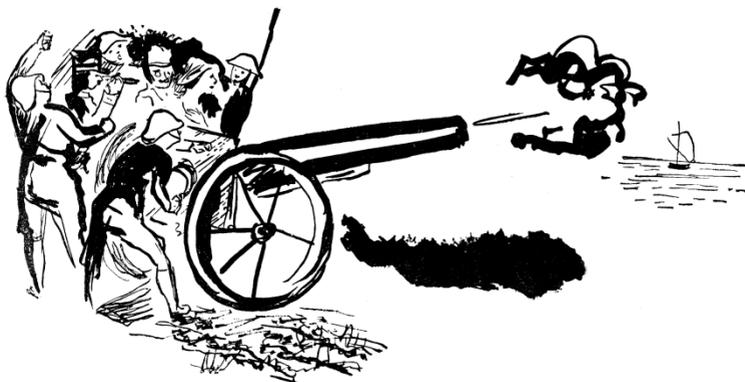
— Двое стражников, генерал.

— А их сколько?

— Пятеро!

— Почему только два стражника?

— Вы не приказали больше, чтоб не обременять лодки, а остальные все при деле: экипаж ялика, Матьюс — капитан.

Глухо бухнула береговая пушка.

Вечерний океан катил свои волны, береговой ветер крепчал. Чайки с печальными криками кружились над водою.

— Снарядить катер!

Но катер был в ремонте.

— Стрелять! — пробормотал губернатор.

Адъютанты забегали, некоторые дамы вскрикнули.

Глухо бухнула береговая пушка.

Но стреляли наугад, ялика уже не было видно в огромном синем пространстве.

Я не буду описывать ярости губернатора. Он рвал и метал. Успокаивала его немного только та мысль, что ялик все равно погибнет среди волн. Губернаторша лежала с мигренью. А я покинул Кайенну, и в продолжение всего плаванья тревожно всматривался в морскую даль. Много летало над водою чаек, много их качалось на пенистых гребнях волн, но той „Чайки“ не было видно. Она улетела буквально из-под носа губернатора. Улетела? Во всяком случае, быстрая смерть в волнах океана лучше медленного умирания на острове Дьявола.

Года через два в одном парижском кафе я играл в шахматы со своим приятелем.

Какой-то человек подошел и стал следить за игрою. Я сделал удачный ход и невольно с гордостью посмотрел на зрителя, чтобы видеть, ценит ли он мою находчивость. Посмотрел... И вздрогнул. Передо мною стоял Матьюс — я узнал его по глазам, ибо не было у него ни бороды, ни страшных ввалившихся щек. Одет он был бедно, но не производил уже жалкого впечатления. Я тотчас наклонил голову, ибо глаза его вдруг изобразили ужас. Он тоже узнал меня. Вспомнил „двадцать сантиметров“. Я впился глазами в шахматную доску, но фигуры прыгали у меня перед глазами. Когда я снова решил поднять глаза, Матьюса уже не было. Он растаял в огромном Париже. А я сделал глупый ход.

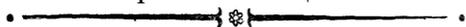
— Что с вами?— удивленно спросил меня мой приятель.
— Вы же теперь проиграли!

Да, я проиграл, но сердце мое так и прыгало от радости.
Значит, „Чайка“ не погибла!

Марк КРИНИЦКИЙ

ЭЛЕКСИР БЕССМЕРТИЯ

Фантастический рассказ

Журнал «Огонек», № 10, 1923 г.

ЭЛЕКСИР БЕССМЕРТИЯ

Рассказ Марка Криницкого

Благодаря гениальному открытию физиолога и хирурга профессора Исаака Бродского, проблема бессмертия была, наконец, решена, и Иван Иванович Дилекторский, вместе со всем человеческим родом, получил возможность существовать вечно. Операция была не слишком болезненна и последующий кратковременный режим не утомителен. К тому же, расходы по обесмерчению производились государством в кредит, с почти нечувствительным вычетом из ежемесячного жалования, и Дилекторский, по примеру всех здравомыслящих граждан, поспешил записаться в очередь в клинику на Девичьем Поле и с лихорадочным нетерпением стал дожидаться вожделенного мига, который, в сущности, должен был превратить скромного служащего в одном из бесчисленных отделов В. С. Н. Х. в некоего бога.

Очередь была не скоро: через две недели, и, естественно, Дилекторский сильно волновался, боясь, как бы не подцепить до того времени какого-нибудь тифа или инфлюэнцы. Он старательно завязывал горло, выходя на улицу, стал осторожен в еде, на службе опасался раздражаться, постоянно щупал украдкой свой пульс и ругал правительство за плохую постановку дела прививок бессмертия.

В самом деле, разве он был хуже других? Вдруг случится, что он заболит и умрет раньше двух недель, и все потому, что его фамилия начинается с буквы Д. Ему даже пришло в голову, не переменить ли фамилию на букву А, но по наведенным справкам оказалось, что многие сообразили об том заблаговременно, и стол в учреждении по перемене фамилий был до такой степени перегружен работой по регистрации новых Арбузовых, Артишоковых, Акуловых и Александровых, что уже не было никакого расчета. Был и такой неосмотрительный идиот, который подал заявление на фамилию Акуркина, вследствие чего его фамилия была

исправлена на Окуркина, и он попал в самый хвост. Рассказывали, что от огорчения он чуть было не застрелился.

Проходя по улице и натыкаясь на похороны, Дилекторский в паническом ужасе сворачивал в первый попавшийся переулок, да и лица, сопровождавшие погребальный corteж, имели сконфуженный вид: смерть в сознании людей уже успела сделаться фактом некоторого неприличия или постыдной неудачи. Покойников провозили по улицам быстрым шагом, да и на кладбище их ожидали новые неудачи, так как персонал могильщиков разбежался ввиду предстоявшей безработицы и надвигавшегося сокращения штатов. Гроба составлялись в другую очередь, или же родственникам покойников предлагалось самим рыть ямы.

Но Дилекторскому, как это уже догадался читатель, повезло: ровно через две недели он предстал в светлой комнате, в которой пахло эфиром и зубным порошком, перед двумя докторами и одной сестрой милосердия в белых халатах, и очень веселыми, потому что они уже около месяца были бессмертными (медицинский персонал, конечно, обесмертился в первую очередь, что было, по мнению Дилекторского, явным и возмутительным нарушением общегражданских прав, но уж так устроено на свете, что у заведующего спиртовым складом на столе всегда есть водка, а жены артистов получают контрамарки на премьеры).

— Ложитесь, батенька, на стол, — скомандовал Дилекторскому огромный рыжий доктор с видом мясника: — потрудитесь не двигаться. О, чорт возьми, сестра, накапайте ему валериановых капель. И это называется, с позволения сказать, человечеством. Но ничего не напишешь. Задерите повыше рубашку, венец творения. Вот так, вот так... Теперь я должен предупредить вас, согласно инструкции, что операция производится один раз и окончательно. Переделать ее в обратном направлении наука бессильна. Другими словами, после операции, вам придется жить тысячи и тысячи лет. Да что — тысячи? Может быть, даже и миллионы, потому что ни болезни, ни старость больше не будут иметь над вами власти. Вы проживете до тех пор, пока не остынет

солнце и не замерзнет наша планета, или же не случится какая-нибудь мировая катастрофа. В случае, если вы захотите уничтожиться, вам останется один путь — лечь под трамвай, повеситься или застрелиться.

— Можно еще отравиться или перерезать себе горло бритвой, — внес утешительную поправку второй доктор, маленького роста, худой шатен, у которого двигалась на голове стриженная прическа бобриком.

Впрочем, этот доктор понравился Дилекторскому еще менее первого. Оба они спешили, один держа в руках сверкающий ланцет, а другой — гигроскопическую вату. Сестра милосердия держала марлевый бинт и стклянку с притертой пробкой. И речь, и движения у них были профессиональные, быстрые, оскорбительные в своей обыденности, точно это было какое-то привитие оспы, а не величайшая тайна бессмертия.

— Ну, приступим, — сказал высокий, рыжий доктор, а маленький собрал свою прическу над самым лбом.

Дилекторский ясно, весь холодея, представил себе свою грядущую участь: за днями будут проходить дни, горы, столетия, тысячелетия, а он будет служить в В. С. Н. Х. Он будет каждый день аккуратно проходить по одним и тем же улицам на службу, садиться за один и тот же стол, в котором средний ящик каждый раз заскакивает, когда его выдвигаешь. Правда, ящик можно исправить, но... например, каждый день в течение миллиона лет видеть лицо регистраторши Марьи Петровны с бородавкой под левым глазом, в пенсне, всегда лукаво улыбающееся и точно намекающее на что-то; тут уже ничего не исправишь, и тому, что она, хоть триста миллиардов просидит, а все будет регистраторшей, как и он — заведующим своим столом. Далее Дилекторский представил себе со всею поражающею ясностью своего помощника. Измаила Аполлоновича Птичника, одутловатого молодого человека который вечно сопит, копаясь в бумагах, водит по ним своим близоруким лицом, точно сгоняет [лакуна] и при этом фальшиво присвистывает и говорит время от времени:

— Мне... А? Вы что говорите? — Хотя Дилекторский не говорит ничего.

Кроме того, у Птичникова неприятно пахнут ноги, он воображает себя философом, любит рассказывать о своих снах и о том, что его дедушка был «настоящий» запорожский казак, хотя Дилекторскому было хорошо известно, что Запорожская Сечь была уничтожена давным-давно, при каких-то московских царях.

Представил себе Дилекторский, с поражающей ясностью, и помещение, в котором занимался: проходную комнату с массой висячих зеленых абажурчиков, толкотню между столов, противоестественно придвинутых друг к другу, жидкий, простывший чай в стаканах и синий табачный дым. Особенно вспомнился ему вертящийся вентилятор в окне, из которого, как он уверял, специально дует в его сторону. И все это на тысячи и миллионы лет.

Если бы он, Дилекторский, был какой-нибудь гений, он бы, конечно, мог с течением времени надеяться на перемену своей судьбы, но в том-то и дело, что гением он не был, и считал это занятие, вообще, беспокойным. Кроме своей узкой специальности «составлять бумаги», он не знал никакой, научился ее уважать за свою долговременную жизнь, достиг в ней большого совершенства и не мог без страха подумать о том, что его вздумали бы приставить к другой работе.

Все эти соображения предстали перед Дилекторским, когда он лежал на столе с завороченным почти на самые глаза подолом рубахи.

— Извиняюсь, доктор, — сказал он заплетающимся языком: — я слышал, что прививка ослабевает с годами. Правда это?

Маленький доктор весело засмеялся.

— Вздор, — грубо отрезал рыжий. — Прививка совершенно и раз навсегда переделывает организм. Ну-с, втяните живот и постарайтесь не дышать. Пур этр белль иль фо суффрир. Сожмите, ваше божество, покрепче зубы. Дайте ему понюхать эфиру. Ай-ай-ай, он весь дрожит, точно его

приговаривают к смерти. Таковы эти индивидуумы, приходящие за бессмертием. Можно подумать, что у него собираются отхватить пол-селезенки. Или, быть может, вы хотите еще немного подумать? Пожалуйста. Следующий! — крикнул рыжий доктор. — А вы можете сойти со стола и присесть пока на диванчик.

Дилекторский разом вздохнул полной грудью и приподнялся на столе. Сердце его билось, точно он и впрямь избавился от смертельной опасности. Потом он сел на узенький плетеный диванчик и стал наблюдать.

Подходили самые разнообразные люди, ложились на операционный стол, задирали свою рубашку по самый лоб и — чик-чик, готово дело. Они вскакивали и смотрели с самой идиотской улыбкой счастья на лице. Были старые и молодые, толстые и тонкие, здоровяки и чахоточные, — и все они радовались тому, что держали отныне собственную смерть в своих руках. Они поспешно одевались и уходили, все эти кандидаты в самоубийцы, не задумывавшиеся над тем, что рано или поздно жизнь, повторяющаяся изо дня в день, однообразная, как приевшийся вид из окна, может им надоест, и тогда... В сущности, каждый из них, под видом бессмертия, получал на операционном столе в руки бритву.

«Ведь чем, собственно, хороша смерть?» — размышлял Дилекторский, поеживаясь от холода на своем плетеном диванчике: — Хороша тем, что приходит сама, безо всякой преднамеренности. Приходит тогда, когда ты всем доволен, счастлив, и не хочешь умирать, когда струны жизни, так сказать, полным аккордом дрожат в твоей груди. Вот она тогда и приходит. Она говорит: ага, ты счастлив? Тем не менее, пожалуйста в ящик, туда, где темно и неизвестно что. Но рассмотрим и противоположный случай: я разочаровался в жизни. Жизнь превратилась для меня в нестерпимую скуку, можно так сказать, [лакуна] и ужас, а смерть не приходит. [лакуна] ...ит вокруг, а прикоснуться не хочет. [лакуна] и говорит: ага, голубчик, венец творения, как ты поживаешь? А ну-ка, возьми револьвер и посмотри внима-

тельно [лакуна] в маленькую дырку. Не находишь ли ты приятным устроить точно такую же дырку в твоём черепе? Или, может быть, ты выберешь хорошую тонкую намыленную веревку. Что ты заработал? Не более, как весьма сомнительную привилегию вечно дрожать перед неизбежным страхом самоубийства. Ты приобрел вечную жизнь, но потерял право на смерть, потому что самоубийство это — не смерть, а казнь. Преступник против закона жизни, которая сладостно сплетается с таинственным часом смерти, ты сделался рабом собственной жизни, которая сядет тебе верхом на плечи, да еще будет подгонять сзади кнутом. Ага, господин собственной жизни, что же ты дрожишь? Не потому ли, что раньше у тебя была жизнь и смерть, а теперь ты сам превратился в собственную смерть? Ты сам превратился в свой собственный рок и, надо сознаться, что к этому занятию ты не подготовлен. О, сколько неожиданных и нежных путей избавления лежало перед тобой: медленно и неприметно поглощающий твою жизнь туберкулез, стремительно овладевающий тобою тиф, — тиф, закутывающий твое сознание мрачно-фантастическими грезами перед тем, как опустить над тобой вечную завесу, — наконец, холера. Да, да, холера, которая мгновенно вырывает тебя из сада жизни, как сорванный неведомой рукой цветок. И ото всех этих несомненных благ ты отказался только потому, что захотел быть собственной судьбой. Как? Ты хочешь быть господином самому себе? Трепещи.

И Дилекторский затрепетал.

В самом деле, разве он был когда-нибудь своим господином? Что он делал до сих пор в своей жизни? Он составлял бумаги, которые ему приказывали составлять. Он говорил то, что от него требовали. Он ел то, что ему предлагали, и думал то, что думали другие. Он бы счел для себя величайшим несчастьем, если бы ему пришлось самому выдумать содержание бумаг, ежедневного меню и думать собственные мысли. Он никогда не брал на себя ответственности за покрой своего платья и покрой своих мыслей и слов. Уж не хотят ли от него, чтобы он сделался каким-то Мая-

ковским или Игорем Северяниным? Ого. В заключении, ему хотят предложить бритву. Не угодно ли?

Дилекторский застегнул ворот рубашки, и приятное чувство тепла охватило его шею. Покорнейше вас благодарю. Он предоставляет бритву и веревку для гениев. Миллион лет? Ха-ха. Он вовсе не собирается так долго служить в ВСНХ.

Руки Дилекторского дрожали, как будто он избегнул величайшей опасности. Еще бы мгновение, и крышка мышеловки захлопнулась бы за ним навсегда. Нет, он, простите, не такой дурак. Торопливо он надел брюки и лихорадочно стал застегивать жилет. Можете оставаться при ваших пресловутых биллионах и триллионах лет, а он пойдет в ресторан и закажет себе селянку с рюмкой водки. О, рюмка водки, когда еще неизвестно, ожидает ли она тебя завтра. Это — совсем не то, что рюмка водки подряд в течение миллиардов лет. Да здравствует салат из свежих огурцов, хотя бы завтра тебя ожидала холера. И даже именно потому, что, может быть, завтра холера. Любовь и женщины, потому что завтра настанет старость. Упоительный свет солнца потому, что завтра, может быть, сторожит вечная ночь. И ты, высокое, серое здание В. С. Н. Х.: пусть завтра трет твой стулья кто-нибудь другой.

Иван Иванович Дилекторский гордо выпятил грудь, застегнул последние запонки и надел пиджак.

— Вы что? — удивленно спросил высокий рыжий доктор.

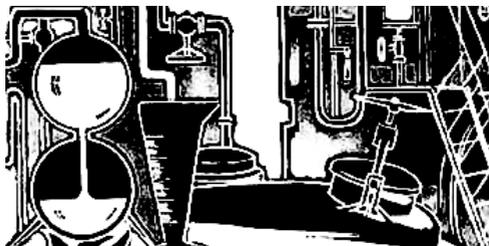
В главах его совершенно явственно мелькал ехидный плотоядный блеск. И доктор-шатен, и сестра милосердия впились в него глазами, точно он был ускользающая жертва. И тогда все услышали хохот и крик этого странного пациента, который напоминал собою пьяного, «Да здравствует свобода!», — хотелось ему крикнуть. Но язык опередил его мысли, и в уши присутствующих вонзился радостный, полубезумный крик, исполненный не передаваемой искренности:

— Да здравствует холера!

Медики переглянулись между собой, и высокий, рыжий доктор, похожий на мясника, сказал:

— Наконец-то я вижу умного человека!

Марк Криницкий.

**ЖУРНАЛ
«СМЕХАЧ»**

№ 20, 1924 г.

Специальный номер
«СССР через 70 лет»

ЧЕРЕЗ 70 ЛЕТ

Знаю ли я арифметику? Да, — знаю.

И вот я беру свои 36 лет, прикладываю к ним 70, и получаю 106 лет.

Из этой симпатичной суммы торопливо вычитаю 70 лет (по Штейнаху). Остается опять 36.

Прекрасно! Итак, в 1994-м году, 24-го июля, в 4 часа пополудни, мне по-прежнему — тридцать с хвостиком, я омоложен, весел и здоров.

Я вхожу в книжный магазин, (простите, читатель, что из опасенья впасть в преувеличение, я не описываю этот момент, примерно, так: нажимаю кнопку — десять книжных магазинов, с быстротой молнии, попадают ко мне в кабинет по радио-телеграфу...)

Человек приятной омоложенной наружности (он называется, вероятно, — книгораспределитель) встречает любезным вопросом:

— Что угодно получить?

(Разумеется, это могло-бы представиться живописнее: кнопка А — „нажимайте и назовите требуемую книгу“: кнопка Б — „нажмите, и требуемая книга автоматически отправится в ваш портфель“. Но я не сторонник необузданно пылкой фантазии).

— Покажите что-нибудь из мемуаров, — отвечаю я любезно, без помощи кнопок (кустарным способом).

В 1924 году люди торопились, люди говорили: скорее, скорее! Жизнь коротка!.. В 1994-м — спешить некуда, ибо в любую минуту, зайдя на углу к врачу, можно по сходной цене продлиться на какой угодно срок. В 1994-м году ни в ком не вызовет недоверия и, пожалуй, покажется невероятно скучным рассказ о человеке, который, прочитав накануне

своей добровольной смерти публикацию об интересном завтрашнем спектакле, решил спешно омолодиться на 18 часов 30 минут — т.-е. ровно до последнего трамвая.

И я, не торопясь, отдаю дань любознательности и рассматриваю книги, разложенные передо мной книгораспределителем.

Ах, как много интересного! Какое разнообразие имен!

Вот — толстая книга в золоченом переплете: „Почему я работаю в „Безбожнике“... 400 страниц, цитаты из апостола Павла... Автор? Ну, конечно же — маститый богоискуситель Д. Мережковский.

„О том, как я был миллиардером. (Веселые воспоминания Ротшильда)“. „Юные пионеры и Дарданельский. пролив“ — рассуждения кандидата РКП Павла Милюкова.

Георг Английский. Мемуары б.венценосца. С предисловием Мещерякова. Макдональд. Кое-что о технике поддельных писем. 3-е издание, вновь пересмотренное и дополненное автором.

А вот маленькие уютные книжечки. Наверху подпись: Б. Савинков (В. Ропшин). Заглавия: „Конь сивый“, „Конь муропегий“, „Конь в яблоках“... и т. д. — много коней. Целый конский завод. 40 лошадей и 8 человек.

А вот, смотрите, — куда конь с копытом, туда и рак с клешней: „Б. Кирилл Романов. Корова бледная. С факсимиле и портретом. На обороте — для сведения читателей: „Готовится к печати „Корова вороная“...“

Прекрасно! Я отбираю для себя несколько коней, корову, безбожника Мережковского и „Кое-что о технике“ Макдональда...

— Не возьмете ли чего-нибудь из художественной литературы? — спрашивает книгораспределитель. — Вот, например, — полное собрание сочинений — восемьдесят томов, с предисловием Троцкого и портретом автора.

Я раскрываю первый том, и на меня с портрета глядит симпатичное омоложенное лицо.

Автор? Но я не назову его имени. Я только скажу, что это — то самое лицо, которое я вижу каждый раз, садясь

перед зеркалом с бритвой. И даже — омоложенная бородавка на левой щеке, как живая.

— Ого! — говорю я, поощрительно похлопывая восемьдесят томов: — Нельзя сказать, что человек не написал ни одной строчки!

Я забираю книги, весело кланяюсь и ухожу. (По другой версии — я ухожу, а за мною по пятам, под действием лучей, гуськом бегут книги).

Ив. Прутков

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА

— Гражданин милиционер, а гражданин милиционер?..

— Ну, что вам; гражданка?

— Обратите внимание на этого хулигана: просто пролету мне не дает — увивается все вокруг; так и норовит под крыло попасть...

КАРМАННЫЙ ВОПРОС

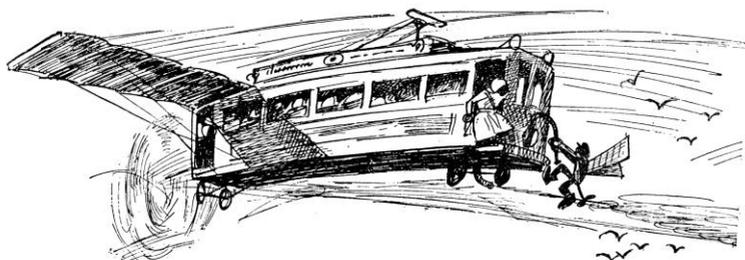
— Знаете, эти излетчики дерут немилосердно!

— Да ведь есть такса?

— Не признают: с меня вчера с Ленинградского Октябрьского до Московской Тверской содрал четвертак, и хоть бы что!

АЭРО-КОЛБАСА

Рис. Б. А.

— Отченись, проклятый! Налетит контроль — из-за тебя, подлого, еще под штраф попадешь!

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Уважаемый читатель! Я не знаю, какие газеты будут через 70 лет.

Может быть, газет и совсем не будет. Может быть, у каждого гражданина над кроватью будет присобачен особый небольшой радио-приемник, по которому и будут узнаваться последние сенсационные политические новости.

Однако, может, газета и будет. Конечно, это будет иная газета, чем теперь. Будет она, небось, напечатана на бристольском картоне с золотым обрезом, в.24 страницы.

Но одно в ней сохранится — это отдел жалоб.

Говорят: ничто не вечно под луной. Явно врут. Отдел жалоб будет вечно.

На наш ничтожный взгляд, в 1994 году отдел этот будет примерно в таком виде:

1. Аэро-разврат

Уважаемый товарищ редактор! Вчерась, возвращаясь со службы на казенном фармане, мне представилась в воздухе такая картина. Летит под пропеллером двухместная колбаса, на которой, облокотившись, летит заведывающий 10-й радио-кухней со своей кассиршей Есиповой.

Не разобравши за шумом про чего они говорят, я пролетел мимо.

А пуцай-ка спросит редакция, на какие это народные деньги летит на колбасе зарвавшийся заведывающий радио-кухней?

А кассиршу давно бы пора по зубам стукнуть — пуцай не тратит бензин на свои любовные прихоти.

А когда я на нее с казенного фармана посмотревши, так она трудящемуся язык показывает.

Служащий 10 радио-кухни *Чесноков*.

2. Халатность

Гражданин редактор! Пора, наконец, упорядочить дело с пеплом.

Отвезши мою помершую бабушку в крематорий и попросив заведывающего в ударном порядке сжечь ее остатки, я являюсь на другой день за результатом.

Оказалось, что мне перепутали пепел, выдав вместо ее пепла, пепел какой-то гражданки.

На вопрос: где же старушкин пепел? — заведывающий нагло ответил, что пепел безразлично какой, чей, и что ему нету времени возжаться с пеплом.

На вопрос, что эта старушка была свидетельницей Революции, и что это великая старушка, — заведывающий явно испугался и просил не доводить дело до центра, предложив мне, кроме того, взять еще сколько угодно пеплу.

На вопрос, как же я могу разобраться, какой чей пепел, заведывающий заявил, что он не в курсе, и что он на следующих моих родственниках будет делать специальные метки.

Уважаемый редактор, пора бы поднять вопрос о правильной постановке дела на страницах вашего органа.

С приветом *Лучкин*.

3. Тормозят науку

Уважаемый редактор и дорогие наборщики!

Наблюдая из окна в телескоп Марс и другие планеты с научной целью, я заметил какое-то затемнение рефрактора. Влезши немедленно на подоконник, чтоб узнать в чем дело и удостовериться отчего это затемняется и не планета ли заслонила трубу, увидел, что сбоку кто-то пронзительно свистнул и чья-то фигура скрылась за углом трехэтажного небоскреба.

При ближайшем осмотре оказалось, что неизвестная фигура сперла с телескопа увеличительную стекляшку, через что смотреть на небесные миры.

Заявив милиции о пропаже стекляшки, прошу кроме того уважаемый печатный орган продернуть лиц, тормозящих науку и прущих из-под носа научные стекляшки.

Ник. Кушаков.

4. Старая история

Отличаясь слабостью организма, я ежедневно поднимаюсь на колбасе для принятия солнечных ванн.

Вчера, поднявшись на небосвод, я обратил внимание, что на бывшем Петропавловском шпиле торчит какая-то штуквинка.

Подлетев ближе, выяснилось, что это торчит небольшая бывшая коронка.

— Доколе же, гражданин редактор и наборщики?

Неужели же смотритель Петропавловки мечтает еще о возврате царского режима?

Потомственный крестьянин *Егор Бабичев.*

Мих. Зоценко

ЛИКВИДАЦИЯ ЛИКВИДАЦИИ

— Граждане! В текущем 94-м году вы двое — единственные неграмотные во всем СССР! Итак — дозволейте вас ликвидировать.

ДОШКОЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Рис. В. К.

— И вот, дети, еще пятьдесят лет тому назад дети рождались неграмотными. Потом неграмотность была ликвидирована, они рождались уже грамотными, а сейчас, как вы знаете, каждый ребенок рождается с законченным образованием II ступени, плюс какое-нибудь ремесло.

СКАЗКИ СТАРОГО ПИОНЕРА

Ноябрьский вечер 1994 года догорал. За окном гудела жизнь, и где-то над крышей зычно кричал милиционер:

— Зачем с аэрозая на лету соскакиваешь? Плати штраф!

В столовой квартиры 1234567 совработника „серия Д“ на коленях у дедушки сидел мальчуган лет восьми, и просил:

— Дедушка, расскажи какую-нибудь смешную сказку!

— Смешную? Разве рассказать тебе, как мы жили в 1925 году, — тогда еще много было смешного.

Старик вздохнул, высморкался воздушным носовым платком и начал:

— Был я тогда пионером. Набегаешься за день, устаете, а утром раным-рано мать уже кричит. „Сенька, чорт! Вставай, беги за хлебом“.

— Сенька?! Разве бывают такие имена?

— Тогда всякие бывали. У меня был один знакомый Коминтерн Николаевич Елдырин. За отцов и страдали. Да и у меня настоящее то имя Люксембург было, да мать его не признавала, и еще перед соседками хвасталась, что меня в церкви Сенькой окрестила. Ну, ладно. А отец с утра бывало сидит сердитый, с похмелья-то.

— С похмелья? Ты что то, дедушка, выдумываешь. Как это с похмелья?

— Как бы это тебе сказать? — дедушка пощелкал пальцами и, взяв со стола пилюлю в пять стаканов чаю, проглотил ее. — Ну, хоть горло немножко промочил. Была, значит, такая русская горькая. Выпьет ее человек, а на завтра у него голова болит.

— Так зачем же ее пили, раз она горькая?

— Уж такая горькая: пьют и морщатся. А только зачем-то пили. Как получка, так и пьют. По колдоговору, что ли, полагалось?

— Надо будет его опять омолодить, — сказала вполголоса жена „серии Д“ мужу, сидевшему у окна и просматривавшему на небе последнюю хронику. — А то он опять что-то забалтываться начал.

— Ну, вот, — продолжал дедушка. — Побежишь это в кооператив за хлебом. В 25 году уже хорошо было: очереди маленькие и редко, редко хлеб с гвоздями давали. Разве уже на любителя только. Днем опять туда, сюда, смотришь уж и обед на носу.

— А тогда так же обедали?

— Ну, нет брат, — дедушка горделиво выпрямился, — тогда не так было. Нальет, бывало, мать полную тарелку щей, а от них такой аппетитный пар валит, даже в носу щекает. А сверху-то мясо, жир так это и плавают. Съешь та-

релку, — еще нальют. Так уж и чувствуешь, что живот пучить начинает. Но это только начало.

Отец мальчугана бросил радиогазету и слушал с затаенным дыханьем, а жена его сидела с открытым ртом, и у ней уже текла слюна.

Дедушка ссадил на пол мальчугана и встал во весь рост.

— Да с! Только начало. Потом каша полагалась. Если гречневая, — в масле так вся и плавала. Возьмешь в рот полную ложку, перевернешь ее, а каша так и тает, так по живчикам и переливается. А если еще с луком, — тогда даже и слезу прошибало. Но это еще не все! — старик хлопнул кулаком об стол. — Еще кисель подавался. Кисели разные бывали...

Он говорил еще долго и когда кончил, — все облизнулись.

— Ах, какая вкусная сказка!

— Ну, нам пионерам дело много было. МОПР там, разное шефство над деревней. Тогда газеты в деревню как-то обходом ходили. Из города до деревни 25 верст, а газета 5 месяцев идет, да еще по дороге ее всю искурят: до деревни только один ярлык дойдет. Идем это мы по улице и поем:

„Во и боле ничего!“ С руганью еще боролись...

— А как это, дедушка, ругались-то?

— Да-да, это крайне интересно, как это ругались-то, — поддержали сына отец и мать.

— Да как. Кажется вот так: „Ах ты“... Да нет, забыл дальше уж. Забыл... А раньше все досконально конечно знал. Эээх...

В это время прокричал стеной рупор:

— 14 часов! Детям от 8 лет пора спать! Центросказка начинает рассказывать им сказки.

Но мальчуган не хотел спать, не хотел слушать рупор и, отбиваясь от матери, говорил:

— Не хочууу центросказок. Хочу дедушкиных сказок... Во и боле ничегоооо!..

Вл. Тоболяков.

ЖЕРТВА МЕДЛИТЕЛЬНОСТИ ПРОГРЕССА

Рис. В. Козлинского

— До всего додумались люди, а вот рук не догадались добавить... Какому-нибудь трактористу наконец-то дело, двух рук за глаза хватает. А ежели, скажем, у меня опытное хозяйство и полторы тысячи тракторов под началом — тогда как?

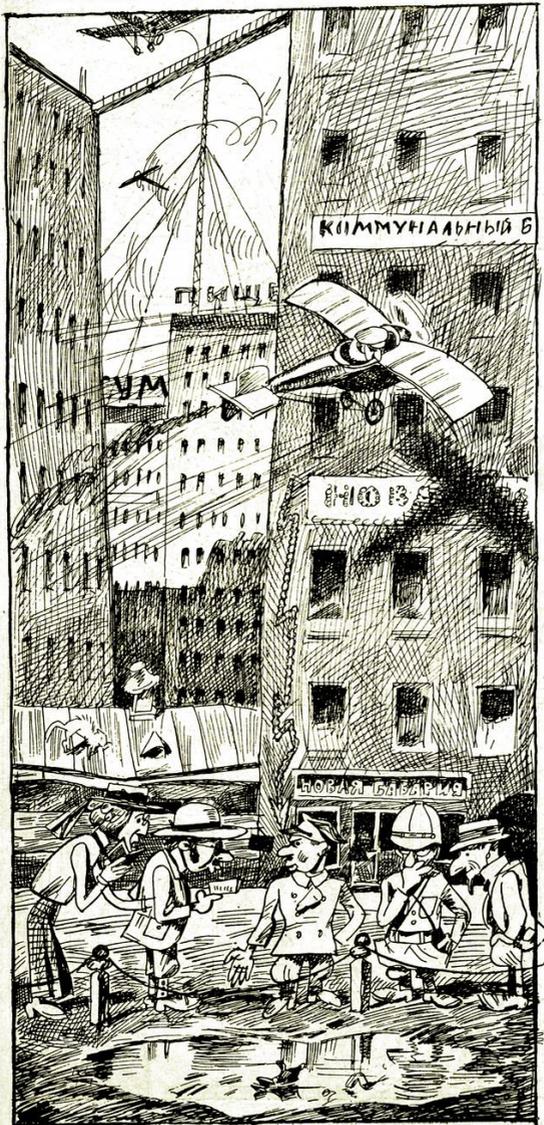
БЕЗОБЛАЧНЫЕ ТУЧИ

— Май Кимыч, погляди по расписанию: будет сегодня дождь или нет. Туч чего-то не видно...

— Будет от 4 до $\frac{1}{2}$ 7. Рано еще, а тучи, верно, в соседней волости задержаны.

ЭККУРСИЯ В ГОРОД ПРОШЛОГО

Рис. Б. Антоновского

— Обратите внимание, дорогие граждане: вот в полной неприкосновенности Миргородская лужа, описанная еще Гоголем.

Валентин КАТАЕВ

**НЕУЛОВИМЫЙ
ПРОФЕССОР**

Авантюрный рассказ
Художник Н. Радлов

Журнал «Смехач», № 23, 1925 г.

НЕУЛОВИМЫЙ ПРОФЕССОР

(Авантюрный рассказ. Иллюстр. Н. Р.)

Уголовная ночь зловеще повисла над Москвой. Моросил подозрительный дождь. Гробовой свет редких фонарей плескался в жутких лужах. Запоздавшие прохожие, кутаясь в макинтоши, как бледные трупы, бесшумно скользили по тротуару. Часы на Сант-Лубянской площади замогильно пробили двенадцать,

— Пусть меня повесят, если неуловимый профессор с минуты на минуту не появится на горизонте, — пробормотал незнакомец, притаившийся за выступом стены у подъезда мрачного серого дома, — надеюсь, на этот раз ему не удастся улизнуть от меня... Ба, а вот и он!

И действительно. Послышался стук извозчицкой пролетки. Экипаж остановился у подъезда. Сухощавый сгорбленный старичок расплатился с возницей и, подозрительно озираясь по сторонам, быстро направился к подъезду. Скупой свет уличного фонаря на секунду озарил его бритое энергичное лицо, седые кудри и дымчатые очки.

— Простите, профессор, но я должен вас задержать, — ледяным голосом проговорил незнакомец, как тень появляясь перед профессором. В голосе его зазвенело плохо скрытое торжество.

— Что вам угодно? — вздрогнул профессор.

Не говоря ни слова, незнакомец распахнул пальто и показал небольшую книжечку.

Лицо профессора искажилось. Глухой стон вырвался из его преступного горла... И прежде, чем незнакомец успел исполнить свой долг, профессор в один прыжок очутился в

подъезде и косой рысью бросился вверх по лестнице, подбравши полы своей крылатки... Наскоро пустив вопль, незнакомец кинулся вслед за ним. Массивная дубовая дверь во втором этаже захлопнулась перед самым его носом. Очевидно, профессору и на этот раз удалось избежать кары. Но не такой был человек незнакомец, чтобы унывать. Не медля ни минуты, он наклеил черные усы, вывернул наизнанку пальто и вежливо позвонил.

— Кто там? — послышалось из-за двери.

— Телеграмма — сказал хитрый незнакомец густым басом.

Дверь растворилась. Незнакомец ловким движением левой ноги расчистил свой путь от престарелой экономки и ринулся в кабинет профессора. Кабинет был пуст.

— Проклятие! — захрипел незнакомец. — Но я знаю, где тебя найти!

Через пол-секунды он уже громил кулаками двери уборной, за которыми слышалось старческое кряхтение.

— Вы здесь, профессор! — воскликнул незнакомец. — Скрываться дальше бесполезно. Сдавайтесь!

— Не сдамся, — пискнул за дверью профессор.

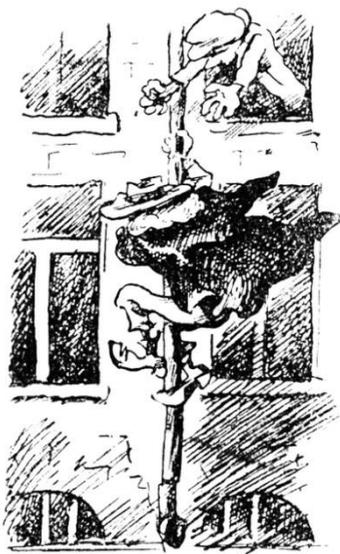
Зазвенело разбитое стекло. Размахивая книжкой, незнакомец взломал дверь уборной.

— Проклятие! — прохрипел он, — ему удалось улизнуть в окно.

Профессор, кряхтя, спустился по водосточной трубе вниз и, дико озираясь по сторонам, кинулся во мрак.

— Остановитесь! — загремел за его спиной голос незнакомца.

На углу стоял мотор. Профессор вскочил в него и сунул в нос спящему шоферу червонец.

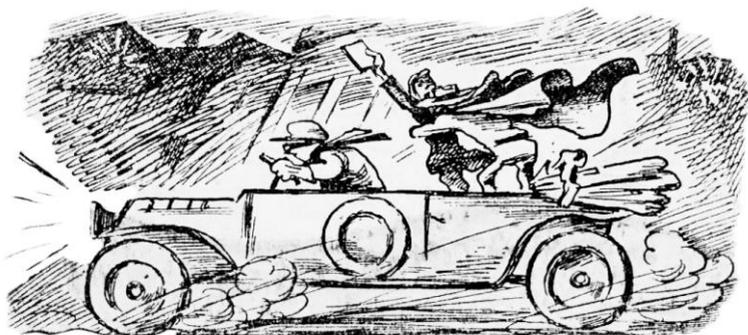
— Куда-нибудь!.. Только, как можно скорее!

Машина рванула.

Незнакомец успел вскочить на подножку. Он демонически захохотал, протягивая профессору книжку:

— Профессор, выслушайте меня. Все равно, ваша песенка спета...

А машина, как безумная, уже неслась по Петровскому шоссе прямо к аэродрому. Два человека боролись в ней не на жизнь, а на смерть. Еще момент, и профессору пришлось бы сдаться, но...

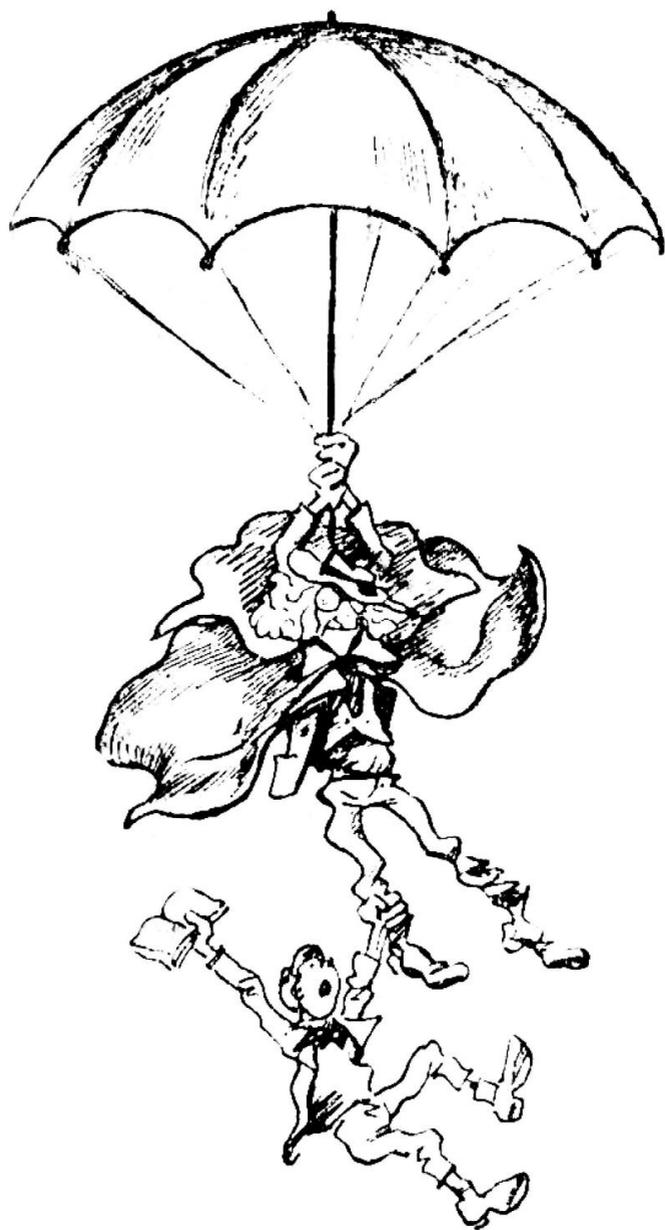
Мутный рассвет загорался над аэродромом, куда влетел задыхающийся автомобиль. Четырехместный „Юнкерс“ готовился к отлету. Профессор напряг все силы, вырвался из стальных объятий незнакомца и уцепился за алюминиевое крыло улетающего аэроплана. Через секунду он уже был в кабине. А еще через пол-секунды в окно кабины просунулась голова незнакомца, который сардонически захохотал:

— Профессор... Мы находимся на высоте двух тысяч метров над землей... Ваша песенка спе...

Профессор покрылся смертельной синевой и кинулся к противоположному окну.

— Нет, нет, — забормотал он, — никогда!..

С этими словами он схватился за кольцо парашюта и кинулся вниз головой. Он летел камнем. Сознание покинуло его. Очнувшись, он увидел, что над его головой распускается гигантский спасительный зонтик.

— Наконец-то я спасен, — пробормотал профессор, плавно покачиваясь в воздухе.

— Хорошо смеется тот, кто смеется последним, — слышался снизу чей-то иронический голос.

Профессор посмотрел вниз и побледнел: незнакомец плотно держался за его штаны.

Бежать было некуда. Профессор понял, что все кончено.

— Хорошо, — сказал он, — Будь по-вашему. Я сдаюсь. В нашем распоряжении, по крайней мере, полторы минуты... Что у вас там?

— Органическая химия, товарищ профессор, — пролепетал незнакомец, подобострастно улыбаясь.

— Готовились? — строго спросил профессор.

— Готовился, — заморгал глазами незнакомец, — честное слово... Все лето... И ребята могут подтвердить... как перед богом...

— Гм. Ну, верю вам на слово. Давайте сюда зачетную книжку... Только, ради бога, где это моя автоматическая ручка?.. Вероятно, обронил. Ну, ничего; я вам отмечу карандашом.

Профессор взял в зубы карандаш и поставил в книжечке незнакомца против органической химии зачет.

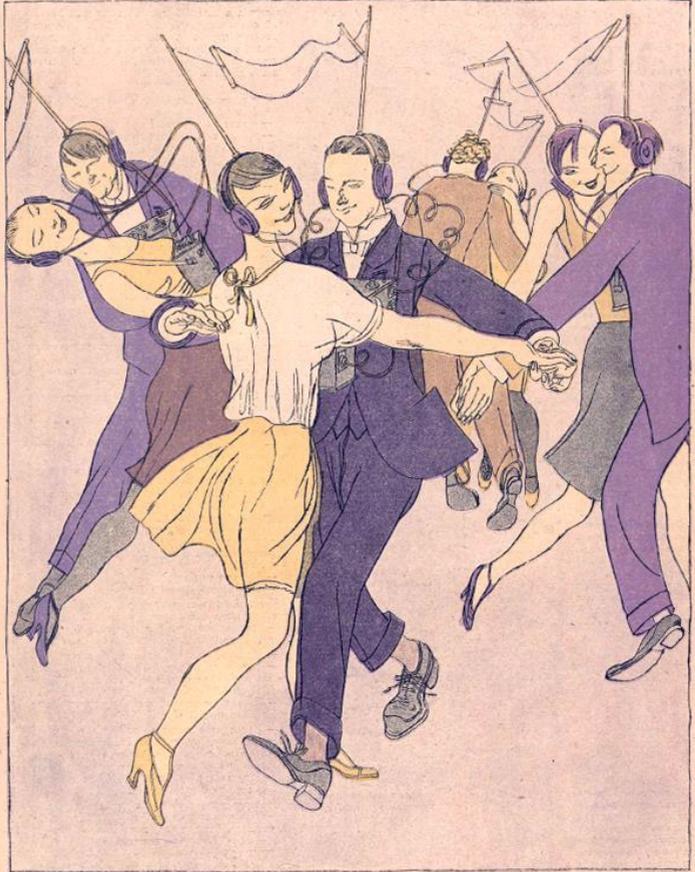
— Мерси, — скромно сказал незнакомец.

Парашют медленно опускался на землю, где уже виднелась большая и шумная толпа студентов, приветствующая неуловимого профессора восторженными криками. Над головами мелькали зачетные книжки.

Валентин Катаев.

РАДИО-ТАНЦЫ

Рис. М. Чернышев

— Что-то у нас ничего не выходит. Вы на сколько метров настроились?
— Я на 1450. Играют полонез из „Евгения Онегина“. А вы?
— А я на 450 метров жарит полму-позетку!

Журнал "СМЕХАЧ", №2, 1928 г.

Валентин КАТАЕВ

**РЕДЧАЙШИЙ
ЭКЗЕМПЛЯР**

Фантастический рассказ

Художник Н. Радлов

Журнал «Смехач», 1926, № 3.

РЕДЧАЙШИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

(Фантастический рассказ)

— А вот в том шкапу, — сказал заведующий музеем — находится единственный во всем СССР, редчайший в своем роде экземпляр обывателя эпохи 1905-го года.

— Восковая фигура или чучело? — деловито заинтересовался один из экскурсантов.

— Нет, дорогой товарищ, — с гордостью заметил заведующий, — нет. — Это не восковая фигура и не чучело, а совершенно настоящий, подлинный, нетронутый молью и временем превосходный экземпляр обывателя эпохи 1905-го года.

— Как же так? — хором спросили экскурсанты.

— А так. Единственный в мире случай летаргического сна. Чудо в духе Уэльса. Как впал человек в обморочное состояние двадцать лет тому назад, так до сих пор и не выпал из него.

— Не может этого быть:

— Вот вам и не может! Дело было так. Этого обывателя в 1905 году по ошибке задержали вместе с каким-то демонстрантами и отправили в участок. «Ты кто такой есть?» — спросил его дежурный околочный. — «Я-с, ваше благородие, чиновник 12 класса, и ничего такого-с»... — „Ой врешь! А почему у тебя в глазах вроде как бы освободительное движение? Молчать! К какой партии принадлежишь? — Да как стукнет кулаком.

Тут обыватель и впал в глубочайший обморок, который впоследствии перешел в летаргический сон. В свое время об этом даже в газетах заграничных писали. Лучшие врачи ничего не могли поделывать. А один видный профессор так прямо и заявил: «Теперь субъект выйдет из своего летаргического сна не раньше, чем лет через двадцать». Вот, ведь, какая штука, дорогие товарищи.

— И что ж, он действительно хорошо сохранился? Ах, как интересно и поучительно посмотреть!

— А вот вы его сейчас увидите. Такой, понимаете, забавный экземпляр! Слов нет. Зонтик, калоши, серебряные часы, — все честь-честью. Замечательный образец обывателя. Пальчики оближете. Прошу убедиться.

С этими словами заведующий открыл шкаф и, вдруг, в ужасе, отскочил назад. Шкаф был пуст.

— Исчез! — воскликнул с тоской заведующий.

— Сперли, наверное — выразили предположение экскурсанты. — Досадный факт.

— Не может быть, чтобы сперли! Кресты с могил, действительно, прут. Бывает. А до покойничков еще не доходило.

— Но что же? Что? Не ушел же он сам?

— Позвольте, товарищи. Ведь как раз прошло двадцать лет. Может быть, он проснулся, и того...

— И очень даже просто.

— В таком случае, — завопил заведующий, — его надо спешно отыскать. А то он еще, чего доброго, под автобус попадет. Я же за него несу ответственность. Как это швейцар не доглядел? Извините, товарищи. Бегу, бегу!

* *

*

Очнувшись от летаргического сна, обыватель прежде всего потрогал ноги — не пропали ли калоши, затем пощупал зонтик, высморкался, осторожно вышел из шкапа и беспрепятственно вышел на улицу.

— Домой! Как можно скорее домой! — пробормотал он. — Боже, что подумает жена! Что скажет столоначальник! Ночевать в участке — какой стыд! Извозчик, третья мешанская!

— Два рублика.

— Да ты что, братец, белены объелся. Четвертак

— Сам белены объелси! Тоже, ездук нашелся!

— Скотина! Он еще грубит! А в участок хочешь?

— Ты меня еще городовым постращай.

— Ах, ты, к-каналья! Над властями издеваешься? Устои подрываешь? Погоди, голубчик, вот я сейчас запишу твой номер! Го-ро-до-во-й!!!

— Ишь ты! — с уважением воскликнул извозчик — и где это только люди понасобачились добывать в воскресенье горькую? Ума не приложу. И, между прочим, не менее двух бутылок, ежели на ногах держится, а кричит: городской!

Обыватель тщательно записал номер дерзкого извозчика и пошел пешком.

— Товарищ, скажите как тут пройти на Дмитровку? — спросил у обывателя встречный юноша.

— Что-с? — завизжал обыватель, — за кого вы меня принимаете? Вы, кажется, думаете, что я из освободителей? Не товарищ я!

— Ну, — гражданин. Извиняюсь.

— Не гражданин я.

— А кто же вы такой?

— Я чиновник 12-го класса и кавалер ордена святыя Анны третьей степени. А ежели меня по ошибке задержали вместе с революционерами, то это, молодой человек, еще ничего не доказывает...

Юноша пристально всмотрелся в глаза обывателя и опасливо отошел в сторону.

— Вот ведь какая неприятность — пробормотал обыватель. — Уже на улицах стали называть товарищем. Дойдет еще до столоначальника, чего доброго. Как пить дать, выгонят со службы. Надо что-нибудь предпринять такое...

Обыватель поглубже засунул руки в карман и запел „Боже, царя храни“

— Эй! Газетчик! Дай-ка мне, милый, два номерочка „Русского Знамени“.

— Чего-с?

— „Знамени“, говорю „Русского“ дай два номерочка. Или даже, лучше, три.

— Нету такой газеты.

— Нету? Ну, дай „Новое Время“.

— Нету такой газеты.

— А что же есть?

— „Рабочая Газета“, „Правда“, „Красная Звезда“

— Ах, ты, нахальный мальчишка! Устои подрываешь? Нелегальщиной торгуешь? А вот я тебя, негодяя, в участок сведу.

— Не имеете права. Я налог плачу.

— Ла-а-дно! Я тебе покажу налог!

Обыватель тщательно записал приметы и номер крамольного газетчика и, нудно скрипя калошами, пошел дальше.

Над фасадом большого дома обыватель прочел надпись: „Московский Комитет Российской Коммунистической Партии“.

— Тэк-с... приятно. На глазах у всех, так сказать, подрываются устои. Так и запишем. И уличку запишем. И номерок запишем. Все запишем.

Обыватель внес необходимую запись в памятную книжку и пошел дальше.

— Товарищ, разрешите прикурить? — остановил обывателя толстый гражданин в бобровой шубе.

У обывателя екнуло сердце и подкосились ноги.

— Хи-хи... Не извольте сомневаться. Никак нет. Никакого причастия к нелегальным подпольным организациям, революционным кружкам и политическим группировкам не имею-с и не являюсь, так сказать, „товарищем“, а ежели ночевал в участке, то поверьте, ваш...превосхо...дительство... роковое недоразумение... Несчастное стечение обстоятельств... Ва... ва... ва...

Гражданин в шубе в ужасе шарахнулся в сторону.

* *

*

Исколесив всю Москву и уже окончательно отчаявшись в успехе поисков, заведующий музеем, поздно вечером, наконец, к великой своей радости, нашел исчезнувший экземпляр обывателя.

Экземпляр стоял посредине Театральной площади на коленях и, рыдая, говорил

— Как честный человек... Роковое недоразумение... Чиновник 12 класса и никакого причастия не имею... А ежели ночевал в участке, то, видит бог, по ошибке... Боже, Царя, Храни!.. А что касается извозчика № - 4921 и газетчика № 12, (блондин 14 лет глаза голубые, особых примет не имеется), то могу подтвердить, что они есть замешанные в движение, особенно газетчик, который продает подпольную нелегальщину... Опять же могу указать адрес Московского Комитета Коммунистической партии... А ежели ночевал в участке, то...

Многие прохожие останавливались и давали ему копейку

* *

*

Две недели бился заведующий музеем, растолковывая обывателю сущность событий и перемен, случившихся за последние 20 лет.

В начале третьей недели обыватель уразумел.

В конце третьей недели обыватель поступил в трест.

А в начале четвертой, как-то вскользь, во время обеденного перерыва, сказал сослуживцам:

— 1905 год? Как же, как же. Помню. Даже, можно сказать, лично участвовал в борьбе с самодержавием. Сидел, знаете, даже. За участие в демонстрации... Были дела! Ну, да о чем толковать!.. Мы старые общественники-революционеры... И, вообще, вихри враждебные воют над нами...

* *

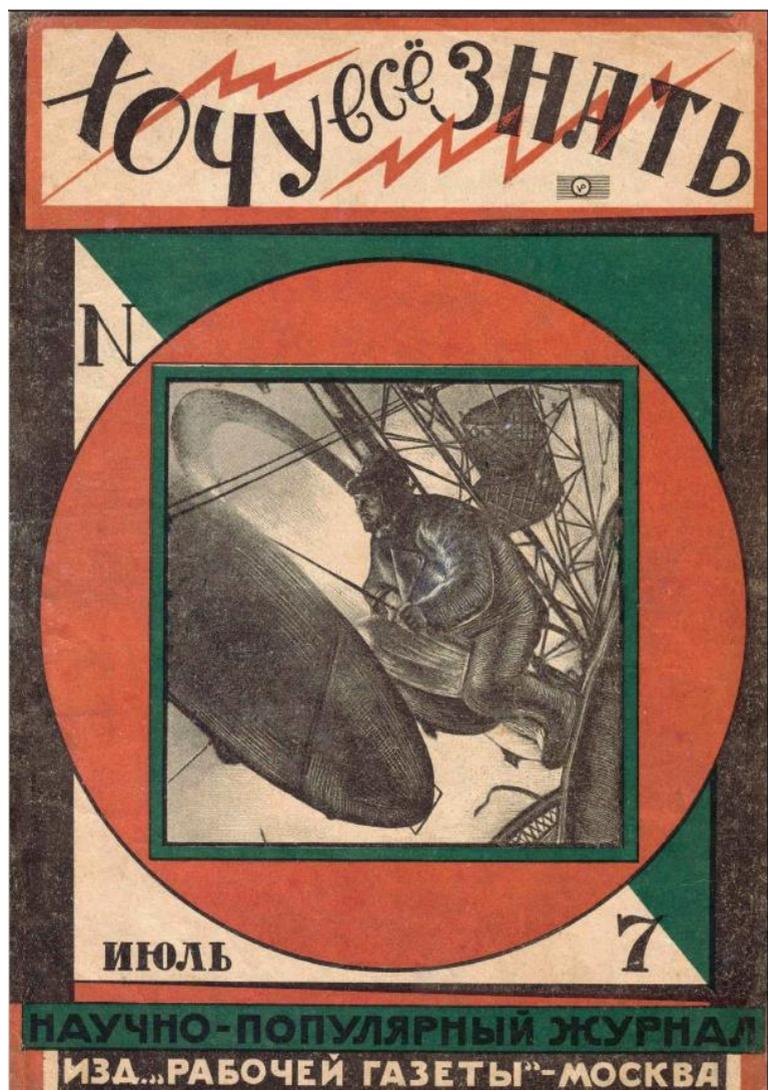
*

Говорят, что один раз он не без успеха выступал даже на вечере воспоминаний о 1905 годе.

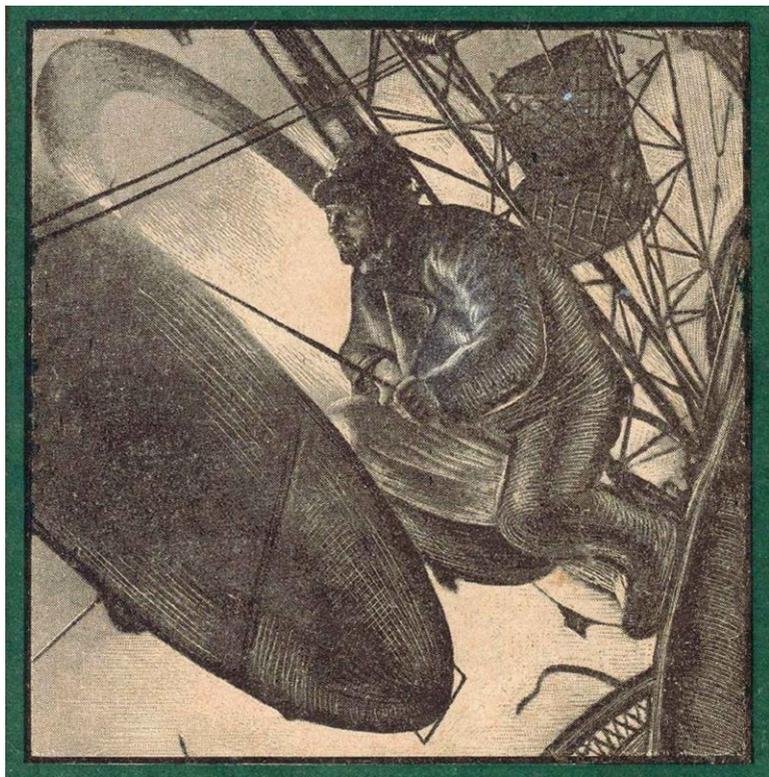
Но это не достоверно.

Все же остальное — факт.

Валентин Катаев

Обложка журнала «Хочу все знать» № 7, 1926 г.

Журнал «Чиж», № 7, 1930 г.

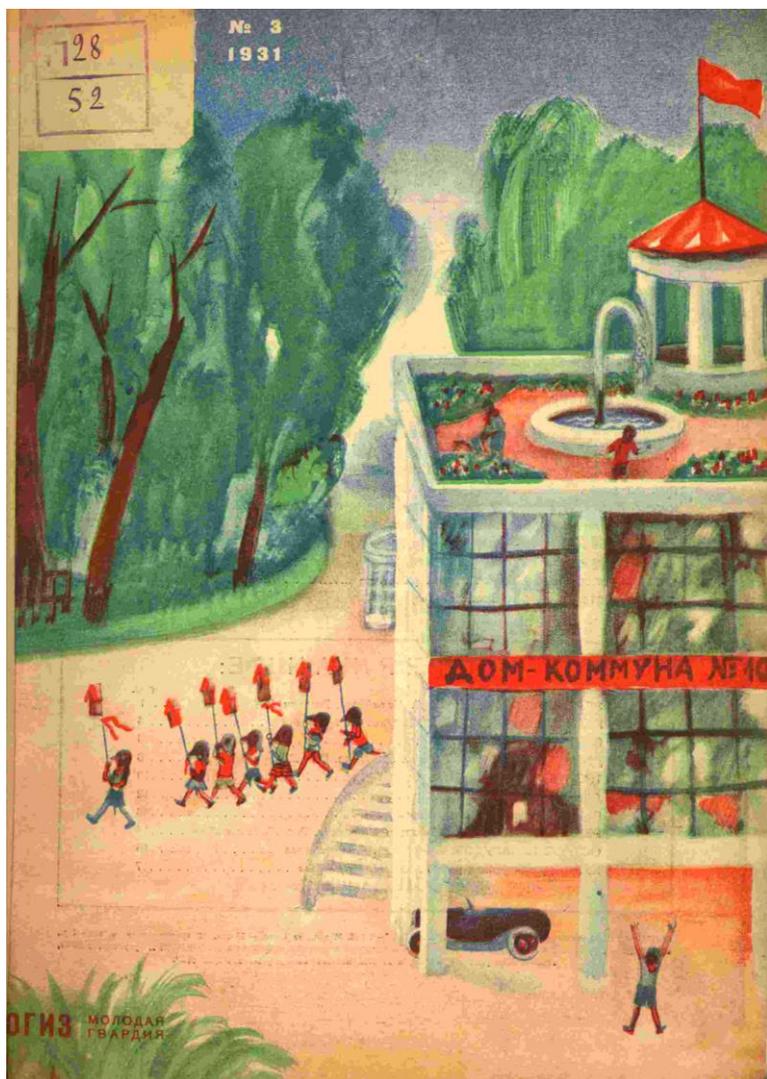
Фрагмент обложки журнала «Чиж», № 1, 1931 г.

Д. МИХАЙЛОВ

ЗЕЛЕНый
ГОРОД

Фантастический рассказ
Художник В. Конашевич

Журнал «Чиж», №№ 3-4, 1931 г.

ЗЕЛЕНый ГОРОД

В старом городе, в старом доме жили Коля и Оля. У них были папа, мама и бабушка.
Папа работал на фабрике.
Мама няньчила Олю.
Бабушка варила обед.
Коля ходил в школу,
А Оля спала или кричала.
Вот сидят дома мама, бабушка, Коля и Оля.
Бабушка варит им обед и говорит:
— Надоел мне наш примус. Коптит, плюется.
Развешивает мама Олины пеленки и говорит:
— Надоели мне пеленки. От них сырость в доме.
А Коля заткнул уши и кричит:
— Все вы мне надоели. Не даете уроки учить.
Вдруг открылась дверь и вошел папа.
— Собирайте вещи, — сказал папа, — переезжаем!
— На новую квартиру? — спросила бабушка.
— В новый дом? — спросила мама.
— Нет, — говорит папа, — в новый город.
— В Москву? — спросила бабушка.
— В Ленинград? — спросила мама.
-- Нет, — говорит папа, — в зеленый город.
— Это в Африке или Америке? — закричал Коля.
— Нет, — ответил папа, — это в нашем лесу. Там построили город для рабочих.

Приехали в зеленый город.
Подошли к новому дому.
А дом на дом не похож.
Стоит дом не прямо, а на ножках.
Под домом люди ходят и автомобили стоят.
На доме написано: Дом-коммуна № 10.
Вышел из дома человек и говорит:
— Я дежурный коммуны. Идите за мной, — и повел их в дом.
Подошли они к трем дверям.

— Вот ваша комната, — сказал дежурный коммунар папе.

— Вот ваша, — сказал он маме. — А вот бабушкина.

Вошли дни в первую комнату, а там — ни стола, ни кровати.

Вошли в другую — тоже ничего. Вошли в третью — и там нет ничего.

— Куда же пальто вешать? — спросил папа.

— Куда белье класть? — спросила мама.

— Где же уроки учить? — спросил Коля.

— А спать на полу, что ли? — спросила бабушка.

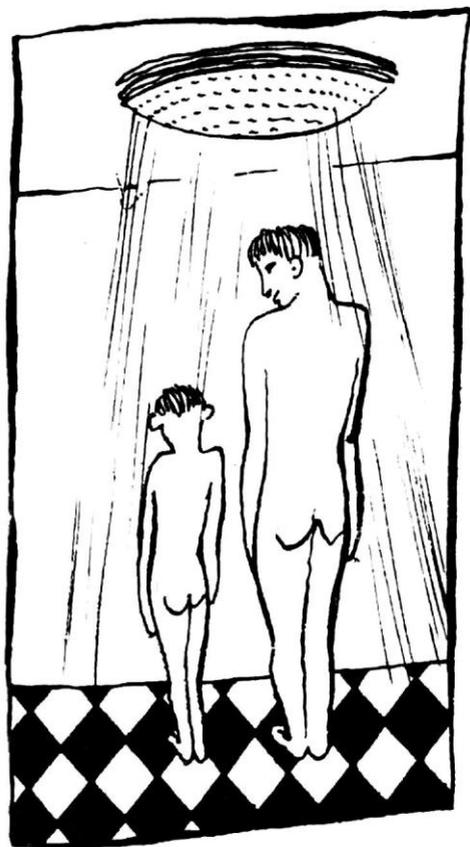
Подошел дежурный к стене, нажал кнопку — стена раздвинулась, а там шкаф.

Подошел к окну, дернул ручку — из-под окна выползла крышка стола.

Подошел к другой стене, потянул задвижку — из стены выехала кровать.

Положили на кровать подушку, а на подушку Олю.

— Хорошо бы теперь в баню пойти, помыться с дороги, — сказал папа.

Дежурный коммуны открыл маленькую дверцу. А там комнатка, вся белая, потолок в дырочках, а из дырочек горячий дождь льет.

Вымылись все: и папа, и мама, и Коля, и бабушка. А Олю мама выкупала.

— Надо бы поесть с дороги, — сказала бабушка. — Где тут обед варят?

— А вон в том большом доме, — говорит дежурный коммуны.

— Как же так, — спрашивает бабушка, — через улицу с кастрюльками бегать?

— А вы кастрюльки дома оставьте, — говорит дежурный коммуны.

Рассердилась бабушка.

— Ну, если так, я дома на примусе картошку сварю.

— Нет, — сказал дежурный коммуны, — у нас тут примусов не полагается. Видите, как здесь чисто, а вы весь дом за один день закоптите.

Села бабушка на стул и сказала:

— Вот тебе и зеленый город!

—————

Оделся папа и ушел на фабрику.

Коля побежал в школу.

Бабушка взяла кулек с картошкой и пошла кухню искать.

Мама с Олей одни остались.

—————

Бежит Коля по улице. А на улице домов нет, одни деревья.

Слышит Коля: кто-то сверху кричит:

— Мальчик! Мальчик! Откуда приехал?

— А ты откуда кричишь? — спрашивает Коля.

— А с крыши.

Раздвинул Коля ветви деревьев, и видит стеклянный дом. Стен нет, одни окна. А на крыше ребята с лейками.

— Вы что там, на крыше, делаете?

— Цветы поливаем.

Посмотрел Коля: крыша ровная, как стол, а на крыше целый сад. В саду беседка стоит и фонтан бьет.

Никогда таких крыш не видел Коля.

Вдруг: что такое? Выходит из-за угла толпа.

Несет скворешники, ветками машет.

А головы у всех не человечесьи, а птичьи.

Рис. В. ИОНАШЕВИЧА

— Это что за народ? — спрашивает Коля.

А с крыши ему отвечают:

— Это пионеры зеленого города.

— А почему у них клювы?

— Сегодня у нас день птиц. Пионеры идут в лес кормушки вешать.

Побежал Коля за птичьими головами. Прошли всю улицу, а там поле. В поле на тракторах пашут, а деревни нигде не видно. Только три больших дома стоят, как в городе.

— Это что за дома? — спрашивает Коля у птичьей головы.

Птичья голова повернула к нему клюв и говорит:

— Колхоз.

Кончилось поле, начался лес. Свернули птичьи головы на какую-то тропинку, и пропали.

Бежит Коля один по лесу и кричит:

— Ау!

А из лесу отвечают:

— Тише ты! Не пугай зверей!

Вдруг из кустов заяц выскочил. Посмотрел заяц на Колю и сел.

Вот так заяц! От человека не бежит.

А заяц поднял передние лапы и стал ухо чесать.

Вдруг треск. Кто там сучья ломает?

Идет по лесу олень.

Подошел он к Коле, фыркнул, и стал тыкать носом в Колин карман.

Коля закричал, а олень побежал. Коля за ним, а олень от него.

Бежали-бежали, забежали вместе на лужайку.

На лужайке круглый дом. Окон и дверей много: и все настежь открыты. В доме музыка играет, а на траве стоят ребята и руками машут. Руки вверх, руки в стороны, руки на бедра.

— Это ты кричал в лесу? — спрашивают ребята.

— Я, — говорит Коля.

— Ну так больше не кричи. А то видишь, как наш олень испугался?

Оглянулся Коля и видит — дрожит олень, за ребят прячется.

— Откуда он у вас? — спрашивает Коля.

— А у нас много зверей. Это наш заповедник. На зверей тут никто не охотится, а мы кормим их, и смотрим за ними, и изучаем, как они живут.

— Вот здорово, — сказал Коля. — А покажите мне теперь, как пройти в школу.

— А вот она, школа, — говорят ребята и показывают на круглый дом.

А бабушка перешла через дорогу и увидела вывеску „Фабрика - кухня“.

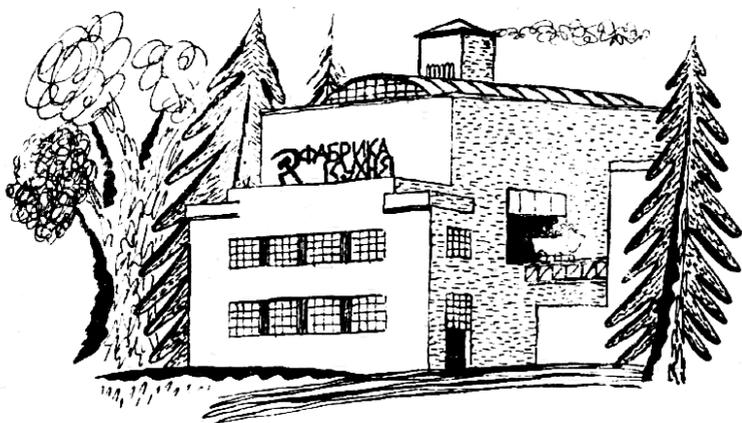
„Вот она кухня, — подумала бабушка, — пойду картошку варить.“

Переступила порог. Навстречу ей тележка бежит, а в тележке целая гора картошки.

„Что это? — думает бабушка — куда столько везут?“ И пошла за тележкой. А тележка подкатила к машине, опрокинулась, высыпала картошку и дальше покатила. А машина как застучит! Завертелась в ней картошка, запрыгала.

Смотрит бабушка, сыплются из машины в чан белые ломтики картошки.

Подождала бабушка, пока машина всю картошку почистила, и говорит:

— Почистите и мою картошку.

Засмеялась работница у машины:

— Ладно, сыпь картошку.

В одну минуту почистилась бабушкина картошка.

— Ну, — сказала бабушка, — теперь пойду жарить.

На полу рядами белые котлы стоят. А посредине огромная плита.

Подошла бабушка к повару и говорит:

— Помоги-ка, эту сковородину отодвинуть. Мне самой ее не спихнуть. Я картошку жарить хочу.

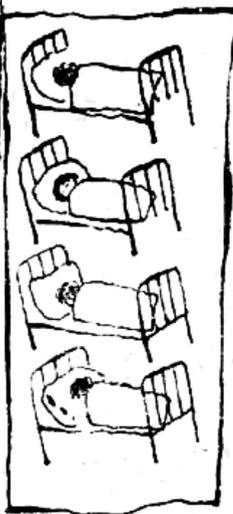
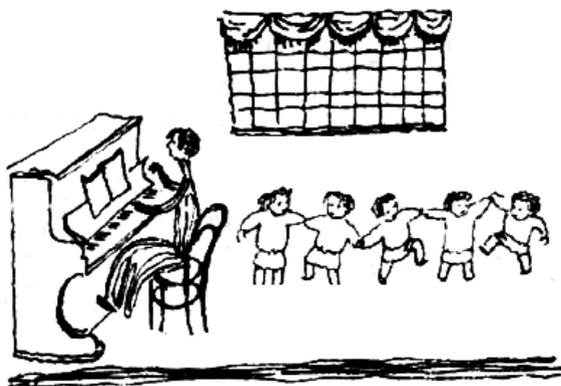
— погоди, бабушка, — сказал повар. — Сейчас зажарим.

Тут подъехала к плите тележка с чищенной картошкой, а за ней другая — с морковью, а за ней третья — с мясом.

Опрокинули все на сковороды.

Зашипели сковороды, за клубился над плитой горячий пар.

— Готово, сказал повар, — иди, бабушка, в столовую обедать.

Сидели мама с Олей одни в комнате, и в окно смотрели. А за окном сад, а в саду озеро, а по озеру люди на лодках катаются.

Посадила мама Олю на стул, а сама вышла в коридор. Приходит назад, а Оля под стулом лежит и плачет.

— Вот,— сказала мама, — отойти от тебя нельзя. Сейчас нос разобьешь.

Взяла Олю на руки и стала качать.

Вдруг в дверь стук.

— Кто там?

— Дежурный коммуны.

Посмотрел дежурный коммуны на Олю, и говорит маме:

— Вы отнесите ребенка в ясли. У нас в зеленом городе все такие ребята в яслях. А для вас другая работа найдется. Хотите на фабрику поступайте, хотите, на курсах учитесь.

— А Оля скучать без меня будет, — говорит мама.

— Нет, — говорит дежурный коммуны. — Ей там веселее, чем у вас будет.

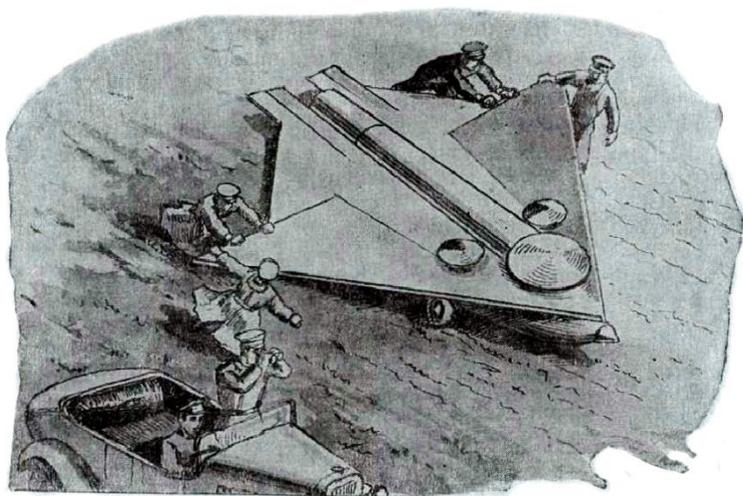
Взяла мама Олю и понесла в ясли.

Принесла Олю в ясли. А там четыре комнаты. В одной комнате ребята работают, в другой — играют, в третьей — едят, а в четвертой — спят. Кроваток много, и на всех дети спят, только одна кроватка пустая.

— Это для вашей Оли, — сказала маме дежурная.

Так мы и стали жить в зеленом городе.

Д. Михайлов.

Самолет „робот“, управляемый по радио. В будущей войне очевидно будет применяться для распыления микробов в тылу противника

Журнал «Наука и жизнь», № 3, 1937 г.

Лев УСПЕНСКИЙ

**ХВОСТАТЫЙ
ПАССАЖИР**

Рассказ

Художник А. Лукьянова

В Крыму, в Коктебеле, меня спросили, не хочу ли я полететь пассажиром на планёре. Понятное дело, я сказал: хочу!

Был жаркий день.

Белый с красным планёр лежал на склоне горы. Около него грудой валялась на траве тёплая одежда — кожаные тужурки, штаны, шлемы...

Загорелый лётчик в голубых трусах видел на камне и пил молоко.

— Здравствуйте! — сказал он мне. — Одевайтесь скорее! Пора!

Я в удивлении затоптался на месте. Такая жара, сам в одних трусиках, а меня хочет совсем уморить в каких-то шубах!

— Одевайтесь, одевайтесь! — закричали все. — Полёт будет высотный, тысячи на две метров. Там — холодно. Замерзнете! Одевайтесь!

Делать было нечего. Я оделся. Оделся и лётчик. В кожаной одежде я стал такой толстый, что меня еле-еле вдавили в заднюю пассажирскую кабину.

Потом все пошло так, как всегда бывает при полётах на планёре. Планёр зацепили длинным резиновым канатом за

крюк на носу, повернули против ветра, и 8 человек стали растягивать канат как игрушечную рогатку, из которой стреляют камнями. Канат становился все туже, планёр вздрагивал, проволоки звенели. Наконец дежурный закричал:

— Старт!

Щелкнула застёжка, которая удерживала хвост машины на земле, и рогатка выстрелила. Только вместо камня вылетел целый планёр, вместе со мной и с лётчиком.

Летать на планёре очень приятно, куда приятнее, чем на самолёте. На самолёте — шум и грохот мотора. А здесь — полная тишина. Только встречный воздух свистит по крыльям — то громче, то тише.

Смотришь вниз — людей почти не видно, а всё, что они говорят, слышно великолепно.

— Иван Николаевич! Иди сюда, обедать принесли, — точно тебе в самое ухо сказали.

Смотришь-смотришь, а Ивана Николаевича и найти нельзя: там какие-то букашки ползают,

Медленно, большими кругами повел мой лётчик планёр вверх. Машина идет всё выше и выше, а мы разговариваем. Надоело разговаривать — стали петь. Надоело петь, лётчик говорит:

— Хотите винограду?

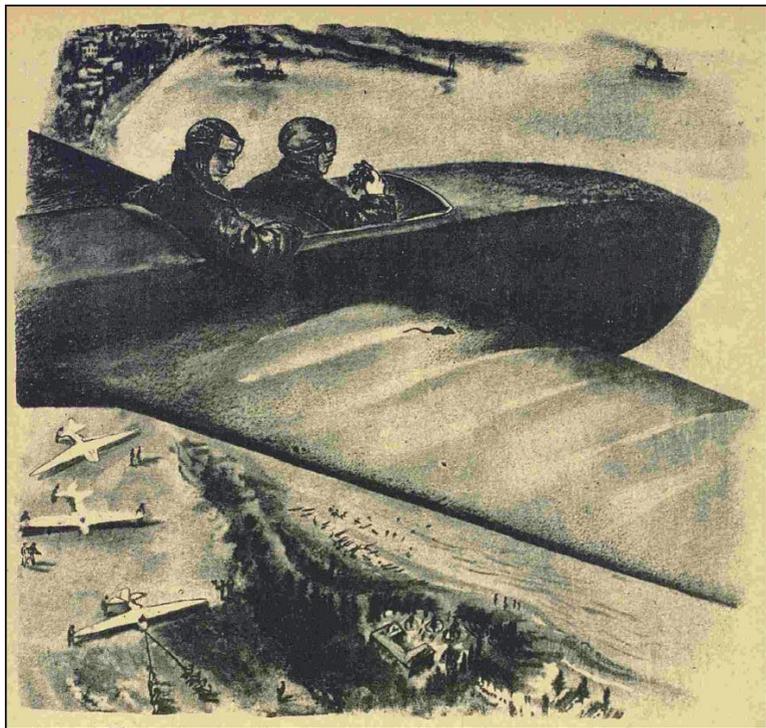
Извернулся и подал мне через плечо большущий кулёк черного сладкого винограду. Стали виноград есть.

А лётчик говорит:

— Удивительно. Посмотрите: плюну через борт семечко, — и куда его ветер унесет? Попадет где-нибудь на земле в щель, и вырастет куст. И никто не узнает, что этот куст летал на планёре. Да как еще высоко летал! Чувствуете — прохладно стало?

И только он это сказал, вдруг я почувствовал не то, что прохладно стало, а что у меня под одеждой кто-то ходит. Ходит и ходит. И скребётся.

— Послушайте, — говорю я, — у меня кто-то под одеждой ходит!

— Под одеждой? — спрашивает летчик. — А что он, — большой, маленький или средний?

— Скорее средний, — говорю, — теперь в рукав полез. Теплый, мягкий и с когтями.

— А, — говорит лётчик, — тогда это мышь! Это она, мерзкая, лазит сюда в планёр тавот есть — смазку, которой машину смазывают. Наестся тавота, заснет в планёре и проспиг отлёт. А наверху замерзнет и лезет к человеку греться. Где она теперь у вас?

— Она у меня теперь на левом боку.

— Суйте руку под куртку и ловите её. Поймали? Тащите её сюда!

Я сунул руку за пазуху и на самом деле вытащил маленького, чуть побольше наперстка, мышонка. Разжал руку, — а мышонок сидит, крошечный, на моей большой ладони

и часто-часто дышит. Потом вдруг поднялся на задние лапки и начал приглаживать себе шерсть на брюшке.

Лётчик покосился назад.

— Сидит, негодяй? — спросил он.

— Сидит.

— Пустите его на крыло. Что он будет делать?

Я пустил мышонка на крыло. Он осмотрелся, крепко цепляясь коготками за окраску, побежал против ветра на передний край крыла. Там он стал столбиком, прижал передние лапки к груди и принялся внимательно заглядывать вниз.

Внизу — синее, синее море. Домики Коктебеля пестрят вдали на берегу. Мышонок опустил, затряс усатой мордочкой, рысцей перебежал за спину лётчику, спрятался от ветра и сел там умываться.

Около часа мы кружились над морем. Лётчик посвистывал в своей кабинке. То и дело он, не оборачиваясь, спрашивал меня:

— Сидит пассажир?

— Сидит.

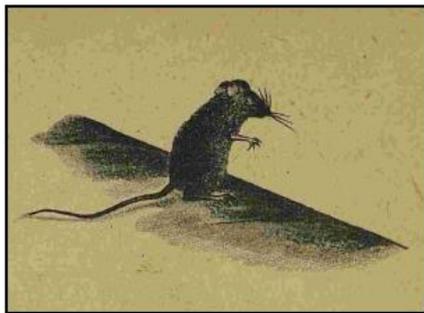
— Моется?

— Нет, теперь шевелит усами...

— Вы мне говорите, что он делает. Мне не видно. Надо его домой свезти...

Но довести домой хвостатого пассажира не удалось.

Надоело ему сидеть, или что-нибудь почудилось опасное, только он вдруг встрепенулся, быстро протрусил на край крыла и стал там столбиком. Несколько секунд он тянулся всё выше и выше вверх, склонял голову влево и вправо, точно хотел убедиться, что теперь под нами не море, а твёрдая земля. Лётчик уговаривал его:

— Ну, что ты, балбес? Сиди! Чего тебе не сидится? Покаешься и пойдешь к своей мышихе! Иди сюда, залезай мне под куртку...

Не тут-то было: мышонок вдруг вытянулся еще сильнее, оттолкнулся задними лапками от крыла и — кувырк! — стремглав полетел вниз на землю.

У лётчика даже рука дрогнула — планёр клюнул носом.

— Видали дурака? — сказал лётчик. — Вот и разобьется! Подумаешь — парашютист какой, затяжные прыжки выделявает!

После этого мы быстро полетели домой, обратно. Лётчик уже не пел. Он нахмурился и молчал; только приближаясь к аэродрому, лётчик сказал:

— А знаете что? Может быть, он и верно полетел, как на парашоте. Сам легкий, шерсть длинная, пушистая... хвост... Возможно, что и не разбился.

Прошло две недели. В Москве, на Красной площади, слышу — кто-то зовет меня:

— Эй! Ой! Э-ге-ге!

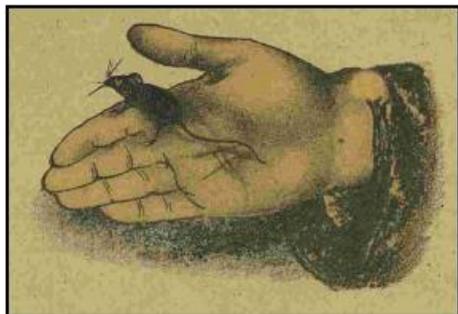
Обернулся — бежит за мной лётчик.

— Простите, — говорит, — вы со мной летали, но фамилии вашей я не знаю. Мышонок-то наш — не разбился!

Я удивился.

— А почему вы думаете?

— Ну, как же, — говорит. — Тут в Москве я нашел од-

ного инженера и пристал к нему, чтобы он высчитал, как наука говорит: разобьется мышь, если спрыгнет с самолёта, или нет? Уж он считал-считал... Оказалось — это очень трудно. Пришлось другую

мышь поймать, на весах ее на каких-то особенных вешали. Надоел я ему очень. Но все-таки узнал: нет, не разобьется. Полетит спокойно, как парашютист. Шерсть у неё, хвост... Инженер сказал: если на траву упала — жива мышь.

Ну, до свиданья, я тороплюсь!

Мы пожали друг другу руки и разошлись.

Л. Успенский.

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

ГОЛОВА
ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

Фантастический рассказ

С благодарностью: В. Настецкому и А. Антипову
Журнал "Всемирный следопыт", 1925 г., № 3- 4.
Публикация в журнале не иллюстрирована.
Все иллюстрации взяты из различных изданий романа.

Голова профессора Дуэля

Научно-фантастический рассказ **А. Р. Беляева**.

От редакции

Многим читателям "Всемирного следопыта", вероятно, известны успешные опыты современной медицины в области пересадки тканей. Сорванная случайным повреждением с лица человека кожа может быть заменена лоскутом живой кожи, вырезанной, напр., с ноги человека. Этот лоскут кожи быстро "приживается" на новом месте. Современные ученые пересаживают не только кожу. В последнее время производится, напр., пересадка человеку мужских половых желез (опыты Вокера и др.) от низших животных, высшего типа обезьян (лучшие результаты) и, наконец, пользуясь человеческой тканью (самые стойкие результаты).

Эти опыты натолкнули ученых на мысль: не могут ли ткани человеческого (и животных) тела жить отделёнными от тела, если их снабжать необходимым для жизни питанием. Можно ли оживить и продлить деятельность сердца, вырезанного из свежего трупа. Опыты над оживлением сердца имеют уже двадцатилетнюю давность и привели к благоприятным результатам. Целый ряд ученых работал над разрешением этой задачи: Гаскель и Эсвальд, Ашов и Тавара, в Америке — Керель и др. Ашову и Тавара удалось с достоверностью установить, что исходный пункт сердечной деятельности, "primum movens", как говорят врачи, заложен там, где кровь вливается в сердце, следовательно, в месте впадения полых вен в правое предсердие, где находится узел.

Оживление сердца производится следующим образом: сердце нагревают до температуры тела, затем берут так называемую Рингерлеховскую жидкость, состоящую из раствора солей; кали, натрия кальция и магния, с прибавлением глюкозы. Жидкость эта насыщается кислородом и вводится в сердечную аорту у самого

основания в противоположном обычному направлении, чтобы питались сердечные сосуды, — и сердце вновь начинает "работать". Сердце, вырезанное из трупа, продолжает жить самостоятельной жизнью.

И не одно только сердце оживляют современные ученые. Умерший год тому назад русский ученый воен. медиц. академии, проф. Кравков, оживлял напр. отрезанное ухо кролика. Когда питание уха уменьшалось или прекращалось (в виде опыта), ухо как бы "увядало", сморщивалось, становилось безжизненным. Но довольно было его "сбрызнуть живой водой", — дать питание, и ухо распрямлялось, оживало и, если можно так выразиться, чувствовало себя вполне хорошо.

Особенно интересен опыт профессора Кравкова с оживлением отрезанного человеческого пальца. Палец не только сохранял все жизненные свойства (обычную мягкость живого тела, рост ногтя и пр.), но и реагировал (т.-е. отвечал на известное воздействие), как палец на руке живого человека, на различного рода раздражения. Так, прикосновение к этому оживленному пальцу раскаленного железа или едких кислот вызывало красноту, опухоль, словом — все явления ожога живого тела, которые медленно исчезали, "залечивались".

Итак, мы видим, что современная наука уже способна оживать отдельные части человеческого тела и его органы. Даже такой сложный орган, как сердце, удалось оживать на некоторое время.

Невольно напрашивается мысль: нельзя ли проделать самый интересный опыт оживления той части человеческого тела, где сосредоточивается его интеллектуальная деятельность, его сознание: голову. Успех этого опыта, если бы он удался, открыл бы перед нами удивительные перспективы. Вернуть к жизни голову умершего человека, вернуть после смерти сознание, — ведь это было бы уже подлинное "воскрешение из мертвых", что в век религиозного суеверия считалось прерогативой (исключительным правом) "божества". "Воскрешение головы" было бы таким же сильным ударом по этому религиозному суеверию, какой в свое время нанес Дарвин библейским сказкам о творении мира своим учением об изменчивости видов. Нанесен был бы удар и вере в бессмертие "души", которая по этому верованию, после смерти должна немедленно отправиться на "тот свет".

Но можно ли разрешить эту задачу?

Целый ряд препятствий стоит на пути к ее достижению в настоящее время. Сегодня об этом можно лишь фантазировать. Но разве мы не живем в тот век, когда вчерашние "несбыточные фантазии" завтра становятся обычным явлением повседневности.

И разве здравствующему ныне профессору Кулябко не удалось уже оживить голову, — правда, пока всего лишь рыбы, но всё же оживить голову. Не так давно в печати промелькнуло известие о том, что во Франции уже делались опыты оживления и человеческой головы. Сообщение это нуждается в проверке, но идея, очевидно, уже "носится в воздухе".

Помещаемый ниже рассказ и посвящён этой теме: оживления человеческой головы. Пока это только "научная фантастика". Это — смелый прыжок в "завтра". Но эта фантастика стоит на линии научных открытий сегодняшнего дня. Она является лишь как бы логическим завершением того пути, куда ведут уже проделанные опыты в этой области.

Вместе с тем, рассказ изображает разлагающее влияние капитализма даже на ту "головку" буржуазной интеллигенции, которую принято называть "солью земли": на мир учёных. Зависть, интриги, борьба, а иногда и преступления — довольно обычные явления в среде ученых капиталистических стран. Иначе и быть не может там, где даже научные открытия, так называемая слава, могут, быть обращены в "валюту" и потому служат предметом нездоровой и даже преступной спекуляции.

I. Первая встреча.

— Прошу садиться...

Мисс Адамс опустилась в глубокое кожаное кресло. Пока профессор Керн вскрывал и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель черного дуба. Темные обои, темные драпри. В полумраке поблескивает только золото тисненых переплетов в тяжелых шкапах. Старинные стенные часы медленно и важно режут ленту времени длинным маятником.

Переведя взгляд на Керна, мисс Адамс улыбнулась мысленно: кто-то очень удачно подобрал его под стиль кабинета.

Будто вырубленная из черного дуба, его тяжеловесная, суровая солидная фигура казалась частью мебелировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его зрачки серо-стального цвета, переходя со стороны на сторону письма. Прямоугольный нос, прямой разрез рта и квадратный, выдающийся вперед, подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором кубистом.

Камин украсить такой маской, а не письменный стол, — подумала мисс Адамс.

— Коллега Смит говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Семь долларов в день. Расчет еженедельный. Работа несложная. Но я ставлю одно непременное условие...

Побарабанив сухими пальцами по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос.

— Вы умеете молчать?.. Все женщины болтливы! Вы женщина — это плохо. Вы красивы — это еще хуже.

— Но какое отношение?..

— Самое близкое! Самое близкое. Красивая женщина — женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. Если их еще нет у вас, может быть муж, друг, жених. И тогда — все тайны к черту!

— Но...

— Никаких "но"! Вы должны быть немы, как рыба. Вы должны молчать обо всем, что услышите здесь. Принимаете это условие?.. Должен предупредить: неисполнение этого условия повлечет за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные!

Мисс Адамс была смущена и заинтересована.

— Я согласна, если во всем этом нет ...

— Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность... Ваши нервы в порядке?

— Я здорова...

Профессор Керн кивнул головой. Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке мисс Адамс увидела только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Черные волосы и костюм сливались с темными драпри двери.

— Джон, покажите мисс лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Мисс Адамс вошла в совершенно темную комнату.

Щелкнул выключатель, и яркий свет от матовых полусфер на потолке залил комнату. Мисс Адамс невольно прикрыла глаза... После полумрака кабинета, белизна стен слепила глаза. Сверкали стекла шкапов с блестящими хирургическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий различных аппаратов. Темными, желтыми бликами ложился свет на медных полированных частях. Трубы, колбы, машины. Стекло и металл.

Посреди комнаты стоял большой прозекторский стол. На столе лежал труп человека без головы. Грудная клетка была вскрыта. Рядом со столом стоял стеклянный ящик, и в нем пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубки к баллонам.

Мисс Адамс повернула голову в сторону и вдруг увидела нечто, заставившее ее вздрогнуть, как от электрического удара.

На нее смотрела человеческая голова, — одна голова, без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие, блестящие, металлические ножки. Из отреза шеи, от аорт, через отверстия в стекле, шли две трубки к баллонам. Третья, более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и какими-то неизвестными приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на мисс Адамс, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила, отделенная от тела, жила самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, мисс Адамс не могла не заметить, что эта голова была удивительно похожа на недавно умершего известного ученого, хирурга, профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Мисс Адамс не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребренные сединой русые волосы головы и бороды, голубые глаза... Да, это была голова профессора Доуэля! Только губы и нос его стали тоньше, суше, виски и щеки втянулись, глаза глубже запали в орбиты, и белая кожа приобрела желто-темный оттенок мумий... Но в глазах светилась живая человеческая мысль...

Мисс Адамс почувствовала, как шевелятся у ней корни волос... но она, как зачарованная, не могла оторвать своего взгляда от этих голубых глаз...

Голова беззвучно шевельнула губами...

Это было слишком для нервов мисс Адамс. Она почувствовала, что близка к обмороку. Негр поддержал ее и вывел из лаборатории.

.....

— Это ужасно... это ужасно... — повторяла мисс Адамс, опустившись в кресло.

Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

— Скажите, неужели эта голова...

— Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращенная мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну только голову. Не все сразу! Мы, ученые и так вторгаемся в "незыблемые законы" природы, бросаем вызов самой смерти и отбиваем хлеб у чудотворцев и самого божества. Но не все сразу, говорю я. Бедный Доуэль страдал неизлечимым, пока, недугом. Умирая, он завещал свое тело для научных опытов, которые мы вели с ним вместе. "Вся моя жизнь была посвящена науке. Пусть же науке послужит и моя смерть.

Я предпочитаю, чтобы в моем трупе копался мой друг ученый, а не могильный червь". Вот какое завещание оставил профессор Доуэль.

И чтобы перевести разговор на другую тему, профессор Керн спросил:

- Итак, вы принимаете мое предложение? Отлично! Я жду вас завтра к девяти утра. Но помните: молчание, молчание и молчание!..

II. Тайна запретного крана.

Мисс Адамс не легко давалась жизнь. Ей было семнадцать лет, когда умер ее отец. На плечи мисс Адамс легла забота о больной матери и младшей сестре. Небольших средств, оставшихся после отца, не хватило даже на окончание высшего образования. Приходилось учиться и поддерживать семью. Несколько лет она работала корректором в газете. Получив звание врача, тщетно пыталась она найти место. Были предложения ехать в южную Америку, — в гиблые места, где свирепствовала желтая лихорадка. Мисс Адамс не решалась ехать туда с семьей, не хотелось бросать и семью. Предложение профессора Керна явилось для нее выходом из положения. Несмотря на всю странность работы, она согласилась без колебаний.

Мисс Адамс не знала, что профессор Керн прежде, чем предложить ей место у себя, наводил о ней тщательные справки.

Уже две недели работала она у Керна. Обязанности ее были несложны. Она должна была в продолжение дня следить за аппаратами, поддерживающими жизнь головы. Ночью ее сменял Джон.

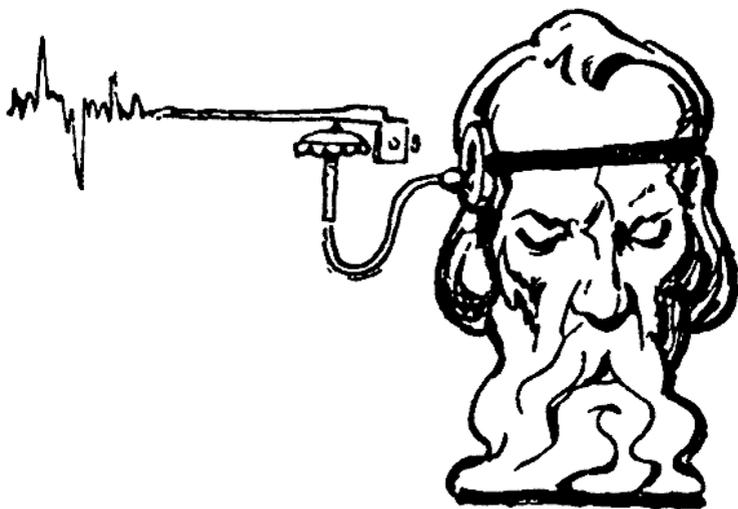
Профессор Керн объяснил ей, как нужно обращаться с кранами у баллонов. Указав на большой цилиндр, от которого шла толстая трубка к горлу головы, Керн строжайше запретил ей открывать кран этого цилиндра.

— Довольно повернуть этот кран, как голова будет медленно убита! Как-нибудь я объясню вам мою систему

питания головы и назначение этого цилиндра. Пока вам довольно знать, как обращаться с аппаратами.

С обещанными объяснениями профессор Керн, однако, не спешил.

В одну из ноздрей головы был глубоко вставлен маленький термометр. В определенные часы нужно было вынимать его и записывать температуру. Термометрами же и манометрами были снабжены и баллоны. Нужно было следить за температурой жидкостей и давлением. Но хорошо отрегулированные аппараты не доставляли хлопот, действуя с точностью часового механизма. Наконец, особой чувствительности прибор, приставленный к виску головы, отмечал пульсацию, механически вычерчивая кривую. Нужно было через известные промежутки заменять ленту. Содержимое баллонов пополнялось в отсутствие мисс Адамс, — до ее прихода.

Мисс Адамс несколько привыкла к голове и даже сдружилась с нею.

Когда она утром входила в лабораторию, с порозовевшими от ходьбы и свежего воздуха щеками, голова слабо улыбалась ей, и веки головы дрожали в знак приветствия.

Голова не могла говорить. Но между ними скоро установился условный язык, хотя и очень ограниченный в мимической части лексикона. Опускание головою век означало "да". Поднятие их вверх — "нет". — Несколько помогали и беззвучно шевелящиеся губы.

При помощи этого мимического языка головы и обычной речи мисс Адамс, им удавалось даже вести разговор "по вопросно-ответному методу": мисс Адамс задавала вопросы, голова сигнализировала "да" или "нет".

— Ну, как вы себя сегодня чувствуете? — спросила мисс Адамс.

Голова улыбнулась и опустила веки "хорошо, благодарю"...

— Как провели ночь?

Та же мимика.

Мисс Адамс забрасывала голову вопросами и проворно исполняла утренние обязанности. Проверила аппараты, температуру, пульс. Сделала записи в журнале. Затем, с величайшей осторожностью, омыла водой со спиртом лицо головы при помощи мягкой губки, вытерла гигроскопической ватой. Сняла кусочек ваты, повисший на щеке. Промыла глаза, уши, нос и рот. В рот и нос для этого вводились особые трубки. Привела в порядок волосы.

Руки ее проворно и ловко касались головы. На лице головы было довольное выражение.

— Сегодня чудесный день, — оживленно говорила мисс Адамс. — Легкий, морозный воздух. Так и хочется дышать всей грудью. Смотрите, как ярко светит солнце. Совсем по-весеннему!

Углы губ профессора Доуэля печально опустились. Глаза с тоской глянули на окно и остановились на мисс Адамс.

Она покраснела от легкой досады на себя. Она, с инстинктивной чуткостью женщины, избегала говорить обо всем, что было недостижимо для головы и могло лишней раз напомнить об убожестве ее физического существования.

Она испытывала какую-то материнскую жалость к голове, как к беспомощному, обиженному природой ребенку.

— Ну-с, давайте заниматься! — поспешно сказала мисс Адамс, — чтобы поправить свою ошибку.

По утрам, до прихода профессора Керн, голова занималась чтением. Мисс Адамс приносила ворох последних медицинских журналов и книг и показывала их голове. Голова просматривала; на нужной статье шевелила бровями. Мисс Адамс клала журнал на пюпитр, и голова погружалась в чтение. Мисс Адамс привыкла, следя за глазами головы, угадывать, какую строчку голова читает, и вовремя переворачивала страницы.

Когда нужно было на полях сделать отметку, голова делала знак, и мисс Адамс проводила пальцем по строчкам, следя за глазами головы, и отмечала карандашом черту на полях.

Для чего голова заставляла делать на полях эти отметки, мисс Адамс не понимала; но при помощи их бедного мимического языка она не надеялась получить разъяснения и потому не спрашивала.

Но, однажды, проходя через кабинет профессора Керн в его отсутствие, она увидела на письменном столе журналы, со сделанными ею, по указанию головы, отметками. А на листе бумаги, рукою профессора Керна, несколько таких заметок было переписано. Это заставило ее задуматься.

Вспомнив сейчас об этом, мисс Адамс не удержалась от вопроса.

— Скажите, зачем мы отмечаем некоторые места в научных статьях?

Лицо профессора Доуэля выразило неудовольствие и нетерпение. Голова выразительно посмотрела на мисс

Адамс, потом на кран, от которого шла трубка к горлу голова, и два раза подняла брови. Это означало просьбу. Мисс Адамс поняла, что голова хочет, чтобы мисс Адамс открыла этот запретный кран. Уже не в первый раз голова обращалась к ней с такой просьбой. Но мисс Адамс объясняла желание головы по своему: голова, очевидно, хочет покончить со своим безотрадным существованием. Мисс Адамс не решалась открыть запретный кран. Она боялась ответственности, боялась потерять место.

— Нет, нет! — со страхом ответила мисс Адамс на просьбу головы, — если я открою этот кран, вы умрете! Я не хочу, не могу, не смею убивать вас! — От нетерпения и сознания бессилия по лицу головы прошла судорога. Голова закричала зубами.

Три раза голова энергично поднимала вверх веки и глаза...

— Нет, нет, нет... я не умру, — так поняла мисс Адамс. Она колебалась.

Голова стала беззвучно шевелить губами, и мисс Адамс показалось, что эти губы пытаются сказать:

— Откройте, откройте, умоляю...

Любопытство мисс Адамс было возбуждено до крайней степени.

Она почувствовала, что здесь скрывается какая-то тайна... Она и раньше не совсем доверяла словам профессора Керна о смертности запретного крана.

Между тем, в глазах головы светилась безграничная тоска... Глаза просили, умоляли, требовали... Казалось вся сила человеческой мысли, все напряжение воли сосредоточились в этом взгляде.

И мисс Адамс решилась.

С сильно бьющимся сердцем, дрожащею рукою она осторожно приоткрыла кран.

Тотчас из горла головы послышалось шипенье. Мисс Адамс услышала слабый, глухой, надтреснутый, как испорченный граммофон, голос головы.

- Бла-го-да-рю...вас!..

Запретный кран пропускал сжатый в цилиндре воздух. Проходя через горло головы, воздух приводил в движение горловые связки, и голова получала возможность говорить. Мышцы горла и связки не могли уже действовать нормально, и потому воздух, с шипением проходил через горло и тогда, когда голова не говорила. А ослабленные горловые связки придавали голосу этот глухой, дребезжащий тембр.

Лицо головы выражало удовлетворение.

Но в этот момент слышались шаги в кабинете и звук открываемого замка, дверь лаборатории всегда закрывалась ключом со стороны кабинета.

Мисс Адамс едва успела повернуть кран на место. Шипенье в горле головы прекратилось.

Вошел профессор Керн.

III. Голова заговорила.

С тех пор, как мисс Адамс открыла тайну запретного крана, прошло около недели.

За это время между мисс Адамс и головой установились еще более дружеские отношения. В те часы, когда профессор Керн уходил в университет, мисс Адамс открывала кран, направляя в горло головы небольшую струю воздуха, чтобы голова могла говорить внятными шепотом. Тихо говорила и мисс Адамс. Они опасались, чтобы негр не услышал их разговора.

На голову профессора Доуэля их разговоры, видимо, производили благотворное действие. Глаза стали живее, и даже скорбная морщина меж бровей разгладилась.

Голова говорила много и охотно, как бы вознаграждая себя за время вынужденного молчания.

Прошлую ночь мисс Адамс видала во сне голову профессора Доуэля, и, проснувшись, подумала: видит ли сны голова профессора Доуэля?

— Сны... — тихо прошипела голова. — Да, я вижу сны.

Лицо головы просветлело от воспоминаний, но тотчас ом-

рачилось. Будто луч осеннего солнца пробрался на мгновение сквозь серую пелену осенних туч и погас...

— Прошлой ночью я видел во сне моего сына... Как бы я хотел посмотреть на него ещё раз!.. Но я не смею подвергать его этому испытанию... Для него я умер...

— Он взрослый?.. Где он находится сейчас?

— Да он взрослый... он почти одних лет с вами или немного старше. Кончил университет... В настоящее время должен находиться в Англии, у своей тетки по матери... Нет, лучше бы не видеть снов!

Сейчас я веду существование почти бесплотного духа. И какой смешной, нелепой кажется мне мечта об этом бесплотном существовании! Мы — сыны земли, из плоти и крови. И мы можем быть счастливы только с нашей милой землей и на земле. Знаете ли вы, что значит жить без тела, одним сознанием?

Меня не только мучат сны своей обманчивой реальностью. Наяву меня мучат обманы чувств. Как это ни странно, иногда мне кажется, что я чувствую свое тело. Мне вдруг захочется вздохнуть полной грудью, потянуться, расправить широко руки, как это делает засидевшийся человек. А иногда я ощущаю подагрическую боль в левой ноге. Не правда ли, смешно? Хотя, как врачу, это должно быть вам понятно. Боль так реальна, что я невольно опускаю глаза вниз, и, конечно, сквозь стекло вижу под собой пустое пространство и каменные плиты пола... По временам мне кажется, что сейчас начнется припадок удушья, тогда я почти доволен своим "посмертным" существованием, избавляющим меня хоть от астмы... Все это — чисто рефлексивная деятельность мозговых клеток, связанных когда-то с жизнью тела...

— Все это ужасно!.. — не удержалась мисс Адамс.

— Да, ужасно...

— Странно, при жизни мне казалось, что я жил одной работой мысли. Я, право, как-то не замечал своего тела, весь погруженный в научные занятия. И только потеряв тело, я почувствовал, чего я лишился... Мир ощущений тела!

Сколько здесь наслаждения! Теперь, как никогда за всю мою жизнь, я думаю о запахах цветов, душистого сена где-нибудь на опушке леса, о дальних прогулках пешком, о шуме морского прибоя... Утратив тело, я утратил мир, — весь необъятный прекрасный мир вещей, которых я не замечал, вещей, которые можно взять, потрогать, и в то же время почувствовать свое тело, — себя! О, я бы охотно отдал все это химерическое существование за одну радость почувствовать в своей руке тяжесть простого булыжника! Я завидую грузчику, который изнемогает под тяжестью груза на своей спине... Я только теперь понял, что даже в физической боли есть доля наслаждения. Боль — это крик живого тела!.. Да... от недостатка осязательных ощущений я страдаю больше всего.

В тот вечер, разбираясь в своих впечатлениях, мисс Адамс долго не могла уснуть. А во сне ей опять приснилась голова... печальные глаза профессора Доуэля... Мисс Адамс убежала по каким-то коридорам, голова преследовала ее. Двери задерживали ее бег, открывались с трудом, голова настигала... Вот она уже слышит за собой шипящий свист воздуха...

Мисс Адамс проснулась с сильно бьющимся сердцем...

— Однако, нервы мои становятся никуда не годными...

Однажды, просматривая перед сном медицинские журналы, мисс Адамс прочла статью профессора Керна о его новой научной работе. В этой статье ее внимание обратили на себя ссылки Керна на некоторые работы других ученых. Все это были выдержки из научных журналов и книг, которые отмечались мисс Адамс по указанию головы во время их утренних занятий.

На другой день, как только представилась возможность поговорить с головой, мисс Адамс спросила:

— Чем занимается профессор Керн в лаборатории в мое отсутствие?

После некоторого колебания голова ответила:

— Мы с ним продолжаем научные работы.

— Значит, и все эти отметки вы делаете для него? Но вам известно, что вашу работу он публикует от своего имени?

— Я догадывался...

— Но это возмутительно!

— Возможно... Но что же я могу поделать?

— Если не можете вы, то это смогу сделать я! — гневно воскликнула мисс Адамс.

— Тише!.. Напрасно... Было бы смешно в моем положении иметь претензию на авторские права! Деньги? На что они мне? Слава? Что может дать мне слава? И потом... если все это откроется, работа не будет доведена до конца. А в этом я сам заинтересован. Признаться, мне хочется видеть результаты моих трудов.

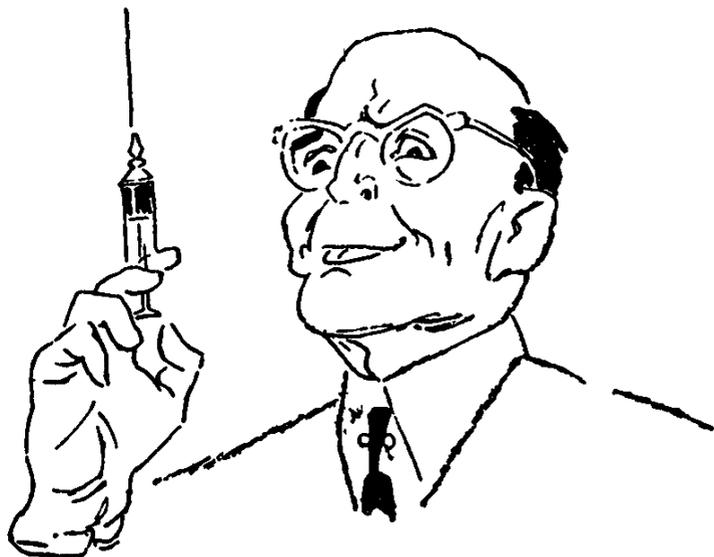
Мисс Адамс задумалась.

— Да, такой человек, как Керн способен на все, — тихо проговорила она.

— Профессор Керн говорил мне, когда я поступила к нему на службу, что вы умерли от неизлечимой болезни и сами завещали свое тело для научных работ. Это правда?

- Мне трудно говорить об этом... Я могу ошибиться... Это правда, но может быть... не вся правда. Мы работали с ним вместе над оживлением человеческих органов, взятых из свежего трупа. Керн был мой ассистент. Венцом моих трудов должно было явиться разрешение вопроса об оживлении головы. Мною была закончена вся подготовительная работа. Мы уже оживляли головы животных, но не опубликовали наши успехи, пока нам не удастся продемонстрировать оживленную человеческую голову. Перед этим последним опытом, в успехе которого я не сомневался, я передал Керну рукопись о моей научной работе для подготовки к печати. Одновременно мы работали над другой научной работой, которая также была близка к разрешению. В это время со мной случился один из ужасных припадков астмы, — той самой болезни, которую я пытался победить. Между мною и ею шла давняя борьба: кто кого? И я, действительно, завещал свое тело для анатомических работ, — хотя и не

ожидал, что именно моя голова будет оживлена. Так вот... во время этого последнего припадка Керн был около меня и оказал мне медицинскую помощь. Он впрыснул мне морфий. Может быть... доза была слишком велика, а может и астма сделала свое дело...

— Ну, а потом?..

— Потом я проснулся как после глубокого сна вот здесь, на этой стеклянной доске... Тело мое лежало на прозекторском столе, и Керн вскрывал грудную клетку... Вот, видите, в этом стеклянном сосуде бьется мое сердце...

Мисс Адамс с ужасом смотрела на голову.

— И после этого... после этого вы продолжаете с ним работать? Если бы не он, вы победили бы астму и были теперь здоровым человеком... Он вор и убийца, и вы возносите его на вершину славы? Вы работаете на него! Он, как паразит, питается вашей мозговой деятельностью, он сделал из вашей головы какой-то аккумулятор творческой мысли и

зарабатывает на этом деньги и славу. А вы?.. Что дает он вам? Какова ваша жизнь?.. Вы лишены всего! Вы — несчастный обрубок, в котором еще живут желания! Весь мир украл у вас Керн! Простите меня, но я не понимаю вас! И неужели вы покорно, безропотно работаете на него?..

Голова улыбнулась печальной улыбкой.

— Бунт головы? Это эффектно? Что же мог я сделать? Ведь я лишен даже последней человеческой возможности: покончить с собой.

— Но вы могли отказаться работать с ним.

— И я отказывался. Если хотите, я прошел через это восстание ангелов. Но мой бунт не был вызван тем, что Керн пользуется моим мыслительным аппаратом. В конце концов, какое значение имеет имя автора? Важно, чтобы идея вошла в мир и сделала свое дело. Я бунтовал только потому, что мне тяжело было привыкнуть к моему новому существованию. Я предпочитал смерть жизни...

— Я расскажу вам один случай, произошедший в то время. Как-то я был в лаборатории один. Вдруг в окно влетел большой черный жук с клешнями у головы. Откуда он мог появиться в центре громадного города? Не знаю. Может быть, его завез авто, возвращавшийся из загородной поездки. Жук покружился подо мной и сел на стеклянную доску моего столика, рядом со мной. Я, скосив глаза, следил за этим отвратительным насекомым, не имея возможности сбросить его. Лапки жука скользили по стеклу, и он, шурша, медленно приближался к моей голове. Не знаю, поймете ли вы меня... я чувствовал всегда какую-то необычайную брезгливость, чувство отвращения к таким насекомым. Я никогда не мог заставить себя дотронуться до них пальцем. И вот, я был бессилен перед этим ничтожным врагом. А для него моя голова была только удобным местом для взлета. И он продолжал медленно приближаться, шурша ножками по стеклу. После некоторых усилий, ему удалось зацепиться за волосы бороды. Он долго барахтался, запутавшись в волосах, но упорно поднимался все выше. Так он прополз по сжатым губам, по левой стороне носа, через прикрытый ле-

вый глаз, пока, наконец, добравшись до лба, не упал на стекло, а оттуда на пол.

Пустой случай! Но в том настроении, в котором я находился, он произвел на меня потрясающее впечатление.

И, когда пришел профессор Керн, я категорически отказался продолжать с ним научные работы. Я знал, что для публичной демонстрации он не выставит мою голову. Без пользы же для своих работ он не станет держать у себя голову, которая может явиться уликой против него. И он убьет меня. Таков был мой расчет. Между нами завязалась борьба. Он прибег к довольно жестоким мерам. Прижимая к моим вискам концы электрических проводов, он пускал ток, все усиливая его. Казалось, мой мозг просверливают раскаленным буравом.

Он смотрел на меня, но мои губы шептали:

— Нет!

Тогда он начал пускать в питающие меня баллоны вещества, которые вызывали в моей голове новые мучительные боли.

Я был непоколебим.

Он ушел взбешенный, осыпая меня тысячью проклятий. Я торжествовал победу.

Несколько дней Керн не появлялся в лабораторию, и со дня на день я ожидал избавительницы-смерти.

На четвертый или пятый день он пришел, как ни в чем не бывало, весело насвистывая песенку.

Не глядя на меня, он стал продолжать работу. Дня два или три я наблюдал за ним, не принимая в ней участия. Но работа не могла не интересовать меня. И когда он сделал, производя опыты, ряд ошибок, которые могли погубить результаты всех наших усилий, я не утерпел и сделал ему знак.

— Давно бы так! — проговорил он с довольной улыбкой и пустил воздух через мое горло. Я объяснил ему ошибки с тех пор продолжаю руководить работой... Он перехитрил меня!..

IV. Жертва большого города.

С тех пор, как мисс Адамс узнала тайну головы, она возненавидела Керна всеми силами души. И это чувство росло с каждым днем. Она засыпала с этим чувством и просыпалась с ним. Она, в страшных кошмарах, видела его во сне. Она была прямо больна ненавистью. В последнее время, при встречах с Керном, она едва удерживалась, чтобы не бросить ему в лицо:

— Убийца!

Она держалась с ним натянуто и холодно.

Возможно, что это настроение поддерживалось ее все более расшатывающимися нервами. Дни, проведенные ею в обществе оживленной головы трупа, — все, что она узнала здесь, все потрясения не могли пройти бесследно. Не мудрено, что во всем этом она считала виновным Керна.

— Я донесу на него! Я буду кричать о его преступлении! Я не успокоюсь, пока не развенчаю эту краденую славу, не раскрою всех его преступлений! Я себя не пощажу...

— Тише... успокойтесь... Я уже говорил вам, что во мне нет чувства мести. Но если ваше нравственное чувство возмущено и жаждет возмездия, я не буду отговаривать вас... только не спешите... я прошу вас подождать до конца наших опытов... Ведь я нуждаюсь сейчас в Керне, как и он во мне. Он без меня не может окончить труд, но также и я без него. А ведь это все, что мне осталось... Больше мне не создать. Но начатые работы должны быть окончены...

В кабинете послышались шаги.

Мисс Адамс быстро закрыла кран и уселась с книжкой в руке, все еще возбужденная. Голова Доуэля опустила веки, как у человека, погруженного в дремоту.

Вошел профессор Керн.

Он подозрительно посмотрел на мисс Адамс.

— В чем дело? Вы чем-то расстроены? Все в порядке?

— Нет... Ничего... Все в порядке... семейные неприятности...

— Дайте ваш пульс.

Мисс Адамс неохотно протянула руку.

— Бьется ушаченно... Нервы пошаливают? Для нервных, пожалуй, это тяжелая работа. Но я вами доволен. Я удваиваю вам вознаграждение.

— Мне не нужно. Благодарю вас.

— "Мне не нужно"! Кому же не нужны деньги? Ведь у вас семья!

Мисс Адамс ничего не ответила.

— Вот что. Надо сделать кое-какие приготовления. Голову профессора Доуэля мы поместим в комнату за лабораторией. — Временно, коллега, временно! Вы не спите? — обратился он к голове. — А сюда завтра привезут два свеженьких трупа, и мы приготовим из них пару хороших говорящих голов и продемонстрируем их в научном обществе. Пора обнародовать наше открытие.

И Керн опять с некоторым недоверием посмотрел на мисс Адамс.

Чтобы раньше времени не обнаружить слишком ярко своей неприязни, мисс Адамс заставила себя задать вопрос, первый из пришедших ей в голову.

— Чьи трупы будут привезены?

— Я не знаю, и никто не знает. Потому, что сейчас это еще не трупы, а живые и здоровые люди. Здоровее нас с вами. Это я могу сказать с уверенностью. Мне нужны головы абсолютно здоровых людей. Но завтра их ожидает неизбежная смерть. А через час, не позже, после этого они будут здесь, — на прозекторском столе. Я уж позаботился об этом.

Мисс Адамс, которая ожидала от профессора Керна всего, посмотрела на него таким недоуменным и испытующим взглядом, что он на мгновение смешался, а потом громко рассмеялся.

— Нет ничего проще! Я заказал пару свеженьких трупов в морге. Дело, видите ли, в том, что город, — этот современный Молох, — требует ежедневных человеческих жертв. Каждый день, с непреложностью законов природы, в городе гибнут от уличного движения несколько человек, —

не считая несчастных случаев на заводах, фабриках, постройках. Ну, и вот, эти обреченные, жизнерадостные, полные сил и здоровья люди, сегодня спокойно уснут, не зная, что их ожидает завтра. Завтра утром они встанут, весело напевая песню, будут одеваться, чтобы идти, — как они будут думать, — на работу, а на самом деле — навстречу своей неизбежной смерти. В то же время, в другом конце города, также беззаботно напевая, будет одеваться их невольный палач: шофер или вагоновожатый. Потом жертва выйдет из своей квартиры, палач выйдет с противоположного конца города из своего гаража или трамвайного парка. Преодолевая поток уличного движения, они упорно будут приближаться друг к другу, — не зная друг друга, — до самой роковой точки пересечения путей. Потом, на одно короткое мгновение, кто-то из них зазеваётся, и — готов! На статистических счетах, отмечающих число жертв уличного движения, прибавится одна косточка. Именно та, которой не хватало для статистика, чтобы оправдать его предвидение.

Тысячи случайностей должны привести их к этой фатальной точке пересечения. И, тем не менее, все это неуклонно совершится с точностью часового механизма, сдвигающего на одно мгновение в одной точке две часовых стрелки, идущие с различной скоростью

Никогда еще профессор Керн не был так разговорчив с мисс Адамс. И эта неожиданная щедрость!..

— Он хочет задобрить, купить меня, — подумала мисс Адамс, — он, кажется, подозревает, что я догадываюсь или даже знаю о многом. Но ему не удастся купить меня!

V. Новые обитатели лаборатории.

Тот сложный механизм, который называют теорией вероятности, свел тысячи случайностей в одной точке времени и пространства, и на утро на прозекторском столе лаборатории профессора Керна действительно лежали два свежих трупа.

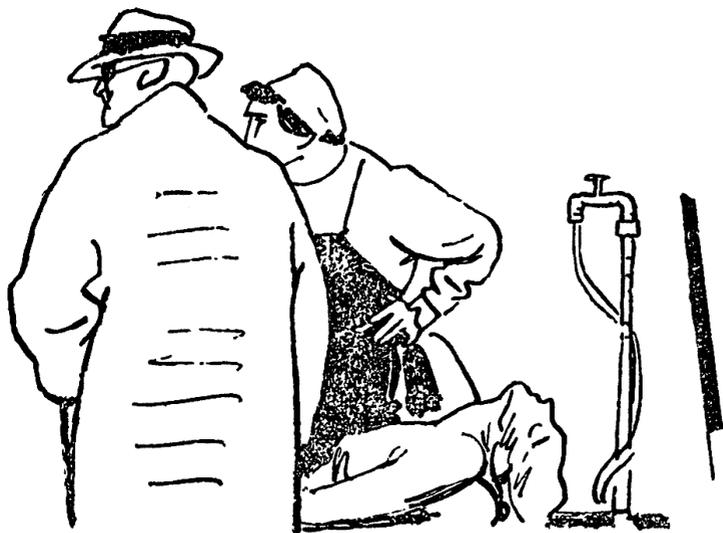

Две новые головы, предназначенные для публичной демонстрации, не должны были знать о существовании головы профессора Доуэля. И потому она была предусмотрительно перемещена профессором Керном в смежную комнату.

Первый труп принадлежал рабочему лет тридцати, погибшему в потоке уличного движения. Его могучее тело было разрезано пополам. В полуоткрытых остекленевших глазах замер испуг.

Профессор Керн, мисс Адамс и Джон, — в белых халатах, — работали над трупами.

— Было еще несколько трупов, — говорил профессор Керн. — Один рабочий упал с лесов. Но у него могло быть повреждение мозга от сотрясения. Забраковал я и нескольких самоубийц, отравившихся ядами. Вот этот парень оказался подходящим. Да вот эта еще... ночная красавица. За доброкачественность ее крови не ручаюсь, но другого выбора не было.

Он кивком головы указал на труп женщины с красивым, но увядшим лицом. На лице сохранились еще следы румян и гримировального карандаша. Лицо было спокойно. Только приподнятые брови и полуоткрытый рот выражали какое-то детское удивление.

— Певичка из бара в порту. Была убита наповал шальной пулей во время ссоры пьяных матросов. Прямо в сердце, — видите? Нарочно так не попадешь!

Профессор Керн работал быстро и уверенно. Головы были отделены от тела, трупы унесены.

Еще несколько минут, — и головы были помещены на высокие столики. В горло, в венозную и артериальную аорты, были введены трубки.

Профессор Керн был в приятно возбужденном состоянии. Приближался момент его торжества. В успехе он не сомневался.

На предстоящую демонстрацию и доклад профессора Керна в научном обществе были приглашены научные светила. Пресса, руководимая умелой рукой, помещала предварительные статьи, в которых восхвалялся научный гений профессора Керна. Журналы помещали его портреты. Выступлению Керна, с его изумительным опытом оживления мертвых человеческих голов, придавали характер национального торжества. Вся честь открытия приписывалась Керну. Только в одном медицинском журнале, вскользь, упоминалось имя покойного профессора Доуэля, "производившего некоторые опыты в этом направлении"

Мисс Адамс жадно читала эти статьи. Они давали ей какое-то острое наслаждение, питая ее ненависть к профессору Керну.

Весело насвистывая, профессор Керн умыл руки, закурил сигару и самодовольно посмотрел на стоящие перед ним головы.

— Хе-хе! На блюдо попала голова не только Иоанна, но и самой Саломеи! Недурная будет встреча! Остается только открыть краны, — и... мертвые оживут! А ведь мы не на шутку начинаем конкурировать с господом богом! — Ну,

что же мисс? Оживляйте! Откройте все три крана! В этом большом цилиндре содержится сжатый воздух, а не яд, хе-хе...

Для мисс Адамс это давно было не новость. Но она, по бессознательной почти хитрости, не подала виду.

Мисс Адамс стала открывать краны.

Первой стала подавать признаки жизни голова рабочего.

Едва заметно дрогнули веки. Зрачки стали прозрачнее. Почти неуловимо изменился цвет кожи.

— Циркуляция есть. Все идет хорошо...

Вдруг глаза изменили свое направление, повернувшись к свету окна. Медленно возвращалось сознание.

— Живет! — весело крикнул Керн. — Дайте сильнее воздушную струю!

Мисс Адамс открыла кран больше.

Воздух засвистел в горле.

— Что это?.. Где я?.. — были первые, еще не внятные слова головы.

— В больнице, друг мой!

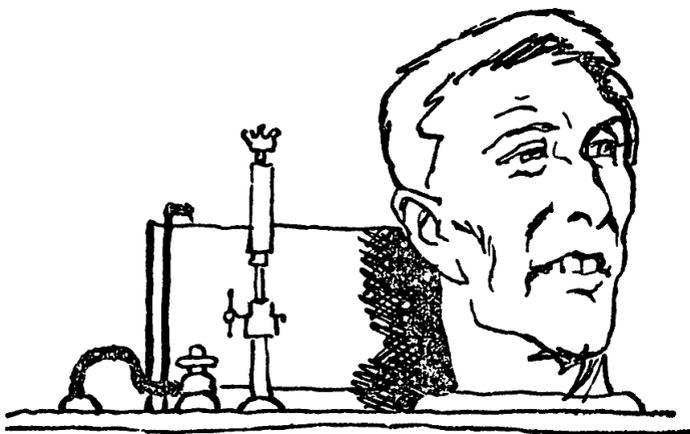
— В боль-ни-це?.. — Голова повела глазами, опустила их вниз и увидела под собой пустое пространство.

— А где же мои ноги? Где мои руки? Где мое тело?..

— Нет его, голубчик! Оно разбито вдребезги. Только одна голова и уцелела, а туловище пришлось отрезать!

— Как это отрезать? Ну, нет, я не согласен! Какая же это операция! Куда я годен такой? Одной головой куска хлеба не заработаешь! Мне руки надо! Без рук, без ног меня никто на работу не возьмет!.. Выйдешь из больницы... тьфу! и выйти-то не на чем! Как же теперь? Жить, кушать надо! больницы-то ваши знаю я! Подержите маленько, да и выпишете: вылечили! Вот так вылечили! Нет, я не согласен! — твердил он.

Неправильность его произношения, его широкое, загорелое веснушчатое лицо, наивный взгляд голубых глаз — все обличало в нем деревенского жителя, быть может, далекой страны. Нужда оторвала его от родных полей, город растерзал его молодое здоровое тело...

— Как вас зовут? — спросил профессор Керн.

— Меня-то? Томом звали. Том Беггинс, вот оно как.

— Так вот что Том... Вы не будете ни в чем нуждаться и не будете страдать ни от голода, ни от холода, ни от жажды. Вас не выкинут на улицу, не беспокойтесь!

— Что ж, задаром кормить будете, аль на ярмарках за деньги показывать?

— Показать покажем, только не на ярмарках. Ученым покажем! Ну, а теперь отдохните! — и, посмотрев на голову женщины, Керн сказал.

— Что-то Саломея заставляет себя долго ждать!

— А это что ж? Тоже голова без тела? — обратилась голова Тома с вопросом, показывая на голову женщины.

— Как видите! Что б вам скучно не было, мы вам позаботились доставить эту мисс в компанию!.. Закройте-ка, мисс Адамс, его воздушный кран, чтоб не мешал пока болтовней!

Керн вынул из ноздри головы женщины термометр.

— Температура выше трупной, но еще низка. Что-то оживление идет медленно...

Время шло. Голова женщины не оживала. Профессор Керн начал волноваться. Он нервно ходил по лаборатории,

посматривал на часы и каждый его шаг по каменному полу звонко отдавался по всей комнате.

Голова Тома с недоумением смотрела на них и беззвучно шевелила губами.

Наконец, Керн подошел к голове женщины и внимательно осмотрел стеклянную трубочку, которой оканчивалась каучуковая, введенная в шейную аорту.

— Вот где причина! Трубка входит слишком свободно, и циркуляция идет медленно. Дайте трубку шире!

Керн заменил трубку, и через несколько минут голова ожила.

Голова Уотсон, — так звали женщину, — реагировала более сильно на свое оживление. Когда она окончательно пришла в себя и заговорила, то стала хрипло кричать, умоляла лучше убить ее, но не оставлять таким уродом.

— Ах, ах, ах... мое тело... мое бедное тело... Что вы сделали со мной? Спасите меня или убейте! Я не хочу жить без тела!.. Дайте мне хоть посмотреть на него!.. Нет, нет, не надо! Оно без головы... какой ужас... какой ужас!..

Когда она немного успокоилась, то сказала:

— Вы говорите, что оживили меня. Я мало образована, но я знаю, что голова не может жить без тела. Что это: чудо или колдовство?

— Ни то, ни другое. Это — достижение науки.

— Если ваша наука способна творить такие чудеса, то она должна уметь делать и другие. Приставьте мне другое тело! Осел Тедди продырявил мое тело пулей... Но ведь немало девушек пускают себе пулю в лоб. Отрежьте их тело и приставьте их тело к моей голове. Только раньше покажите мне. Надо выбрать красивое тело. А так я не могу... Женщина без тела! Это хуже, чем мужчина без головы!

И, обратившись к мисс Адамс, она попросила:

— Будьте добры дать мне зеркало!

Взглянув в зеркало, мисс Уотсон долго и серьезно изучала себя.

— Ужасно!.. Можно вас попросить поправить мне волосы? Я даже не могу сама сделать себе прическу!..

— Ну-с, все благополучно, — сказал профессор Керн, обращаясь к мисс Адамс. — У вас работы прибавилось. Соответственно будет увеличено и ваше вознаграждение. Мне пора.

Керн посмотрел на часы и, подойдя близко к мисс Адамс, шепнул ей:

— В их присутствии, — и он показал глазами на головы, — ни слова о голове профессора Доуэля!

И, звучно отбивая шаги высокими каблуками, он вышел из лаборатории.

А мисс Адамс пошла навестить голову профессора Доуэля.

Глаза Доуэля смотрели на нее грустно. Печальная улыбка шевельнула ус.

— Бедный мой, бедный!.. — прошептала мисс Адамс. — Но вы скоро будете отомщены!

VII¹⁾. Том умирает во второй раз.

Приближался день демонстрации голов.

Профессор Керн нервничал и все чаще поглядывал недоверчивым, испытующим взглядом на мисс Адамс. Но внешне он был с нею удвоенно любезен.

В ночь накануне торжественного выступления Керна в научном обществе голова Тома неожиданно занемогла.

Утром, когда мисс Адамс пришла сменить негра, голова Тома была уже без сознания.

Профессор Керн бранил Джона за то, что он не разбудил его ночью, как только голове Тома стало плохо.

Керн стал возиться около головы.

— Ах, какой ужас... — шипела голова мисс Уотсон, — он умер!.. Я так боюсь покойников!.. И я тоже боюсь умереть... отчего он умер?..

— Закройте у нее кран с воздушной струей! — сердито приказал Керн.

---

1) Пропущена в нумерации глава VI.

Мисс Уотсон умолкла на полуслове, но продолжала испуганно и умоляюще смотреть в глаза мисс Адамс, беспомощно шевеля губами.

— Если через двадцать минут я не верну голову к жизни, ее останется только выбросить! — сказал Керн.

Через пятнадцать минут голова подала некоторые признаки жизни. Веки и губы ее дрогнули, но глаза смотрели тупо, бессмысленно. Еще через две минуты голова произнесла несколько бессвязных слов. Керн уже торжествовал победу. Но голова вдруг опять замолкла. Ни один нерв не дрожал на лице.

Керн посмотрел термометр.

— Температура трупа. Кончено!

И забыв о присутствии мисс Уотсон, он со злобой дернул голову за густые волосы, сорвал со столика и бросил в большой металлический таз.

— Вынеси на ледник!.. Надо будет произвести вскрытие и узнать причину.

Негр быстро подхватил таз и вышел.

Голова мисс Уотсон смотрела на него расширенными от ужаса глазами.

Керн зашагал по лаборатории крупными шагами и нервничая крутил пальцами сигару, которую забыл зажечь.

Смерть головы Тома наполовину уменьшала эффект демонстрации.

Наконец, он обратился к голове мисс Уотсон, которая продолжала следить за ним широко раскрытыми глазами.

— Вот что. Сегодня в восемь вечера вас повезут в многолюдное собрание. Там вам придется говорить. Отвечайте кратко на вопросы, которые вам будут задавать. Не болтайте лишнего. Поняли?

Керн открыл воздушный кран, и мисс Уотсон прошипела:

— Поняла... но я просила бы... позвольте...

Керн вышел, не дослушав ее.

Мисс Уотсон стала готовиться к выезду в свет.

Забыв о смерти головы Тома, она была поглощена заботами о своей внешности. Она измучила мисс Адамс при-

ческой и "татуировкой", как мысленно называла Адамс косметическое украшение головы.

Неожиданно голова Уотсон заявила, что она не выйдет "в таком виде", и требовала, чтобы из каркаса ей было сделано туловище и обтянуто модной материей. Понадобилось вмешательство Керна.

— Голов с туловищем, — сказал он ей, — будет полный зал. Вы же, обладая одной головой, будете в этом собрании самой оригинальной женщиной.

Довод показался мисс Уотсон убедительным, и она отказалась от своей затеи.

Волнение Керна все увеличивалось. Предстояла нелегкая задача — доставить голову в зал заседания научного общества. Малейший толчок мог оказаться роковым для жизни головы.

Будь жива голова Тома, шансы на успех удваивались бы.

Был приготовлен специально приспособленный автомобиль. Столик, на котором помещалась голова, со всеми аппаратами был поставлен на особую площадку, снабженную колесами для передвижения по полу и ручками для переноса по лестницам.

Наконец, все было готово. В семь часов вечера отправились в путь.

Голова мисс Уотсон, завитая, причесанная, накрашенная и закутанная вуалями, сияла от предстоящего удовольствия выезда в свет.

VIII. Испорченный триумф.

Громадный белый зал был залит ярким светом. В партере преобладали седины и блестящие лысины мужей науки, облаченных в черные фраки и сюртуки. Поблескивали стекла тысячи очков. Ложи и амфитеатр предоставлены были избранной публике, имеющей то или иное отношение к ученому миру.

Сдержанный шум наполнял переполненный зал.

Внизу эстрады, за своими столиками, оживленным муравейником хлопотали корреспонденты газет, очиняя карандаши для стенографической записи.

Справа от эстрады был установлен ряд кино-аппаратов, чтобы запечатлеть на ленте все моменты интересного выступления Керна и оживленной головы.

На эстраде разместился почетный президиум из наиболее крупных представителей ученого мира. Посреди эстрады возвышалась кафедра. На ней микрофон для передачи по радиотелефону речей по всему миру. Второй микрофон стоял перед головой мисс Уотсон. Она возвышалась с правой стороны эстрады, вся сияющая от удовольствия. Уроки "та-туировки" не пропали даром для мисс Адамс: умело и умеренно наложенный грим придавал голове мисс Уотсон свежий и привлекательный вид, сглаживая тяжелое впечатление, которое должна была производить голова на неподготовленного зрителя. Мисс Адамс и Джон стояли около ее столика.

Ровно в восемь часов на кафедру взшел профессор Керн.

Собрание приветствовало его долго не смолкавшими аплодисментами.

Он был бледнее обычного, но полон достоинства.

Кино-аппарат затрещал. Газетный муравейник затих и весь обратился во внимание. Профессор Керн начал речь.

Это была блестящая по выполнению и ловко построенная речь. Керн не забыл упомянуть о "предварительных, но очень ценных работах безвременно скончавшегося профессора Доуэля". Но, воздавая дань работам покойного, он не забывал и своих "скромных заслуг". Для слушателей не должно было остаться никакого сомнения в том, что вся честь открытия целиком принадлежит ему, профессору Керну.

Его речь несколько раз прерывалась аплодисментами. Сотни биноклей дам были направлены на него. Бинокли мужчин, с не меньшим интересом, были устремлены на голову мисс Уотсон, расточавшую очаровательные улыбки.

Она чувствовала себя героиней в этом блестящем собрании и упивалась успехом.

Зато лицо мисс Адамс было зловеще и мертвенно бледно.

По знаку профессора Керна, она открыла воздушный кран, и голова Уотсон имела удовольствие сказать несколько фраз.

— Как вы себя чувствуете? — спросил ее какой-то старичок-ученый.

— О, благодарю вас, прелестно!

Этот ответ вызвал улыбки на лицах собравшихся. Еще несколько наивных ответов развеселило весь зал. Зрелище оказалось интереснее, чем ожидала публика лож и амфитеатра.

Несмотря на то, что голос Уотсон был глухой и хриплый, сильно пущенная струя воздуха издавала свист, и звук был почти лишен модуляций, ее выступление произвело необычайное впечатление. Такую бурю аплодисментов не всегда приходилось слышать и мировым артистам.

Простодушная мисс Уотсон, привыкшая к лаврам маленьких кабачков, приняла этот энтузиазм зала на свой счет. Не будучи в состоянии раскланяться, — о чем она ужасно сожалела, — она томно опустила веки и осчастливила зал обворожительной улыбкой.

Волнение мисс Адамс все увеличивалось. Ее начала трести нервная лихорадка, и она крепко сжала зубы, чтобы они не стали отбивать дробь. "Пора!", несколько раз говорила она себе, но каждый раз не хватало решимости. Обстановка подавляла ее. После каждого пропущенного момента она старалась успокоить себя мыслью, что чем выше будет вознесен профессор Керн, тем ниже будет его падение.

Начались речи.

На кафедре взошел седенький старичок, — один из крупнейших американских ученых.

Слабым, надтреснутым голосом он говорил о гениальном открытии профессора Керна, о всемогуществе науки, о победе над смертью, об Америке, рождающей такие умы и дарящей миру величайшие научные достижения...

Когда мисс Адамс меньше всего ожидала, какой-то вихрь долго сдерживаемого гнева и ненависти подхватил и унес ее. Она уже не владела собой.

Она бросилась на кафедру, едва не сбив с ног ошеломленного старичка, почти сбросила его, заняла его место и с смертельно бледным лицом и лихорадочно горящими глазами фурии, преследующей убийцу, задыхающимся голосом начала свою пламенную, сумбурную речь.

Весь зал всколыхнулся при ее появлении.

В первое мгновение профессор Керн смутился и сделал невольное движение в сторону мисс Адамс, как бы желая удержать ее. Потом он быстро обернулся к Джону и шепнул ему на ухо несколько слов. Джон выскользнул за дверь.

В общем замешательстве никто на это не обратил внимания.

— Не верьте ему! — кричала мисс Адамс, указывая на Керна. — Он вор и убийца!.. Он украл труды профессора Доуэля! Он убил Доуэля! Он и сейчас работает с ним... Он мучит Доуэля... Он пыткой заставлял Доуэля продолжать научные работы и выдавал их за свои... Мне сам Доуэль говорил, что его отравил Керн...

В публике смятение переходило в панику. Многие повставали со своих мест. Даже некоторые корреспонденты выронили свои карандаши и застыли в ошеломленных позах. Только кино-оператор, выдавший всякие виды, усиленно крутил ручку аппарата, радуясь этому неожиданному трюку, который обеспечивал ленте успех сенсации.

Профессор Керн вполне овладел собой. Он стоял спокойно, с улыбкой наслаждения.

Дождавшись момента, когда нервная судорога сдавила горло мисс Адамс, он воспользовался наступившей паузой и, обратившись к стоявшим у дверей сторожам аудитории, сказал им спокойно и властно:

— Уведите ее! Неужели вы не видите, что она в припадке безумия?

Сторожа некоторое время стояли неподвижно, быть может, будучи слишком взволнованы.

Но мисс Адамс облегчила их задачу. Истерический припадок потряс ее тело, и с безумным смехом она упала около кафедры.

Ее унесли...

Когда волнение несколько улеглось, профессор Керн взошел на кафедру и извинился перед собранием за печальный инцидент.

— Мисс Адамс, — девушка нервная и истерическая, — не вынесла тех сильных переживаний, которые ей приходилось испытывать, проводя день за днем в обществе головы *т р у н а* (подчеркнул Керн) мисс Уотсон, оживленной искусственно мною. Психика мисс Адамс надломилась. Она сошла с ума... — Мы, конечно, позаботимся об этой жертве научного долга!..

Будто веяние смерти пронеслось над залом. И тысячи глаз, уже с ужасом и жалостью смотрели на голову мисс Уотсон, как на выходца из могилы.

Наскоро прочитали ораторы заготовленные речи, ответственные телеграммы, акты об избрании профессора Керна почетным членом и доктором *gonoris causa* различных институтов и академий наук, — и собрание было закрыто.

Перед самым концом за спиною профессора Керна появился негр и, незаметно кивнув Керну, стал возиться над обратной отправкой головы мисс Уотсон, — сразу поблекшей, усталой и испуганной.

Только оставшись один в закрытом автомобиле, профессор Керн дал волю кипевшему в нем гневу.

Он сжимал кулаки, скрипел зубами и так бранился, что шофер несколько раз сдерживал ход автомобиля и спрашивал по слуховой трубке:

— Алло?

IX. "Сумасшедшая".

Небольшая комната с окном в сад. Белые стены. Белая кровать, застеленная светло-серым одеялом. Белый столик и два таких-же белых стула.

Мисс Адамс сидит у окна и рассеянно смотрит в сад. Луч солнца золотит ее русые волосы. Она очень побледнела и похудела.

Из окна видна аллея, по которой гуляют группы больных. Между ними мелькают белые халаты сестер.

— Сумасшедшие!.. — тихо говорит она, глядя на гуляющих больных. — И я сумасшедшая! Какая нелепость!... И это все, чего я достигла!...

Она сжала свои тонкие руки и хрустнула пальцами.

Вот уже месяц, как стараниями профессора Керна, позабтившегося о "жертве научного долга", она находится в загородной больнице для душевнобольных.

Профессору Керну тем легче было засадить ее в психиатрическую лечебницу, что нервы ее после описанного вечера находились, действительно в ужасном состоянии. Она лишилась места, и заботы о семье томили ее. Главное же — она понимала всю безвыходность своего положения. Она была слишком опасна для Керна. И ее пребывание в доме для умалишенных могло продолжаться неопределенно долгое время... Возможно, что и власти не особенно заботились о защите ее интересов. Выступлению Керна придали характер общегосударственного торжества. Им гордилась Америка перед всем миром. И теперь было невыгодно показать миру обратную сторону медали: соперничество, алчность и вероломство в среде тех, кого считают солью науки...

Профессор Керн привел в исполнение свою угрозу о "чрезвычайно тяжелых для нее последствиях", — если она не сохранит тайну. Могло быть и хуже. От Керна она ожидала всего. Он отомстил, а сам остался не отомщенным за голову профессора Доуэля. Мисс Адамс принесла в жертву себя, но ее жертва осталась напрасною. Сознание этого еще больше нарушало ее душевное равновесие.

Она была близка к отчаянью и готова была покончить с собой.

Даже здесь она чувствовала влияние Керна. Другим больным разрешались свидания с друзьями и родными. Ее держали в строжайшей изоляции.

Не смотря на это, ей удалось войти в дружбу с одной сиделкой. И та, под величайшим секретом, приносила ей иногда газеты. В одной из газет она прочла и о себе:

"Мисс Адамс, служившая у профессора Керна, после случившегося с ней припадка безумия во время доклада профессора Керна в научном обществе, помещена в психиатрическую лечебницу. Врачи находят ее положение тяжелым и подающим мало надежд на выздоровление"...

- Вот мой приговор! — прошептала мисс Адамс, роняя газету на колени.

В другом номере газеты ей удалось узнать, что у профессора Керна, тотчас после доклада, был произведен обыск.

"Как и следовало ожидать, — говорилось в заметке, — никакой головы профессора Доуэля обнаружено не было. В свое время было установлено, что смерть его последовала после припадка астмы, которой покойный страдал давно. Таким образом, рассеиваются последние сомнения, — если они у кого и были, — о виновности профессора Керна. Все это не более, как бред больного воображения мисс Адамс".

"Неужели голова погибла?.. Бедный профессор Доуэль!.." — подумала девушка.

Больше мисс Адамс не находила заметок об этом деле. Его заслонили другие сенсации.

По утрам мисс Адамс посещали врачи.

— Ну, как живем? — задавали они неизменный вопрос.

Она ненавидела их: или они все невежды, которые не умеют отличить здорового от больного, или подкуплены Керном.

Она им не отвечала, или отвечала с несвойственной ей грубостью.

И они уходили, неодобрительно покачивая головами, быть может, искренне убежденные, что имеют дело с душевнобольной...

В комнату постучали.

Мисс Адамс, думая, что это сиделка принесла чай, сказала безучастным голосом, не поворачивая головы от окна:

— Войдите!

Кто-то вошел. И молодой мужской голос прозвучал за ее спиной:

— Могу я видеть мисс Адамс?

Это было так неожиданно, что девушка круто повернулась. Перед ней стоял молодой человек, одетый с изящной простотой. В лице его было что-то знакомое. Но мисс Адамс никак не могла вспомнить, где она могла его видеть.

— Это я...

— Позвольте представиться: Артур Доуэль. Сын профессора Доуэля.

"Так вот откуда это сходство! Те же глаза, тот же открытый лоб и овал лица", — подумала мисс Адамс.

— Как же вы... прошли ко мне? — с изумлением спросила она.

Артур Доуэль улыбнулся.

— Да, это было нелегко! Вас хорошо стерегут. Признаться, мне пришлось употребить маленькую хитрость. И сейчас у меня всего несколько минут. Позвольте приступить прямо к делу.

— Я жил в Англии у тетки, когда узнал по газетам о событиях во время доклада профессора Керна и о вашем... благородном выступлении в защиту моего отца. Я не мог оставаться безучастным к этому делу. В нем замешано имя моего... отца...

Он хотел сказать "покойного отца", но удержался.

— ...Судьба его научных трудов и тайна смерти. При том, в этом деле оказались пострадавшей и вы. Я вижу вас в этом заключении. Сейчас не время говорить о моей благодарности за ваш самоотверженный поступок. Я знаю несколько Керна и, признаюсь, считал его способным на все

то, о чем вы говорили тогда. Я не поверил вашему безумию. И теперь, видя вас, убеждаюсь, что я был прав. Сумасшедшие так не выглядят. Но мне хочется убедиться от вас самих в верности всего, о чем вы говорили. Все это правда?

— Да, правда!

— Я верю вам!... Какой бесчестный поступок!... Еще я хотел бы узнать ваше мнение: сохранил ли Керн голову моего отца? Как жаль, что болезнь задержала меня! Боюсь, что я приехал слишком поздно!

— О судьбе головы профессора Доуэля я, к сожалению, знаю не больше вашего. Могу только сообщить, что голова ему была еще нужна для окончания одной крупной работы.

— Так... Ее надо найти! Но, прежде всего, нужно освободить вас! Об этом позабочусь я! И помните: я не Доуэль, а Бин, — ваш кузен. Вы меня понимаете? Так мы скорей достигнем цели!

В дверь постучались.

— К сожалению, наше свидание окончилось. Но я надеюсь, что мы с вами скоро встретимся в другой обстановке! Всего лучшего!

И он ушел, также неожиданно, как и явился.

Мисс Адамс продолжала стоять, неподвижно устремив глаза на дверь.

Потом она прошептала:

— Неужели освобождение?..

Х. На свободе.

— Уверены ли вы, что автомобиль направился на вас не случайно? — спросил Артур Доуэль мисс Адамс.

— Совершенно уверена, — ответила она. — Я шла по одной из боковых улиц, где уличное движение невелико. Я уже раньше обратила внимание на черный "Форд", который, казалось, медленно следовал за мной. Когда я переходила улицу, шофер вдруг перешел на большую скорость, направляя машину прямо на меня. Я метнулась в сторону. Шофер

сделал вираж вслед за мной. Меня спас только экипаж, случайно преградивший путь автомобилю.

— Да... вам нужно быть осторожной! Керн не может быть спокоен, пока вы находитесь на свободе!

Этот разговор происходил в маленькой гостиной мисс Адамс, на четвертый день после того, как новоявленному кузену Бину удалось освободить ее из психиатрической лечебницы. Это была нелегкая задача. Администрация лечебницы вначале категорически отказала, ссылаясь на то, что форма заболевания мисс Адамс представляет большую опасность для окружающих, и больную нельзя держать вне стен лечебницы.

Но Доуэль-Бин был настойчив. Он брал мисс Адамс под свою ответственность, убеждал, настаивал, наконец, заявил, что он потребует особой экспертизы, в присутствии представителей суда. Дальнейшее упорство могло иметь плохие последствия для лечебницы, и администрация принуждена была уступить.

Дома мисс Адамс встретили, как воскресшую из мертвых.

Старушка-мать мисс Адамс смотрела на Артура восторженно, как на спасителя ее дочери, которую уж не надеялась увидеть.

Артур проводил все время в этой семье, обсуждая планы розыска головы.

На четвертый день радость матери была омрачена упомянутым случаем с автомобилем, который едва не раздавил мисс Адамс.

— Тот же автомобиль еще раз пытался перерезать мне путь на перекрестке, продолжала мисс Адамс. — Я хорошо заметила шофера.

— Тебе лучше посидеть несколько дней дома! — с тревогой произнесла мать.

— Да, вам надо быть крайне осторожной, — сказал Артур. Борьба разгорается не на шутку. Возможно, что Керн догадывается о моем приезде. Ваш выход заставил его насторожиться. Надо принимать быстрые и решительные

меры. Когда я ехал сюда, я думал проникнуть к Керну под чужим именем, как врач, желающий работать с ним, заслужить его доверие, получить доступ в таинственную лабораторию...

— Но ваше сходство?.. — сказала мисс Адамс.

— Да, сходство... хотя я порядочно изменился с тех пор, как меня видел Керн. Ведь я последние годы пробыл в Англии. Но сейчас этот план не годится уже потому, что требует времени.

Притом Керн сейчас будет подозрителен, как никогда.

— Что, если попробовать действовать через Джона, — негра, который служит у Керна? Керн бывал груб с ним, и я не думаю, чтобы Джон был ему слишком предан, — предложила мисс Адамс.

— Прекрасно! Надо попытаться.

И тут же был разработан план действий.

Нашли надежного человека, которому предложили взять на себя эту задачу.

Билль — так звали этого человека — быстро свел знакомство с Джоном в одном из дешевых ресторанов, где Джон имел обыкновение проводить свои свободные часы.

Джон охотно поглощал предлагаемую ему новым приятелем соду с виски, но язык у него не развязывался.

На все наводящие, будто случайно предложенные вопросы Джон или отмалчивался, или уверял, что он ничего не знает.

После двух или трех безуспешно проведенных вечеров, Билл принужден был действовать открыто. Он предложил Джону двести долларов, — если только он скажет, жива ли голова профессора Доуэля и где она находится.

Но Джон, с невинным видом, продолжал уверять, что ему ничего не известно.

Билль удваивал, утраивал вознаграждение, но безуспешно. Наконец, ставка дошла до двух тысяч долларов.

Глаза Джона загорелись жадностью. Минуту он колебался. Но затем заявил с простодушным видом:

- Да если-ж бы я знал!..

Видимо, Керн хорошо оплатил молчание Джона, если даже такая сумма для него оказалась несоблазнительной.

Единственным результатом торга явилось убеждение Билля в том, что Джону известна судьба головы, но он, по тем или иным причинам, остается верен Керну.

Когда Билль сообщил об этом Артуру Доуэлю, Доуэль решил, что дальнейший торг бесполезен.

— Если Джон верен Керну, то Керн уже осведомлен обо всем. Ваше освобождение, мисс Адамс, и попытка подкупить Джона, — все это достаточно предупредило Керна о надвигающейся на него опасности. Для Керна продолжать хранить голову моего отца при таких обстоятельствах, — как-бы она ему ни была нужна, — крайняя смелость, или безрассудная неосторожность. Если уже не поздно, нам медлить больше нельзя ни одного дня. Остается объявить открытую войну. Я — сын профессора Доуэля, и имею все права на то, чтобы потребовать возобновления судебного следствия и производства вторичного обыска. Или моя карта, или карта Керна будет бита. Ваше присутствие, мисс Адамс, при этом обыске я считал бы крайне полезным.

— А вдруг ее убьет этот разбойник! — с испугом произнесла старушка Адамс.

— Я пойду, во что бы то ни стало! — решительно заявила мисс Адамс.

— Я надеюсь, что вашей дочери ничего не угрожает. Мы явимся туда с судебным следователем и достаточным количеством полисменов!

В тот же день Артуру удалось уладить дело со следственными властями. Обыск был назначен на другой день, в восемь часов утра, — прежде чем профессор Керн уйдет из дому.

XI. Последнее свидание.

Негр Джон открыл тяжелую дубовую дверь.

— Профессор Керн не принимает.

Вступивший на сцену полисмен заставил Джона пропустить неожиданных гостей.

Профессор Керн, увидя мисс Адамс входящей в кабинет, бросил на нее уничтожающий взгляд, но сейчас-же принял вид оскорбленного достоинства.

— Прощу вас, — сказал он ледяным тоном, широко открывая двери лаборатории.

Следователь, мисс Адамс, Артур и Керн вошли.

Сердце мисс Адамс сильно забилося, когда она увидала знакомую обстановку, среди которой перенесла столько тягостных впечатлений.

В лаборатории нашли голову мисс Уотсон. Она была еще жива, хотя значительно усохла. Щеки, лишенные румян, были темно-желтого цвета мумии. Увидя мисс Адамс, она улыбнулась и заморгала глазами.

В надежде получить какие-либо сведения мисс Адамс открыла воздушный кран.

Но голова мисс Уотсон ничего не знала о голове Доуэля. Она, по обыкновению, лепетала всякий вздор. Жаловалась на то, что ей обрезали волосы, жаловалась на скуку и на то, что ее больше не вывозят из лаборатории, вспоминала Тома...

— Как вы находите меня? Скажите, меня не портят обретенные волосы? О, я плакала, когда меня стригли... Мои волосы... ведь это все, что еще оставалось у меня от женщины!..

Вошли в смежную с лабораторией комнату.

Там находились две головы.

Первая — голова мальчика, кудрявого, как рафаэлевский ангелочек. Голубые глаза мальчика с детским любопытством устремились на вошедших.

Вторая голова была пожилого человека со сбритыми волосами и громадным мясистым носом. На глазах этой головы были одеты совершенно черные очки.

— Глаза болят, — пояснил Керн.

— Вот и все, что я могу вам предложить, — добавил он с иронической улыбкой.

— Подождите! — воскликнула мисс Адамс. И подошла к голове с толстым носом, открыла воздушный кран.

— Кто вы? — спросила мисс Адамс.

Голова шевельнула губами, но голос не звучал. Мисс Адамс пустила сильную струю воздуха.

Тогда послышался свистящий шепот.

— Кто это? Вы Керн? Откройте же мне уши! Я не слышу вас.

Мисс Адамс заглянула в уши и вытащила оттуда плотные куски ваты.

— Кто вы? — повторила она вопрос.

— Я был профессор Доуэль...

— Но ваше лицо?..

Голова говорила с трудом.

— Лицо?.. Да... меня лишили даже моего лица... Маленькая операция... парафин введен под кожу... Увы... моим остался только мой мозг в этой чужой коробочке... Но и он отказывается служить... Я умираю... Наши опыты... Мои опыты несовершенны. Хотя моя голова прожила больше, чем я рассчитывал теоретически...

— Зачем у вас очки?

— Последнее время коллега не доверяет мне, — и голова попыталась улыбнуться, — он лишает меня возможности слышать и видеть... очки непрозрачные, чтобы я не выдал себя перед нежелательными для него посетителями... но я, кажется, узнаю ваш голос... снимите с меня очки.

Мисс Адамс сняла очки.

И вдруг, увидав Артура, который, пораженный видом головы отца, стоял неподвижно, — голова радостно произнесла:

— Артур!.. сын мой!..

На мгновение, будто, жизнь вернулась к голове. Тусклые глаза прояснились.

Артур подошел к голове отца.

— Отец, дорогой мой! Что с тобой сделали?..

— Вот... хорошо... Еще раз мы свиделись с тобой... после мой смерти...

Горловые связки почти не работали, голова Доуэля говорила урывками. В паузах воздух со свистом вылетал из горла.

К голове подошел следователь.

— Профессор Доуэль, можете ли вы сообщить нам об обстоятельствах вашей смерти? Я — следователь...

Голова посмотрела на следователя потухшим взглядом, не понимая. Потом, очевидно, поняла, в чем дело, и, переведя взгляд на мисс Адамс, прошептала.

— Я... ей... говорил... она знает все...

— Конец!.. — сказала мисс Адамс.

Некоторое время все стояли молча, подавленные и взволнованные.

— Ну, что ж, дело ясно! — прервал тягостное молчание следователь. И, обратившись к Керну, произнес повелительным тоном:

— Прошу следовать за мной в кабинет. Мне надо снять с вас допрос.

Керн молча повиновался. Они вышли.

Артур тяжело опустился на стул возле головы отца и низко склонил на руки свою голову.

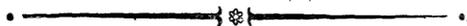
— Бедный, бедный отец...

Потом встал. Молча и крепко пожал руку мисс Адамс.

Конец

С. БЕЗБОРОДОВ

ОДИН ДЕНЬ

Фантастический рассказ

Газета «Комсомольская правда», № 18, 1929 г.

ОДИН ДЕНЬ

Признаюсь, мне, пятидесятилетнему старику, иногда приходится раскаиваться в том, что я дал ему, быстроглазому, шумному Карлу, это право будить меня по утрам. Старческий сон уныл, тягуч и бесконечен, как неприкаянные российские дороги 25 лет назад. Утверждают, что старичье мало спит. Я — старик, и мне всегда хочется немножко вздремнуть, а по утрам, притворившись крепко спящим, подольше полежать в постели, сквозь ваточную дремоту прислушиваясь к дыханию города.

Добрые, старые портьеры, толстые, темные и уютные! Вас заменили гремящие гофрированные жалюзи. Немного жаль, — портьеры больше располагают к покою, но Карл уверяет, что бархатный хлам разводит блох, моль и пылинку, от кото-

рой даже легкоатлет может в два счета получить туберкулез. Я никогда не хвастал особой работоспособностью своих легких, туберкулеза получать не желаю (вот старый пень, цепляется за жизнь! — сказал бы Карл), а потому и сдал без боя свои портьеры.

Внук заменил и старую мою кровать каким-то остроумным и портативным сооружением, смахнул со стан портреты каких-то усатых и неизвестных мне личностей (если бы вы видели, сколько за усачами оказалось паутины и пыли! За портретом женщины в голубом платье был обнаружен целый выводок крепконогих, шустрых пауков!), с радостным гиканьем выволок ковер, заменив его мягонькой и чистой цыновочкой, перевернул все вверх дном и сделал... лучше, чем было прежде,

Вы думаете, я ему это сказал? Я ругал его, на чем свет стоит, укорял, что он отравляет мою старость, обзвал варваром и разрушителем культурных ценностей.

— Ничего, — радостно горланил он, — это тебе не 28 год! Довольно хлама!

Тогда я пошел ябедничать. Я включил передатчик и вызвал Густава Крейнгауза, с которым я познакомился еще на 13-м съезде комсомола и крепко сдружился с тех пор. Густав возился в своей лаборатории в Бринсбитле. Он разрабатывал план орошения Прикаспийской степи и производил опыты с поглощением сернистых солей корневыми волосками саксаула.

— Густав, — жалобно сказал я, — внук сживает меня со света. Бросайте свои гипосульфиты и прилетайте завтра же сюда. Самолет отходит от вас, если не ошибаюсь, в 8 вечера. Мы должны свергнуть тирана.

Крепкое лицо Крейнгауза заулыбалось с экрана «Чернышев-Каролуса» (аппарат для видения на расстоянии), репродуктор в точности передал раскатистый хохот эссенского слесаря, а теперь одного из крупнейших биологов СССР.

Долго со старым Густавом вспоминали мы, два старика, гражданскую войну в Шварцвальде, 13-й съезд и лихой 1935 год.

Итак, каждое утро внук будит меня регулярно в 8 часов.

— Алло, старина! — раздается над моей головой звонкий голос Карла. Я запихиваю голову под подушку и с тоской думаю о том счастливом времени, когда громкоговорители были больше известны под нестроумным названием «громкомолчателей», когда радиотехника, находившаяся в

младенческом состоянии, не давала еще этим мальчишкам такого сокрушительного оружия, как передача и прием изображений на расстоянии, трансляция и радиотелефонирование.

— Я вижу вас, дружище! — кричит над моей головой невидимый Карл, — вся ваша берлога у меня на виду. Вытаскивайте голову из-под подушки и живо одевайтесь.

Так начинается утро.

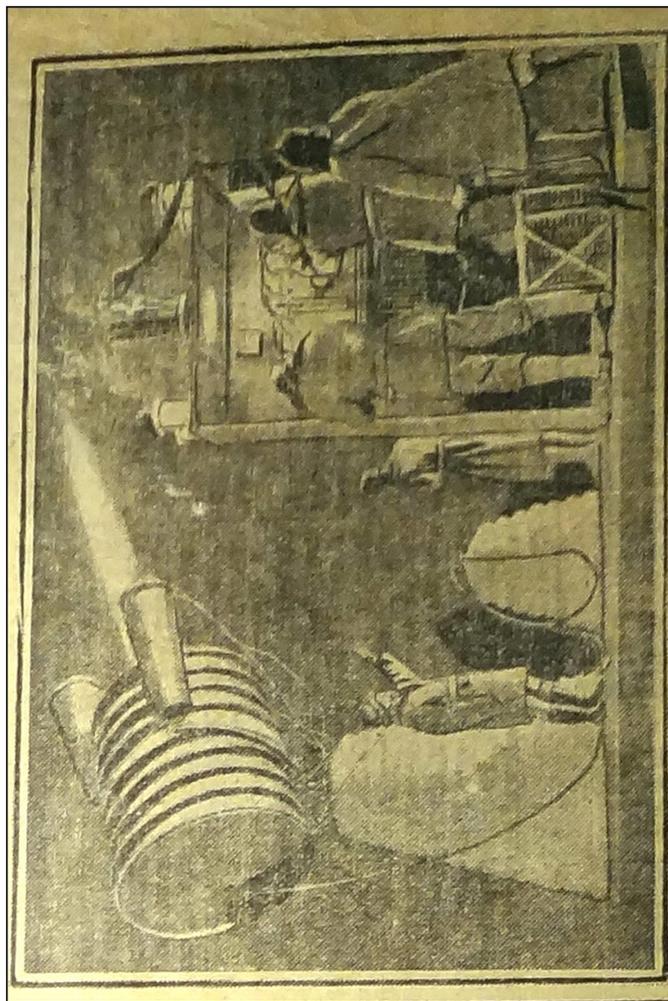
Я подхожу к окну. С радостным грохотом взлетают металлические жалюзи. По широкому проспекту летит вереница авто, круто сворачивая на углу и устремляясь к Смольному. У вокзала подземки толпа в ожидании поезда слушает иллюстрированную радиогазету. На огромной, ночью светящейся букве «П» сидит древняя российская ворона.

Гигантской клюквой загорается фонарь у станции подземной железной дороги: где-то в земной утробе подходит к станции поезд. Станция пустеет. Двухэтажный утепленный трамвай вырывается из-за угла, выбрасывая запоздалых пассажиров.

Я наблюдаю, как зеленый глаз на угловом светофоре парализует улицу. С разлета, скрипя тормозами и сигнализируя, останавливаются авто и мотоциклы, точно на невидимую стену с маху натываются бесшумные, на резиновом ходу трамваи.

Я спускаюсь в столовую. Четыре раза в день ближайшая фабрика-кухня доставляет сюда завтраки, обеды и ужины для обитателей нашего дома. В семь утра завтракает «трудовое» население и школьники, в 8.45 — старичье и женщины. Я занимаю свой столик у окна. Напротив, как всегда, усаживается старичина Копытов. Он прожил бурную жизнь, и к 50-ти годам выглядит сущим стариком: 15 фронтов сделали свое дело. Он приходит в бешенство, когда ему говорят про омоложение. Он упрям.

У старика есть маленькая навязчивая идея, — в тиши своего логовища он разрабатывает и хочет предложить Реввоенсовету план вооруженного налета на Америку.

Прожектор будущего, передающий свет, тепло и силу на сотни километров без проводов.

— Нечего целоваться с последним оплотом капитализма, — ворчит он, разбирая ложечки. — Мы в 2 дня раздавим из с помощью моих бомбовозов и аэробатарей...

Автобусы, набитые ребятами до отказа, сворачивают с улицы Слуцкого и пролетают мимо окна. На площадке второго ребята поют что-то, размахивая руками и по-птичьи разевая рот. Дирижирует ими Карл. Завидев меня, он перестает петь и делает какие-то сигналы. Я знаю, в чем дело. Их ячейка «Автодор» получает сегодня 3 новеньких машины от завода «Красная Роза». Карл назначен шофером одной из них, и он хочет, чтобы я был на торжестве передачи.

218-я трудовая школа — огромное шестиэтажное сооружение из стекла и железобетона с астрономической вышкой на крыше. Из окон 6-го этажа видны сквозные стеклянные корпуса разросшейся на 6 кварталов фабрики им. Халтурина, полоска Невы и узоры Охтенского моста. Подойдя к нему, трамвай взлетает и, покачиваясь, несется по подвесной дороге. Мост — только для пешеходов и авто.

Школа была открыта в 20-ю годовщину убийства Розы Люксембург, и носит ее имя. Завод «Красная Роза» в ГССР (Германская Советская Социалистическая Республика) шефствует над школой и передает ей сегодня 3 автомобиля своего производства.

Я иду по гулкому, блестящему коридору первого этажа. По обе стороны его — вереница стеклянных дверей: «лаборатория машиностроения», «слесарная мастерская», «деревообделочная мастерская», «типография», «кабинет электротехника». В самом конце — кузница.

За стеклянными дверями — машинный гул и пение дисковых пил. Мальчуганы в синей прозодежде, делающей их похожими на маленьких водолазов, с огромными карманами на груди, важно стоят у станков.

Во втором этаже — классы, комнаты для занятий, библиотека, фотолaborатория, редакция школьной газеты, кружковые комнаты.

В третьем — лаборатории и кабинеты: физическая, химическая, биологическая, технологии металлов и волокни-

стых веществ, кабинет мироведения, этнографии, зоологии, ботаники.

В четвертом — столовая, буфет, комнаты отдыха и развлечений. В пятом — зрительный зал, аудитория для собраний и лекций, уютные фойе, кино.

В шестом — гимнастические залы, тир, душ, ваннные комнаты. Амбулатория. На крыше — маленькая обсерватория и метеорологическая станция. Лифт мелькает меж этажей своим желтым глазом.

Я ожидаю Карла в читальне. Вскоре в комнату с гиканьем врываются головорезы. Они скачут карьером мимо меня и исчезают за дверью. По полу с тихим потрескиванием катится чей-то карандаш. Возвращаются они быстрым шагом, деловито поправляя шоферские перчатки с раструбами и держа руки на отлете. Сквозь дорожные очки важно поглядывают черные пуговички глаз.

На пустом ветреном дворе стоят три новеньких автомобиля с ракетными двигателями. Из дверей школы к машинам, точно спасаясь от преследования, бегут мальчишки. Крепкозубые слесаря с «Красной Розы» гулко гремят подкованными ботинками по асфальту двора. Церемониал передачи краток.

— «Красная Роза» и «Красный Карл» (мой Карл поднимает руку в перчатке с раструбом) умерли за то, чтобы нам жилось по-настоящему. В советской Германии, — продолжает слесарь, — помнят и любят их обоих. Каждым ударом молотка, каждым нажимом пилы, мы вспоминаем и Розу, и Карла. Мы работаем во славу погибших за наше дело, на радость тем, кто уцелел, и кто будет еще жить.

На гулком, пронизанном декабрьским ветром дворе переводчик не нужен. Здесь все понимают по-немецки.

В первой машине (водитель — Карл) мы летим в сиреновой дымке раннего зимнего вечера. Улица Воинова кидает под колеса машины белое зарево над бывшим дворцом князей Таврических.

Дворец залит слепящим светом — здесь клуб водопроводчиков. На углу проспекта Володарского Карл тормозит

правой ногой и передвигает скрежещущий рычаг. Марсово поле налетает свистящим ветром. Могилы солдат революции хранят голубой покой. Справа, выгнув огненную спину, уходит в туман Троицкий мост. Кольцо двухэтажных блестящих трамваев стягивает площадь.

Бледное сияние пересекает небо — проспект 25 Октября.

Дальше. Еще дальше.

Падают в морозную синь небоскреб Публичной библиотеки, выстроенный в 1939 году Дворец науки, Дом книги, лобастый планетарий. Мосты гудят над скованной водой, огромными виселицами горят буквы «П» над вокзалами подземной дороги. Каруселью огней завертелась на повороте центральная рабочая фабрика-кухня.

Пронзив переулочек, мы вылетели на проспект Юного Пролетария. Впереди трепетным мерцанием горело северное сияние рабочего Ленинграда.

Как мало осталось от старого Московско-Нарвского района! Шесть кварталов сметено, как тайфуном. На образовавшемся пустыре строится завод крупного сельскохозяйственного машиностроения. Нищета, тьма, клопы, деревянные хибарки, гнилые крыши, слепые окна — все сметено, раздавлено огромными, глазастыми домами, бредущими по улице Стачек куда-то в декабрьскую тьму и ветер.

Клуб. Еще клуб. Кафе «Пролетарий». Каток. Дома, дома, дома. Фабрика-кухня. Школа. Кино. И снова дома — новые, крепкие, светлые. Молодые.

— Карл, давай назад! Я опоздаю к обеду...

Через плечо он кричит мне:

— Пообедаете у нас, в общежитии, старина. Роальд дежурит на кухне. Будем сыты, как котятка!

Я закрываю глаза, и мне кажется, что мы, отделившись от земли на фантастических машинах Копытова, летим завоевывать далекую Америку.

ВОЗДУШНЫЕ СООБЩЕНИЯ ЧЕРЕЗ ОКЕАН.

ОКЕАНСКИЕ ГИДРОАЭРОПЛАНЫ И ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЗДУШНЫХ ЛИНИЙ ЧЕРЕЗ ОКЕАН.

Мировые перелеты последнего времени, полеты вокруг света, перелет Лондон — Австралия и обратно, Йоконга — Берлин — Париж и произведенный на норвежском пассажирском аэроплане полет Берлин — Ники и обратно, — все эти успешно проведенные грандиозные перелеты ставят вопрос о трансатлантическом сообщении на аэропланах в порядке ближайшего дня.

Каким условиям должен удовлетворять этот близкий к выполнению тип океанского гидроаэрона? Приходится считать с возможностью вынужденной посадки на море и при том на сильно волнующееся море. Это требование безопасности должно для пассажирского аэрона быть решающим.

В этом году в Варнемюнде (Германия) происходили состязания гидроаэропланов, во время которых летчикам были поставлены такие серьезные задачи, что состязания эти следует рассматривать, как экзамен конструкции гидроаэропланов, имеющий целью определить пригодность аппаратов к истинному заокеанскому сообщению. Волнующееся море причиняло помехи садившимся на воду аппаратам.

Наилучшие мореходные качества показал здесь гидроаэронал Горбах «Тюленя», превосходно садившийся и взлетавший при бурном море. Эти состязания дали богатый опытный материал для установления типа океанского гидроаэрона. Не лишним будет прибавить, что упомянутый аэронал Горбах показал небывалую для таких аппаратов рекордную скорость в 217 км в час.

Когда несколько лет тому назад появлялись проекты заокеанских перелетов, все эти проекты представляли собою лишь „музыку будущего“.

Современные же достижения летной техники и авиационной промышленности делают вопрос о создании гидроаэрона для сообщений через океан вполне осуществимым. Наилучшая в настоящее время идея радио-связи, изолирующая аэрона от постоянной связи с пунктами отправления и прибытия, вполне обеспечивает регулярное и почти безопасное воздушное сообщение через океан.

При практическом разрешении вопроса приходится делать выбор между дирижаблем и аэропланом. После успешного перелета дирижабля Z. R. III внимание привлекли к себе дирижабли, но все же ряд веских доводов говорит в пользу авиации. Высокая скорость аэропланов, которую можно будет в ближайшем времени считать в среднем равной 250 км в час, и большая экономичность их заставляют предпочесть аэропланы. За дирижаблями остается только преимущество большей грузоподъемности.

Организации воздушных-морских линий также должно быть уделено внимание. Устройство митгающих и постоянных путеводных огней должно быть проведено по тем же принципам, как это делается для сухопутных воздушных линий, с той разницей, что на море это будет достигнуто помощью звуковых светящихся буйев. Места посадки должны ночью обозначаться при помощи постоянно горящих гигантских прожекторов.

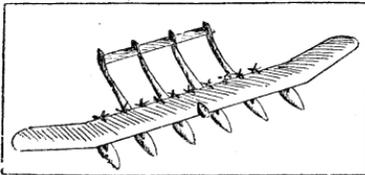
Грандиозность организации постоянного воздушного сообщения через океан, призванного замкнуть опаснейшие земной шар мировые воздушные линии, требует для осуществления этой крупнейшей задачи современной авиации самого широкого сотрудничества международной науки и техники.

ПРОЕКТЫ ТРАНСАТЛАНТИЧЕСКИХ АЭРОПЛАНОВ-ГИГАНТОВ.

Животрепещущий и вполне своевременный вопрос поднятый на страницах восторженной печати относительно установления воздушных рейсов на пассажирских аэропланах через Атлантический океан, нашел себе живой отклик среди широкого ряда известных авиоконструкторов, создавших за последнее время несколько интересных проектов. Помня аэропланы Де-Монжа, Энгера и Сикорского, о которых у нас уже сообщалось, наиболее замечательными являются проекты гидроаэропланов Дорнье, Шифера и Румшера. Дорнье создал проект металлического гидроаэрона, имею-

размах крыла расположенные 10 моторов по 1.000 л. с. каждый (общая мощность 10.000 л. с.). Аппарат рассчитан на 130 пассажиров и 5 тонн груза. Полный вес аэрона 115 тонн. Скорость — 275 км в час. В отличие от гидроаэропланов Дорнье и Румшера, имеющих большие размахи крыльев, гидроаэронал, спроектированный Шифером, имеет сравнительно очень небольшой размах, всего 25 м (свободное несущий моноплан) и очень небольшую несущую поверхность, равную 100 кв. м, несмотря на то, что полный вес его равен 20 тонн. Большая нагрузка на крыло (200 кг на кв. м) оправдывается громадной скоростью, с которой аэронал будет перевозить пассажиров из Америки в Европу. Скорость гидроаэрона Шифера — 400 км в час, и вес, путь через океан он будет покрывать в 10 часов. 6 моторов (система Паккард), по 600 л. с. каждый (полная мощность 3.600 л. с.), расположены в крыле аппарата.

В Америке в настоящее время приступлено к постройке гигантского трансатлантического пассажирского аэронала Де-Мота (De Muth), о проекте которого недавно вкратце сообщалось на страницах журнала „И. и Т.“. Аэронал Мота предназначен для воздушной службы между Нью-Йорком, Азорскими островами и Лондоном. Он представляет собой моноплан, т-е. аппарат с тремя несущими поверхностями, расположенными в одной плоскости: одна большая передняя и две малых поодни и сзади. Полная длина аппарата — 45 метров. По внешности он напоминает огромную летающую рыбу. Сделанный целиком из металла, аэронал приводится в движение восьмью моторами, четыре из которых расположены в главной несущей поверхности и по одному в каждом малом крыле. Фюзеляж разбит на два этажа. Верхний этаж предназначен для пассажиров и ресторана, нижний же этаж будет занят командой, кухней и багажом. Можно ожидать, что в ближайшем будущем новый аэронал-гигант начнет уже совершать воздушные рейсы через океан.

10 — Моторный трансатлантический аэронал Румшера.

щего размах — 89 м и снабженного 12 моторами Юинтер, по 450 л. с. каждый (общая мощность — 5.400 л. с.). Гидроаэронал Дорнье рассчитан на перевозку через океан 100 человек пассажиров.

Гидроаэронал Румшера состоит из шести лодок, поверх которых идет толстое крыло размахом в 94 м. По весу

М. ПОДГАЕЦКИЙ

ЗОЛОТАЯ ТРЯСИНА

Рассказ

Журнал «Вокруг света» № 8, 1927 г.

== ЗОЛОТАЯ ТРЯСИНА ==

Рассказ **М. Подгаецкого** из жизни алданских приискателей

Рассказ написан по материалам хабаровских и владивостокских газет, и основан на действительном случае.

ДМИТРИЙ Протасов познакомился с Лагутиным в благовещенском клубе водников, во время случайной партии в шахматы.

В Благовещенске Лагутин казался самым приятным малым, какого только можно себе представить. Он отлично играл в шахматы, а еще лучше в карты, и обладал, по видимому, неисчерпаемым запасом анекдотов, остроумия и поговорок. Дмитрий часто удивлялся его веселому и беззаботному характеру. Лагутин побывал всюду и везде, знал все, что вам угодно, и мог поддержать разговор на любую тему.

Одним словом, он был славным малым, и при случае в карман за словом не лазил — таково было мнение о нем Протасова после месячного знакомства. Как и следовало ожидать, они скоро хлопнули по рукам и стали готовиться к дальнему пути. Приготовления заняли довольно много времени, и только с наступлением следующей весны они надеялись быть там — на этом сказочном, легендарном Алдане, присвоившем себе по праву имя Советского Клондайка.

Глубокий снег лежал вокруг, когда пассажирский поезд выбросил их на станцию Большой Невер. Отрывисто рявкнул свисток, глухо лязгнули буфера вагонов в морозном воздухе, и поезд двинулся дальше. Блестящая двойная линия стальных рельс, да стройная шеренга телеграфных столбов, терявшаяся в снегах, являлись теперь тонкой нитью, связывавшей их с культурным миром. Другая такая линия телеграфных столбов уходила на север, параллельно широ-

кой таежной «временке», в поселок Ларинский, серым пятном маячивший на белоснежном фоне сугробов сопок.

Это — преддверие лихорадочного Алдана. Отсюда отправляются в тайгу с отвагой и решимостью в глазах. Сюда же возвращаются с отчаянием или карманами, набитыми золотом, или не возвращаются вовсе, оставаясь добычей тайги и сорокаградусных морозов.

Поселок сильно разросся за последнее время. Обуреваемые жаждой наживы, люди снова вторгнулись в тайгу.

Множество домов и землянок строилось в поселке; с невероятной быстротой, словно грибы после дождя, вырастали они на глазах обитателей. Волна золотой горячки захлестнула поселок, на его кривых улочках можно услышать говор на шести-семи языках.

Везде затянутые в меха и коты фигуры приискателей с традиционным ножом у пояса. Русские, тунгусы, китайцы, много якутов, которых можно узнать по оленьим шкурам.

Сообщение с Алданом держится только зимой. Почти еженедельно уходят на север большие обозы и возвращаются порожняком. Лошадей мало, их заменяют олени или верблюды. Странно видеть этих грациозных животных, столь привыкших к знойной пустыне, в суровой сибирской тайге и снегах.

***

С одним из таких караванов ушли Лагутин с Протасовым. Тайга приняла их не красно. Через несколько дней пути поднялась буря. Загудела и ожила тайга, и с трудом путники добрались до первого зимовья, где обоз решил переждать бурю.

Путь длился несколько месяцев.

Позади остался прииск Лебединый, где кончалась телеграфная сеть и начиналась девственная тайга, миновали и Становик (Становой хребет) и, наконец, путники были у цели. Небольшая группа сереньких строений, множество палаток — вот что представляла из себя группа алданских приисков.

Сообщение с Алданом держится только зимой. Почти еженедельно уходят на север большие обозы. Лошадей мало, их заменяют олени или верблюды. Странно видеть обитателей знойной пустыни и оленей — рядом, — в суровой заснеженной сибирской тайге.

Лагутин, как более сведущий, сам выбрал участок, или, как здесь говорят, «делянку» на берегу Таммота, и зарегистрировал его на имя обоих.

Солнце швыряло в талую землю весенними лучами. Оживала тайга от крепкого зимнего сна, и все вначале было так просто и так обыкновенно: Дмитрий вкладывает личный труд, палатку и небольшой запас денег, а Лагутин — приятное общество и глубокое знание свойств и признаков «благородного металла».

***

С первых же шагов вступления на делянку и тщательного осмотра ее, Протасов был удивлен переменой поведения товарища. С того времени, как они покинули прииск Незаметный — последний населенный пункт, невидимой паутиной радио-телеграфа соприкасающийся с культурным миром, Лагутин изменился до неузнаваемости.

Он стал молчалив и смотрел вокруг себя глазами человека, которого растягивают на дыбе; все вопросы Протасова он принимал с неудовольствием и нехотя отвечал на них. Дмитрий совершенно не знал, чем объяснить это явление. По совету Лагутина они расположились на бугристом берегу Таммота. Впереди Таммот — южная граница концессии Алданзолото; за ним смешанный лес; слева «марь» — болотистая площадь между рукавами Таммота; дальше перелесок, который постепенно переходит в лес, затем в тайгу, переплетенную, перевитую растениями. Там темно и сыро даже днем. Валежник, а порой и огромные стволы устилают мшистую, почти на метр покрытую листьями и хвоей землю. В сотый раз перебирал Дмитрий свои собственные недостатки, чтобы понять причину странной неприязни к нему Лагутина. Но по-прежнему угрюмое молчание властвовало над их маленьким лагерем.

Так и прошел весь день. В молчании они поужинали, закурили папиросы и обдумывали планы.

Ночью и на следующий день шел дождь, ветер гнул лозы и далеко выбрасывал на противоположный отлогий берег

мутные волны речушки. После полудня небо прояснилось. Дмитрий вышел из палатки и, с трудом шагая по вязкой земле, подошел к берегу Таммота. Ах, как он устал за эти сутки! Как он устал от Лагутина! Зачем он пригласил его к себе в компаньоны? Теперь ясно все. Лагутин был только болтун — и больше ничего. Он ничего не знал о таежной жизни, а еще меньше о золоте. Очевидно, постоянное посещение благовещенских «Амуров», «Востоков», «Алясок» и тому подобных баров низкого пошиба дает очень мало знаний о жизни в тайге и ее привычках.

Весь остаток дня прошел все в том же напряженном молчании, и Дмитрий с тоской ожидал развязки. Отношения были так натянуты, что он ожидал взрыва каждую минуту.

Но однако, этого не последовало, а кончилось тем, что Лагутин после ужина заговорил первым:

— Я думаю отправиться на прииск на несколько времени. Сейчас земля сыра и работать невозможно, а здесь много дичи и можно будет достать ружье.

— Отлично, — ответил Протасов. — Действительно, тогда будет лучше, а то мне сильно приелись консервы. Но когда же ты вернешься?

Но Лагутин опять ушел в свою скорлупу.

— Когда мне будет угодно, — вызывающе ответил он.

Протасову до крайности надоел его странный компаньон. Он готов был один остаться на участке, лишь бы избавиться от его общества.

Утром Лагутин ушел, не пожав руки и буркнув, что вернется дня через два-три. С этого времени Протасов вздохнул свободно и с легким сердцем принялся за работу — за пробивку шурфов на делянке.

***

Ровно через две недели одинокий участок на берегу Таммота представлял следующую картину: делянка, очевидно, была полузаброшена, так как пробитые шурфы никто не разрабатывал. Покосившаяся палатка доказывала, что о

ней мало заботятся, несмотря на то, что около нее догорал костер.

В палатке находился Протасов, углубившийся в странное занятие. Он только что окончил немудреный завтрак, состоявший из консервов и краюхи черствого, как камень, хлеба, закурил папиросу и вынул из кармана кожаной куртки клочок толстой бумаги, сильно истертой по месту сгиба. Развернув бумагу, он принялся ее рассматривать.

Это был план среднего течения Алдана, на котором голубой извилистой сеткой лежали: Алдан, Таммот, Мая и их притоки. По зеленому полю лесов причудливыми очертаниями вилась коричневая краска горных хребтов, массивов и утесов. Синими трехугольниками пестрели прииски концессии «Лена Гольдсфильд». У подножья Витимского нагорья стоял крестик — место их участка — заключенный в квадрат; от него пунктиром шел путь на юг, к прииску Незаметному.

Протасов быстро стер нанесенные на план простым карандашом знаки и перенес их значительно южнее, вверх по Таммоту.

Внезапно слух его пререзал звук раздавшегося выстрела. Темная туча легла на лицо Дмитрия. Он боязливо оглянулся вокруг и торопливым движением спрятал карту в карман...

Кто мог шататься здесь? Поблизости нет ни одного разработанного участка. И вдруг у него явилась мысль, что нет ничего удивительного в возвращении Лагутина.

— Этого лгуна, этого проклятого лодыря... — пробормотал он сквозь зубы и выскочил из палатки.

Внизу, у подножья холма поднимался белый дымок выстрела, постепенно рассеиваясь в воздухе.

Минуту спустя ветерок принес топот сапог, перешедший в хлопанье. Это окончательно убедило Протасова, что стрелявший направляется к полянке.

Он нырнул в палатку и выскочил оттуда с измятым биноклем в руках. Через несколько секунд в поле зрения бинокля промелькнула ивовая поросль, резкая линия пригорка с темно-синим небом поверх нее, а затем в зарослях взор Протасова нащупал человеческую голову в лихо заломлен-

ной панаме. За, плечами виднелось дуло двустволки, и, наконец, Дмитрий до мельчайших подробностей смог разглядеть фигуру путника в высоких охотничьих сапогах и кожаной тужурке, опоясанной патронташем. Путник, в свою очередь, различил фигуру золотоискателя, замахал над головою шляпой и закричал певучим голосом:

— Здорово! Здорово!

Это было его обычное приветствие при встречах с Протасовым.

Он почти бегом пустился вперед по высохшему руслу ручья и стал взбираться на покатый бугор, на краю которого в выжидательной позе стоял Дмитрий. Лагутин вскочил на площадку, где стояла палатка, бережно прислонил двустволку к засохшему дереву и, обернувшись к Протасову, весело крикнул:

— Вот и я! Не ждал? Да еще не один, а сам-друг с доброй «бельгийкой». Славное ружье!..

Дмитрия раздражала веселость Лагутина. Он исподлобья наблюдал за его движениями.

— Итак, я возвратился!.. Правду говоря, я и не думал вовсе возвращаться... На Незаметном мне повезло... Страшно повезло, говоря по совести...

— Нашел золото? Много? Жильного или в песках? — оживился угрюмый Протасов.

— О нет, не в песках!.. В карманах партии приискателей, дружище! Оказались отчаянные игроки.

— Но чем же кончилось?

— Кончилось? Фортуна — изменчивая вещь! Она сперва улыбнулась мне, а потом стала улыбаться другим, и через три дня я продул все то, что выиграл раньше. Осталось в кармане несколько измятых червонцев, да и те исчезли бы, если бы партия приискателей не отправилась дальше. Ну, и тогда я вспомнил с нашим с тобой деле...

— О нашем с тобой деле... — механически повторил Дмитрий.

— Да, о нашем деле, и решил вернуться сюда... Ну, я купил за четыре червонца этот самопал и отправился. Да ты

посмотри, что за ружье! Я доволен, что мне удалось его купить так дешево.

— Да на кой шут оно сдалось?

— Да разве здесь ружье может быть лишним? Ты ведь сам сказал это, когда я уходил две недели тому назад.

Протасов продолжал исподлобья наблюдать за ним.

— Ну, как дела? — снова затараторил Лагутин. — О, если нам попадется песок с большим содержанием золота! Я не буду Лагутиным, если я не возвращусь когда-нибудь домой с карманами, полными денег!

— Может быть, может быть. Только золото это будет из каких угодно песков, но не из песков Таммота, — криво усмехнулся Протасов.

— Что это значит? — нахмурился Лагутин. — Ты хочешь сказать, что не намерен меня допустить работать на участке?

— Нет, не то... Если бы ты пришел не сегодня, а завтра — ты бы не застал меня здесь. Я решил бросить эту штуку. Да, бросить, потому что у меня нет никакой охоты возиться с ерундой. Я не намываю здесь и двух граммов в день.

— Но, может быть, в других местах этого холма, у реки...

— Ты хочешь сказать, что я искал недостаточно тщательно? Ну, так что ж, посмотрим... Я пробил около пятнадцати шурфов¹⁾...

— И ничего?

— Нигде ничего!

Лагутин тяжело вздохнул и крикнул.

— Я слышал, — сказал он, — что километрах в шестидесяти отсюда есть золотое местечко — ребята передавали. Знаешь, на трех бывших участках старика Набокова, где его зарезали китайцы?..

— Знаю. Ну, что же?

— Ну, так я думаю — не сунуться ли нам туда?

— Счастливого пути...

— А ты? — удивленно спросил Лагутин.

---

1) Шурф — колодец, закладываемый с целью разведки месторождения.

— Я возвращусь на Незаметный.

Замолчали. Лагутин стал чистить свою «бельгийку» и, зарядив ее на оба ствола, поставил в палатке. Этот день Протасов не работал. Он задумчиво сидел у маленького костра, на котором готовил суп из оставшихся консервов и картофеля, варил чай. Потом занялся починкой суконной рубахи.

Словом, он делал работу, показывавшую, что он не намерен больше оставаться здесь, а собирается вскинуть узел на плечи и распрощаться с делянкой.

За ужином Лагутин снова затронул вопрос об участке.

— Ты уверен, что здесь нет больше ни крупинки золота?
— спросил он.

Протасов молча пожал плечами.

— Но, может быть... Если порыться еще...

— Глупости! К чему ты клонишь? Оставаться здесь невыгодно: время может уйти.

— Знаешь, мне нужно хоть немного денег, ну, хоть на первое время...

— У меня осталось немного, после того, как мы покинули Незаметный. Расстанемся друзьями — разделим их поровну.

Лагутин согласился, хотя предложение товарища немало удивило его.

— Двинемся завтра утром. Наши дороги расходятся, — ответил он.

Протасова, по-видимому, очень мало радовала перспектива провести ночь вместе со своим надоедливым компаньоном, но выпроводить товарища ночью, да еще без всяких оснований, не было в обычаях искателей золота.

Проворчав что-то, он залил костер и, завалившись спать в палатке, предоставил бывшему компаньону проводить ночь, как тому будет угодно.

Лагутин проснулся первым. Протасов еще не выходил из палатки. Лежала большая роса, и двигаться в путь сейчас было невозможно, не рискуя промокнуть насквозь. Лагутин решил обождать.

В это время Протасов вышел из палатки, заложив руки в карманы и хмуро глядя куда-то вдаль.

Тонкий пар поднимался над «марью», а особенно густые волны его клубились там, где блестели небольшие оконца трясины. Вдруг большая стая перелетных уток сорвалась с реки и понеслась к обрыву. Прежде чем Протасов успел что-нибудь сообразить, его товарищ вскинул ружье и выстрелил.

— У нас сегодня будет отличный завтрак! — весело вскричал он.

Протасов думал и радовался в душе, что выстрел не достигнет цели за дальностью расстояния. Но каково было его удивление, а потом и тревога, когда он увидел, что пара уток, теряя перья, стала падать шагах в полутора от них, как раз в том месте, где холм переходил в марь. Выбив патрон, Лагутин, тяжело ступая в огромных охотничьих сапогах, побежал туда.

Протасов сначала не двигался с места, но заметив, что Лагутин направляется к обрыву, рванулся вдогонку.

— Проклятый человек! Не смей ходить туда! — закричал он.

— Надо же взять добычу?! — ответил удивленный Лагутин.

— Не смей! — неистово закричал тот, и побежал следом за Лагутиным.

Когда он, запыхавшись, догонял товарища, уже в нескольких шагах от реки, — Лагутин внезапно остановился и впился глазами в желтую почву обрыва.

Он повернулся к Протасову и произнес сдавленным голосом:

— Ты нашел рассыпное золото?..

— Молчи, не смей говорить!

— Ты нашел богатую россыпь, Протасов? — угрожающим голосом сказал тот, еще более бледнея.

— Не твое дело, что я нашел! — закричал Дмитрий. — Что я нашел, то — мое.

— Ты обманул меня. Ты сказал, что бросаешь работу. Ты не бросишь, потому что каждый день намываешь до двадцати золотников. Я видел такие россыпи, я знаю... Пусть то, что ты намыл до моего прихода — твое, но после того, как я возвратился, россыпь не твоя, а наша... Одна половина твоя... и половина моя.

— Я не отдам... не отдам... все мое... — яростно шипел Протасов.

— Нет, ты отдашь, я сам возьму! — ответил Лагутин, бегом направляясь к обрыву.

Прежде чем он успел сделать несколько шагов, рука Протасова, которую тот держал в кармане брюк, вдруг выпрямилась, что-то заблестело на солнце, прогрехотал выстрел. Лагутин, выпустив ружье из рук, упал, словно споткнувшись, ничком на землю и судорожно стал рыть искривленными пальцами прибрежный песок. Протасов, уронив браунинг, недвижно стоял над трупом убитого компаньона.

— Ты сам хотел этого... — бормотал он посиневшими губами. — Ты хотел взять там, где не положил...

Постояв еще несколько мгновений, он хотел отойти в сторону, но почувствовал, что ноги не служат ему. Он присел на камень, чтобы не упасть. Он хотел смотреть в сторону, но что-то властно заставляло его смотреть на труп убитого. Беспорядочными вихрями понеслись мысли в его одурманенной голове.

«Труп... Труп не зайца или белки, которых Протасов часто стрелял из этого же самого револьвера... не волка... не медведя... а труп человека...

«...Если кто узнает?... Арест... тюрьма... смерть — за бандитизм... Надо, во что бы то ни стало, скрыть тело... Зарыть в землю... бросить в реку...»

Он беспомощно оглянулся. Ему казалось, что предательский выстрел слышали — сейчас же появятся люди...

Его взгляд упал на оконца трясины. Быстро созрела мысль. Схватил тело убитого и поволок его на трясины. Вступил на предательский зеленый ковер, и поверхность трясины заколыхалась, как резиновая; с опасностью провалиться протащил труп около полукилометра, затем, шагнув к оконцу, бросил труп туда. Но, когда, он отошел уже на половину расстояния и оглянулся, с его уст сорвалось проклятие. Труп всплыл и одна рука его, высунувшись, судорожно искривленными пальцами словно грозила ему.

Он снова стал осторожно пробираться к оконцу и, держась руками за камыши, по колено в воде, стал толкать труп к центру болота. Труп затонул, и Протасов тронулся к берегу. Но... ему с величайшим трудом удалось поднять одну ногу — другая пошла вниз.

Протасов напряг все силы. Камыши, за которые он держался, вырвались с корнем, и несчастный стал погружаться в зыбучее болото. Через секунду вода достигла пояса, потом захватила грудь, плечи... и он закричал сиплым, безумным голосом...

Протяжный тосканный крик о помощи: пронесся над болотом — крик утопающего человека.

Протяжный тоскливый крик о помощи пронесся над «марью» — крик утопающего человека...

Ему ответило лишь эхо обрыва и лесистый берег реки...

Стая уток, встревоженная в это утро выстрелом, могла видеть, как из болота высунулась обезумевшая голова Протасова с устремленными вверх глазами. Она скрылась затем на минуту, словно ища спасения, хватая воздух; показалась рука в серо-зеленой блузе и потом исчезла. Изумрудная поверхность трясины слегка заволновалась и вновь приняла свое первоначальное положение, скрывая навсегда трагическую истину случившегося.

***

Через год, едва оттаяла земля и тайга убралась зеленыю, партия разведчиков и рабочих государственного треста «Дальзолото», во главе с инженером и топографом, наткнулась на заброшенный лагерь на берегу Таммота. Палатка обвалилась, но вещи, находившиеся под ней, почти хорошо сохранились. Закоптелый чайник, небольшой запас консервов, приискательские инструменты, две полуистлевшие постели, две кожаные куртки, и множество образцов кварца и других золотоносных пород.

Рассматривая план, найденный в кармане одной из курток, инженер сильно заинтересовался обозначениями, нанесенными там обыкновенным карандашом, и послал рабочих осмотреть эти места.

По пути туда посланные разведчики нашли заржавленную двустволку с разряженным стволом и браунинг, у которого тоже не хватало одного патрона. Эти вещи, так загадочно брошенные, напоминали о драме, когда-то происшедшей здесь...

Оказалось, что знаки обозначали место богатой золотоносной россыпи. Когда об этом сообщили инженеру, то он осмотрел ее и сказал представителю треста:

— Пишите администрации, что мы набрали на богатую россыпь. Прежде ее кто-то разрабатывал, и довольно

успешно, но странно то, что так загадочно бросил. Но это не наше дело. Эта площадь законтракована трестом, и мы завтра же приступим к предварительным работам. Видите вон тот небольшой холмик у излучины реки, он — наносный. Река сама промывала породу и несла ее сюда веками вместе с тем золотом, которое в ней было. Много лет прошло, прежде чем образовался этот обрыв, и река снова перемывает его и несет дальше драгоценный металл. Теперь это трясына. Я полагаю, что здесь протекала раньше река, отступившая сейчас в сторону, или один из ее рукавов. Почва там тоже наносная. Но процесс засорения рукава остановился, и поэтому это место обратилось в трясины. Это — золотая трясына. Завтра мы и начнем с того, что приступим к ее осушиванию.

Прошло несколько времени. Золотая трясына была осушена, и под тонким слоем прошлогоднего торфа, рабочие отыскали два трупа. У одного на затылке была огнестрельная рана.

Разобрать что-нибудь в их бумагах не удалось...

Подозревая о случившейся здесь жуткой истории, инженер посоветовал еще тщательнее поискать вокруг. Действительно, в отдаленном углу палатки, под сгнившей меховой одеждой, нашли несколько пивных бутылок черного стекла, наполненных золотым песком и небольшими самородками...

Неделю спустя агенту ГПУ, прибывшему с прииска Незаметного, удалось установить имена найденных здесь мертвецов, но все остальное осталось загадкой...

Р. ТУРЧАНИНОВ

РАДИО-ЭКРАН «Х-13»

Радио-повесть

Журнал «Крокодил», № 11, 1924 г.

РАДИО ЭКРАН „X—13“.

(Радио - повесть).

Мир находится накануне великих событий в области прогресса радиотехники: можно будет видеть действия, происходящие на далеком расстоянии.

Журнал „Военный Вестник“.

1

— Ну-ка, Сидор Иванович, тащи, брат, аппарату сюда, да поживей,— сказал директор секретарю и радостно потер руки.

Минуты через три Сидор Иванович при помощи сторожа внес средней величины радио-фото-экрано-аппарат „X—Т.Р.Е.С.Т. —13“ и, приладив его на письменном столе, опустил на окна шторы.

— А ну-ка, крутани-ка, брат, машинку, по направлению Покровки, посмотрим, что-то будет, — сказал директор Сидору Ивановичу и, усевшись в кресло, приготовился смотреть на радио-экран.

Сидор Иванович со сторожем завертели ручку аппарата.

На экране замелькала большая улица с подъездом треста. Через некоторое время раскрылась дверь, и из нее вышел улыбающийся некто с самым неприятнейшим выражением лица; и было ясно видно, как он, вынув из кармана руку, щелкнул пальцами и послал по направлению треста кукиш с легкой вибрацией в высоту.

Пройдя некоторое количество улиц, „некто“, робко оглянувшись назад, шмыгнул в кафе. Директор наслаждался зрелищем того обилия всевозможных блюд и вин, какими украсился стол, за которым важно восседал „авансированный некто“.

Маленькая, миловидная брюнетка скромно разделяла этот скромный завтрак. Через полчаса директор был свидетелем гибели одного из белоснежных червонцев десятикратного достоинства.

— Сволочь, — злобно произнес директор, стукнув кулаками по письменному столу.

— А, ну, крути, брат, наяривай.

Сидор Иванович со сторожем приналегли вовсю.

На радио-экране полным ходом пронесся автомобиль с тремя женщинами и сидящим среди них улыбающимся во весь рот „некто“.

Через час перед утомившимися глазами директора предстал отдельный кабинет ресторана с дико пляшущим посреди него „некто“ без пиджака.

Хор цыган пел, притоптывая на месте и яростно колотя в бубны. Маленькая миловидная брюнетка, вынув из пиджака „некто“ несколько червонных билетов, быстро засунула их себе за чулок.

— Ну, не скотина ли, не шарлатан ли, — яростно взревел директор и вскочил с кресла,

— Живей крути, — заорал он на весь кабинет.

Сидор Иванович со сторожем, обливаясь потом, что было мочи завертели машинку.

На радио-экране пир шел горой, расщедрившийся „некто“ милостиво раздавал цыганкам червонные билеты, поливая себя вином для освежения.

— Довольно, хватит! — и директор звонко хлопнул ладонью по столу.

2.

У маленького деревянного навеса, посреди площади шум, крик и даже давка. Милиционер устанавливает очередь.

В середине навеса, у большой радио-машины суетится уставший человек.

— Не толпитесь, граждане, по очереди подходите, по очереди! — кричит он напирющей толпе.

— Вам что, гражданка? — обращается он к скромной женщине в платочке.

— Да мне насчет мужа, почитай что пять часов жду не дожусь, а нонче получку выдавали, все пивные избегала, — не нашла, как бы найти-б мне его, ирода, помощи, родной.

— Опускайте монету.

Женщина опустила в автомат гривенник. Суетливый человек завертел ручку машины и на экране промелькнул ряд пивных с сидящей публикой.

— Пивная „Фиалка“? — нет здесь?

— Нету, родной!

— „Аванс“, „Восход“, „Утюг“! — громко выкрикивает человек у машины.

— Нету, здесь нет! — внимательно всматриваясь, отвечает женщина.

— „Отдых“...

— Вот. Он, вот он, окаянный, ишь, куда забрался, ну я ж тебе, погоди, — и, сорвавшись с места, тетка в платке быстро исчезает, протискиваясь сквозь толпу.

— Следующий! — кричит человек у машины. Подходит нарядная особа.

— Вам что, гражданка?

— Мне один частный дом... квартиру. — Она называет адрес.

Человек завертел ручку и аппарат загудел. На экране вырос большой дом, а вслед за ним дверь требуемой квартиры, и далее — хорошенькая уютная комнатка. Молодой человек без сюртука, сидя на диване, держал на коленях милостивую особу и что-то доказывал ей, трагически подняв в воздух к потолку правую руку.

Стоявшая у аппарата особа громко вскрикнула,

— Мерзавец, негодяй, с Зинкой. Я так и знала... — и с глухими рыданиями она тут же опускается на специально приготовленные на всякий случай стулья.

— Следующий! — невозмутимо произносит человек у аппарата.

Турчанинов.

Д. ДОЛЕВ [ТИГЕР Д.]

АНТИПЫЧ В ОБЛАКАХ

(Будущий аэро-быт)

Журнал «Крокодил», № 14, 1924 г.

АНТИПЫЧ В ОБЛАКАХ.

(Будущий аэро-быт).

— Но-о-о, чортов ероплан!

Дед Антипыч сердито нажал руль вышины, и его старый дребезжащий „Юнкерс“ взлетел на несколько километров вверх, но скорости не прибавил.

— Хошь-не хошь,— подумал Антипыч, — а к празднику равноапостольного Демьяна Бедного, али к Семашке-Жизнедавцу придется новый еропланишко справить. На ефтом не токма до луны, — до Парижу не доедешь. Но-о-о, пропеллер те заешь!

На своем старом „Юнкерсе“ дед Антипыч возил в Нью-Йорк дерн и перепрелый навоз для опытных полей по договору с американским Коммунхозом.

Упрямый был старик! Сын его, занимая высокий пост секретаря Мирового Союза Советских Республик, не мог добиться, чтобы он воспользовался своим право отдохнуть от семидесятилетних крестьянских трудов.

— Не желаю отдыхать, — твердил Антипыч. — Еще с десяток лет потружусь, а там омоложусь и поступлю в Комсомол....

Вблизи Атлангического океана кто-то окликнул деда. Он взглянул вверх и увидел земляка, кузнеца Пахома, сидевшего у руля быстроходного моноплана. Вся семья Пахома мирно восседала в кабинке за большим самоваром и попивала чаек внакладку. Младший сынишка кузнеца, шаловливый пионер Совдепик, примостился на хвосте моноплана, и во все горло распевал воздушно-пионерский гимн.

— Здорово, дедушка! — крикнул Пахом, направляя к нему аппарат и задерживая ход. — В Америку с дерном?

— Туды, — ответил приветливо старик. — А ты откудова?

— С Северного голюса, Антипыч. Электрические печи там малость испортились, так я в ремонте участвовал. А завтра на экватор вызывают холодильники чинить... От дяди Игната поклон! Встрел я его на дирижабле: в Африку за слонятиной для кооператива поехал, а оттуда за мануфактурой на Луну хочет махнуть в Междупланетном трамвае.

— Ну, что ж, пушай. Он делега, брат. А про Еремея слыхал? Бипланишко у него анадысь угнали. Думал, монокрады завелись, ан вышло такое дело. Привязал он его на ночь к тучке, а тучку-то унесло по недосмотру небесной милиции.

— Ха! Ха! История!. Ну, что, нашли?

— Как не найти! Воздушный угрозыск на Арате поймал... Ну, прощевай, Пахом!

— Будь здоров, дедушка! Кланяйся в Нью-Йорке Степану, ежели в американский ЦИК заглянешь...

Земляки расстались. Старик опять нажал руль вышины и, выравняв аппарат, полез в карман за махоркой. Не мог отвыкнуть от этой старой привычки.

— Эка история! — заворчал он. — Вся вышла! Придется на еростанцию завернуть. Не лететь же без курева... Заодно и закушу там малость.

Он направил свой Юнкерс“ несколько в сторону, и через полчаса остановился у воздушного питательного пункта. Там толпился народ. Среди представителей всех рас единой трудовой семьи Советов Земного Шара дед встретил много знакомых крестьян и рабочих. Привязав свои аэропланы, дирижабли, аэроциклетки и прочих „коняг“ к большой неподвижной туче, они разминали уставшие плечи, закусывали, беседовали.

— А, дедушка! — приветствовали Антипыча. — Навоз везешь? Не омолодился еще? Как дела?

Потекла мирная беседа. Дед закусывал, курил и внимательно слушал. Жизнь была ключом. То и дело подлетали новые лица, наполняя небо шумом и гомоном.

— Слыхали, товарищи? На днях первый поезд на Марс отойдет с пересадкой на Большой Медведице.

— Где молоко брали? На млечном пути? Замечательное!

— А Перепилиху-то в лунный Женотдел назначили...

Поев, Антипыч стал прощаться:

— Прощайте, товарищи! В путь пора.

— И нам время... Но-о-о! Эй, вы, пропеллерные!

Дед затянулся махоркой „Аэро-Вырви Глаз“ и полетел дальше...

Д. Долев.

А. ФЕНТЕНКЛЮЗ

ПОЛЕТ НА ЛУНУ

НОВЕЙШИЕ ДАННЫЕ

Фантастический очерк

3-й год издания

Цена в Ленинграде, провинции
и на станциях железных дорог 10 коп.

Журнал «Наука и техника», № 21, 1925 г.

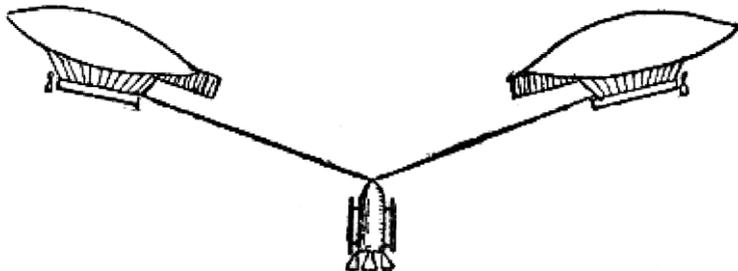

ПОЛЕТ НА ЛУНУ.

НОВЕЙШИЕ ДАННЫЕ.

Прошлым летом американский профессор Годдард собирался пустить ракету на луну (в «Н. и Т.» мы своевременно сообщали об этом). Полет не состоялся по той простой причине, что у Годдарда не хватило денег на оборудование ракеты. Этим летом он все же надеется довести дело до конца.

Пока что, ракета получила некоторые усовершенствования, сделанные инж. Цандером. И снабдил ракету крыльями, которые играют огромную роль в полете.

Весь полет представляется в следующем виде: ракета со сложенными крыльями (см. рис.) поднимается двумя огромными дирижаблями, большой грузоподъемности, на высоту 10 километров, где воздух разрежен в 14 раз. Этот подъем делается для того, чтобы облегчить ракете движение через атмосферу, наиболее плотные слои которой прилегают ближе к земле. В последний момент такого подъема, в ракете происходит взрыв газов бездымного пороха (нитроцеллюлозы) или жидких кислорода и водорода.

Благодаря удачной форме выводной трубы, 70% энергии, заложенной в порохе, может превратиться в механическую работу истечения газов. Причина движения ракеты состоит в том, что когда пороховые газы стремительно вытекают из нее вниз, сама ракета отталкивается вверх (реактивное действие).

Проф. Годдард уже достиг скорости истечения газов из ракеты в 2.500 метров в секунду, что соответствует 3.100 метрам в пустом пространстве. „Это не оставляет никаких сомнений в том, — пишет он, — что скорость, достаточная для преодоления земной тяжести, вполне достижима помощью ракеты со взрывчатыми веществами“.

Чудовищная скорость в 10 километров в секунду, необходимая ракете для того, чтобы вырваться из сферы влияния земного притяжения, развивается не сразу, как при пушечном ядре, а постепенно, начиная с одного километра, т. е. со скорости пули. При таком постепенном возрастании скорости, сопротивление воздуха не опасно для ракеты, и она не загорится от трения; очутившись же за пределами воздушной оболочки, ракета разовьет полную „межпланетную“ скорость, так как в безвоздушном пространстве она, при одинаковых взрывах, будет лететь быстрее и дольше, чем в атмосфере, (выигрыш в скорости — 20%),

Вылетевшая в свободное мировое пространство, ракета представляет собою самостоятельную маленькую планету, а посему она прекращает взрывы и летит далее по инерции, держа направление на Луну, которая и притянет ее. В межпланетном пространстве все предметы внутри ракеты теряют свой вес. Невесомость тел легко уяснить себе следующим примером: положим себе на плечи тяжелый груз и спрыгнем с большой высоты. Во время падения мы не будем ощущать тяжести груза, так как для нас он потеряет вес, ибо он будет лететь с той же скоростью, как и мы.

Так, молоток, брошенный на пол ракеты, — повиснет в воздухе, нисколько не приближаясь к полу. Это случится вследствие того, что пока молоток падает на 1 метр, ракета

также пролетит 1 метр; следовательно, расстояние между молотком и полом ракеты не изменится, и падение предметов внутри ее не обнаружится. Так будет не только при падении ракеты вниз к земле, но и при полете ее вверх по инерции к Луне. Многие предметы обстановки в ракете будут совершенно излишни. В чему вам стулья и кровати, если вы можете висеть в воздухе, не утомляясь, в любом положении? Но, если вы сделаете малейшее движение, то будете плавно подброшены к потолку, ударившись о который вы снова направитесь к полу, затем опять в потолок, и так далее.

Если вы ухватитесь за стол, то он будет вместе с вами качаться вверх и вниз. Упавшая посуда никогда не разобьется, выпущенный из рук стакан останется висеть в воздухе, и вода из него даже не выльется. В невесомой кухне невозможно будет жарить на открытой сковородке; упругие пары масла тотчас же отбросят жаркое в потолок.

Для того, чтобы предметы не летали, их необходимо привинтить в полу или стенам ракеты, а пассажиров привязать к ним.

Подлетая к сфере притяжения Луны, ракета раскрывает свои крепкие крылья. При спуске на Луну, ракета Цандера, благодаря своим крыльям, может сделать безопасный планирующий спуск.

Ракеты же Циолковского, Оберта и Годдарда должны задолго до спуска производить обратные взрывы, чтобы уменьшить громадную скорость падения и благополучно опуститься на Луну. Поэтому, безопасный спуск этих ракет на Луну и на землю поглотит столько же взрывчатых веществ, сколько их нужно для подъема ракет. Таким образом, ракета Цандера, не требующая взрывов при спусках, потребует только половину тех взрывчатых веществ, которые необходимы каждой другой ракете. Если, скажем, ракета Годдарда израсходует при полете на Луну и обратно 25 тонн взрывчатых веществ, то ракета Цандера — только $12\frac{1}{2}$ тонн.

Такое значительное уменьшение веса взрывчатых веществ повлияет на уменьшение веса и конструкцию корпуса ракеты Цандера.

Прибыв на Луну, пассажиры оденут особые непроницаемые для холода водолазные костюмы со шлемами и, запасшись ранцами с кислородом для дыхания, смогут осмотреть лунные горы, цирки, безводные моря и прочие достопримечательности вечного спутника земли. Собравши коллекции лунной природы, пассажиры усядутся в ракету, сложат ее крылья и, направив истечение пороховых газов перпендикулярно вниз к Луне, произведут вертикальный подъем ракеты.

Преодолев несколькими взрывами силу притяжения Луны, ракета очутится в межпланетном пространстве и, прекратив взрывы, будет держать направление на Землю. Перемену направления движения можно достигнуть простым поворотом выходной трубы, выпускающей, время от времени, взрывные газы.

Подлетев в земной атмосфере, ракета выпрямит крылья, и для уменьшения скорости начнет описывать круги, производя планирующий спуск. На случай спуска в море ракета будет снабжена особой плавучестью.

Ракета будет снабжена всем необходимым: провизией, питьем, сжатым воздухом, достаточным на весь перелет на Луну и обратно, который продолжится около 10 дней. Камеры хранения взрывчатых веществ будут выбрасываться из ракеты после каждого взрыва, облегчая тем ее вес.

Все это, конечно, — дело далекого будущего, — на Луну человек полетит не завтра. Мы приводим описание ракеты Цандера, как показатель того, что человеческая мысль работает и в таком, кажется, несбыточном направлении, — как в решении вопроса о междупланетных путешествиях.

Инж. А. Фентеклюз.

М. БАРСУКОВ

ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Фантастический рассказ

Фото В. Грюнталь

Монтаж М. Гетманского

Журнал «Борьба Миров», № 11, 1930 г.

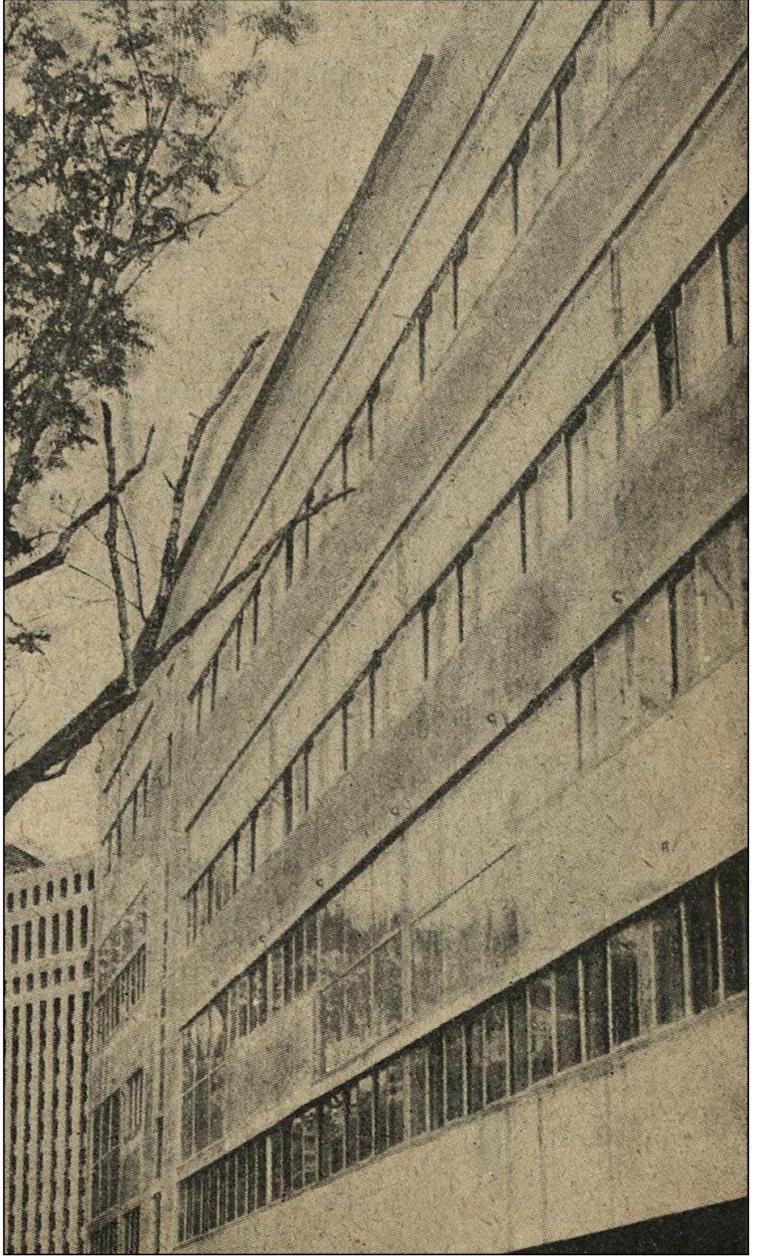
ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Фантастический рассказ М. БАРСУКОВА Фото В. ГРЮНТАЛЬ Монтаж М. ГЕТМАНСКОГО

«В 19... году» — так начинаются обычно фантастические рассказы с упором на технику будущего. Автор «Дома человечества» дает новый тип фантастического рассказа: репортажа о праздновании Октября в Москве в 193... году, т. е. не позже чем через 10 лет, а фотограф дает фрагменты Москвы ближайшего десятилетия. Авторы содержания и оформления намеренно сместили плоскости, сочтает сегодня с завтра, и трудно сказать, так ли много фантастического в рассказе «Дом человечества» и его оформлении.

В ДЕНЬ празднования Октября в 193... г. в Москве был устроен международный пролетарский с'езд. Основным событием, с которым был связан с'езд, явилось открытие в Москве Дома человечества. Работы по возведению этого колоссального сооружения заняли несколько лет, и почти год велась подготовка к празднованию его открытия.

А кроме того, союзный пролетариат просто захотел с иностранными братьями по классу поделиться своими успехами в великой экономической борьбе последних лет, захотел принять в родной стране тех, с кем был близок и мыслями и делами.

В среде иноземной буржуазии приготовления к пролетарскому торжеству были встречены, понятно, в штыки. В желтой прессе наряду с фотографиями

построенного в Москве Дома человечества, описанием его устройства и т. д. помещались корреспонденции и статьи, в которых изливались потоки лжи о значении Дома, призванного, по словам буржуазной прессы, материалистическими идеями развращать все области человеческого знания, разлагать столетиями укрепившуюся мораль людских отношений, насаждать в человечестве ненависть и братоубийственные распри; затем в самых невероятных красках представлялся предстоящий съезд и велась безудержная агитация, чтобы закрыть на этот съезд доступ кому бы то ни было из «цивилизованных» стран.

Трудно сказать, в какой из этих стран буржуазия проявляла больше неистовства, но пролетариат все решительно отстаивал свое право на посылку делегаций в СССР. Борьба эта началась еще задолго до того, как советским правительством было послано рабочим всех стран официальное приглашение, в котором говорилось, что все рабочие организации могут прислать представителей на празднество в любом числе, причем высказывалось горячее желание союзного пролетариата видеть на своем празднике представителей каждого города, каждого сколько-нибудь значительного промышленного предприятия буржуазных стран. Когда же было разослано это приглашение и количество заявлений, поданных в полпредства СССР за границей, оказалось так велико, что уже в первый месяц можно было предугадать, что в Советскую страну съедется не менее миллиона человек, тогда борьба буржуазии со сборами на торжество приняла особенно боевой характер.

Но опять-таки тем более твердым был отпор со стороны рабочих. В двух странах столкновения борющихся сторон вылились в настоящие революционные бои, стоившие рабочим многих жертв; эти бои закаляли пролетариат и подготовили возможность дальнейшей борьбы. В других странах жестоко пострадали желтые профсоюзы, которые заняли неопределенную позицию в отношении советского торжества, разгромлено было несколько боевых фашистских организаций, произошли широкие народные

волнения. Так как на праздник были приглашены и крестьяне, то движение захватило и заграничную деревню.

В итоге всей этой борьбы буржуазным правительствам Европы и Америки, испытывавшим к тому же очень неустойчивое положение в связи с промышленным кризисом, особенно обострившимся именно в этом году, пришлось отступить и идти на выполнение большинства требований рабочих, связанных с их поездкой в СССР. Уже одно это придавало празднику, который тридцатого апреля начинали трудящиеся Советской страны, необычный характер: на него должны были приехать гости, только что преодолевшие бурю борьбы, силой сломившие преграды, что вырастали на их пути.

В то же время бурно готовилась к празднику и Москва, и весь Советский Союз. Было известно, что некоторые заграничные делегации направятся прямо в провинцию, так как одна Москва не сможет вместить огромного наплыва гостей. И провинция готовилась к торжествам с тем большим под'емом, что в ряде мест они были связаны с открытием общественных сооружений, памятников, промышленных предприятий.

Иностранные гости по приезде в Москву должны были разместиться, главным образом, в квартирах самих жителей. Помимо общего для всего города центра были созданы районные тройки, уличные и домовые бюро; они быстро стали наполняться заявлениями москвичей, желавших принять гостей.

В приготовлениях самое горячее участие приняли женщины и дети, тем более, что многие из иностранных рабочих должны были приехать с семьями.

Дети хотели своей организованностью удивить заграничных сверстников. Ребята готовились кто во что горазд. Октябрята, и те приняли участие в приготовлениях, выслушали рассказы об ожидаемых гостях, разубрали свои помещения.

В последние месяцы перед торжеством между советскими рабочими и заграницей выросла переписка, где

шел обмен мнений по поводу предстоящей встречи. Буржуазные перлюстраторы поражались тому потоку товарищеского чувства, которое было заключено в этих письмах. Тысячи писем были задержаны и попали в архивы полиций. В законодательных учреждениях наиболее непримиримыми врагами рабочих были подняты, голоса за создание особых почтовых таможен с целью воспрепятствовать этому потоку корреспонденции. Но и здесь узы международной солидарности преодолевали все барьеры, и выпады буржуазии лишь больше озлобляли рабочих.

Наступили последние перед праздниками дни. В Москве все уже было готово, организовано. То, что трудно было представить раньше, приняло теперь живые очертания и формы и казалось, наоборот, таким ясным и простым, точно готовившееся торжество было самым обычным. В эти дни люди шли по улицам без особого возбуждения, которое показывало бы остроту их ожидания, но веселые, довольные, с шутками на устах. Украшенный, разубранный город сиял на солнце и казался просторнее от оживления, от массы людей.

А двадцать шестого апреля прибыла первая заграничная делегация — пятьсот китайских кули. И потом уже все дни подряд приезжали по разросшейся сети союзных дорог новые и новые группы гостей. Часть из них приезжала через границы Польши, Румынии, часть через восточные границы Советского Союза, часть через Ленинград, Архангельск и южные порты. Было много случаев перехода границы пешком, в одном месте делегаты смели пограничный иностранный кордон, который, впрочем, и не оказал переправлявшимся решительного сопротивления. Вокруг этого случая в последующие дни произошла дипломатическая переписка, — Народным комиссариатом иностранных дел СССР была получена от министерства иностранных дел пострадавшего государства нота с подробным изложением всего случившегося и соответствующими требованиями и заявлениями. Нота эта

не произвела, однако, в тот момент впечатления, и хотя ответ на нее был послан, и там говорилось, что советское правительство сожалеет по поводу происшедшего, но вместе с тем, было отмечено, что история неумолимо развивается в сторону полного уничтожения национальных границ, воспрепятствовать чему СССР, если бы и хотел, не был бы в состоянии.

Тем не менее преграды, которые до последней минуты буржуазные правительства старались создать на пути отъезжающих из их стран рабочих, до некоторой степени достигали своей цели, и многим пришлось отказаться от поездки. Более же смелые, решившиеся на рискованные предприятия, должны были преодолевать невероятные трудности, грозившие им гибелью. Так и произошло с одной делегацией, которая, не добившись права на легальный проезд, решила приехать в СССР самовольно на баркасе. Баркас погиб во время шторма, и лишь один из делегатов спасся. Этот случай омрачил начало празднования.

Еще более трагическим был случай гибели гораздо более крупного судна, захваченного в одном из портовых городов рабочими-делегатами и пущенного ко дну субмариной. Так как это произошло в открытом море, то организаторы расправы смогли скрыть происшедшее на долгий срок. Но и того, что стало известным, было достаточно для воспоминания о враге, который затаенно следил за каждым шагом приготовлений к торжествам.

Благополучно добравшиеся до Москвы вступали в советский город, о котором ходили легенды, с восторгом, радостью, счастливым изумлением. Почестями, музыкой, дружественными криками встречало их население столицы.

В дни накануне праздников Москвы нельзя было узнать. С утра до ночи улицы ее кипели. Сотни тысяч людей заливали светлые солнечные улицы и переулки, площади и бульвары. И уже иностранцев на улицах было не меньше, чем москвичей. За два дня до праздника столица оказалась совершенно перегруженной; в Москву с'ехалось огромное

число провинциалов, и многие из иностранных гостей, направлявшихся в провинцию, захотели все же сначала посетить Москву.

Времяпровождение этого огромного количества людей в дни описываемого торжества ничем не регламентировалось.

Но уже и в эти дни был ясен именно народный характер торжества. Каждый приехавший и поместившийся где-нибудь на квартире у рабочего был связан с ним, с его семьей, районом, клубом. Наибольшим затруднением в этих отношениях было иногда незнание языков, но и это препятствие оказалось не таким существенным, как можно было предполагать до приезда гостей. За границей рабочими, которые хотели ехать в СССР, была сразу же, как стало известно о съезде, организована масса кружков по изучению русского языка. В Советском же Союзе, и особенно в Москве, рабочие изучали иностранные языки, причем делали это организованно, соответственно тому, какой национальности гостей предполагалось у них разместить. Так же усиленно изучались и различные международные языки.

Хотя время гостей до наступления празднеств не было никак распределено, у них не было в нем избытка. Все поглощали те часы, что уходили на знакомство с семьями, где останавливались гости, на осмотр Москвы, на посещение клубов.

Здесь впервые уже до празднеств проявилось то настроение, с которым гости приехали в СССР. На собраниях, митингах, которые стихийно возникали в стенах клубов и на улицах, наряду с взаимными приветствиями раздавались угрозы по адресу общих врагов, гремела сдержанная, но негодующая речь.

Улицы Москвы совсем потеряли свой обычный вид. Такого разнообразия лиц, одежд, которыми пестрели они теперь, никогда и нигде не видел мир. В разнообразие одежд особенную пестроту вносили жители колоний, крестьяне и женщины; рабочие в этом отношении выглядели довольно однообразно. Рядом с группой

китайцев, часть которых была в традиционных синих шароварах, в ушастых шапках, из-под которых видны были вощено-черные волосы, шла группа канадских ковбоев, со смуглыми лицами, в широких шляпах и с яркими платками на шее. Рядом с швейцарскими крестьянами в бархатных куртках и белых чулках и датчанами в башмаках с пряжками шли угольно-смуглые индусы в европейской одежде, в шлемах. Причудливо-разнообразные, но более привычные костюмы и лица населения СССР также останавливали внимание. Огромное количество гостей, не имея праздничной одежды, приехало на международное рабочее торжество в своем обычном платье. У некоторых на локтях и на сиденьях штанов лоснились заплатки, и хотя сначала это и смущало их, но потом, когда они увидели, что это ни в ком не вызывает и тени осуждения, легко примирились со своим положением. Среди негров, приехавших прямо с плантаций, были полураздетые, в коротких, по колено, оборванных штанах, в башмаках на босу ногу. Их уже в Москве одели в новые костюмы, и они с гордостью ходили по улицам.

Женщины среди приехавших составляли сравнительно небольшую часть, но и здесь мешались в группы различных наций — и накрахмаленное полотно одежд, и широкие соломенные шляпы поверх платков на голове, шнурованные корсажи, яркие; пестрые юбки. Но и яркость красок, и необычное их сочетание, и необычные формы одежд встречались лишь островками среди основной массы гостей, одетых в обычную европейскую одежду, среди которых нелегко было различить немца и шведа, болгарина и турка, француза и итальянца. И кто бы это ни был, кто бы из гостей ни встречался в эти дни на улицах Москвы — европейцы и американцы, славяне и немцы, китайцы и негры, колониальные рабы и пролетарии Европы — все они здесь в Москве лицом к лицу с советскими рабочими выглядели не чужестранцами, какими можно было бы их представить, а совершенно своими людьми, от которых веяло одним и тем же трудовым закалом, запахом станков и

прерий, песков и морей. И было видно, что во всех этих людях, крепких и слабых, изъеденных капиталом и еще сохранивших живую свежесть земных корней, билось в эти дни одно чистое, пламенное сердце рабочей борьбы. Оно сквозило улыбками в раскосых китайских лицах, в задорном блеске негритянских зубов, оно горело в широких ладонях английских рудокопов, пожимавших руки советских друзей, оно же разливалось на лицах героев дня — рабочих Советской страны. Отверженные в пределах родных земель, иностранные пролетарии впервые так полно начинали чувствовать, какой свободный ветер веет по земным просторам.

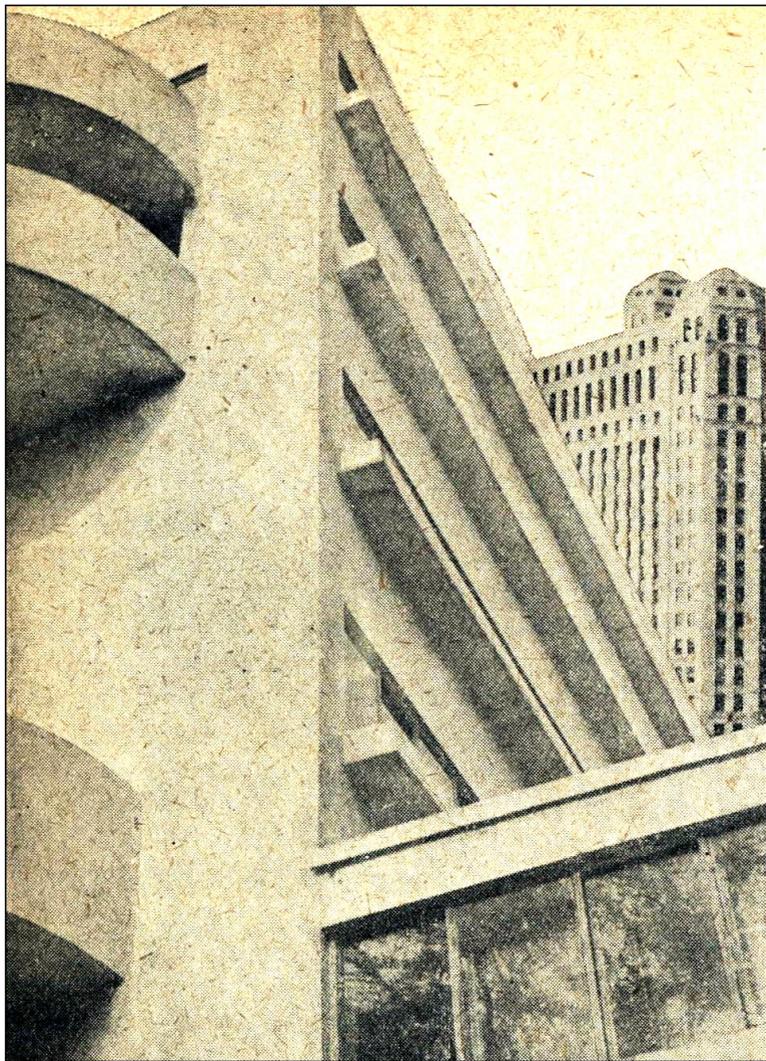
Торжества начались 6 октября прохождением мимо ленинского мавзолея. Так как Красная площадь могла вместить только ограниченное число гостей, не говоря уже о жителях Москвы, то торжество открытия должно было носить характер прохождения колонн, причем один-два человека от каждой делегации получали доступ в склеп.

Шествие началось с самого утра. Первой на площадь вступила самая многочисленная из делегаций — германская. И взоры всех обратились к необычному зрелищу Кремля, под вековыми стенами которого спал величайший из величайших, друг угнетенного человечества. Над его могилой высоко вставал, разрывая пелену древности и на ней утверждаясь, величественный мавзолей. Это было грандиозное сооружение из камня, уступами поднимавшееся вверх...

Текли и текли колонны. И та, что входила в склеп, видела под стеклом гробницы желтые, источенные смертью черты вождя.

Бурей движения и голосов разрешились вечером того дня часы открытия мавзолея. Все улицы, дворы домов, площади, бульвары, парки, переулки были сплошь залиты толпой. Тысячи людей, предназначенных наблюдать за порядком, работали, как в военных штабах. К десяти часам вечера все шире и могущественней звучащий гул толпы достиг своего апогея. Страстные восклицания раздавались

всюду, группы запевали свои песни, влагая в них весь огонь своих сердец, отчего пение звучало, как звон оркестров, крики взаимных приветствий наполняли воздух. И уже нельзя было в конце-концов различить отдельные звуки — все сливалось в один общий гул.

Испытавшую сегодня силу и восторг своего единства человеческую массу на завтра ожидал еще более небывалый день. И навстречу ему гремел и этот хор голосов, и вся эта безостановочная, как стрела, и необ'ятная, как море, сила движения.

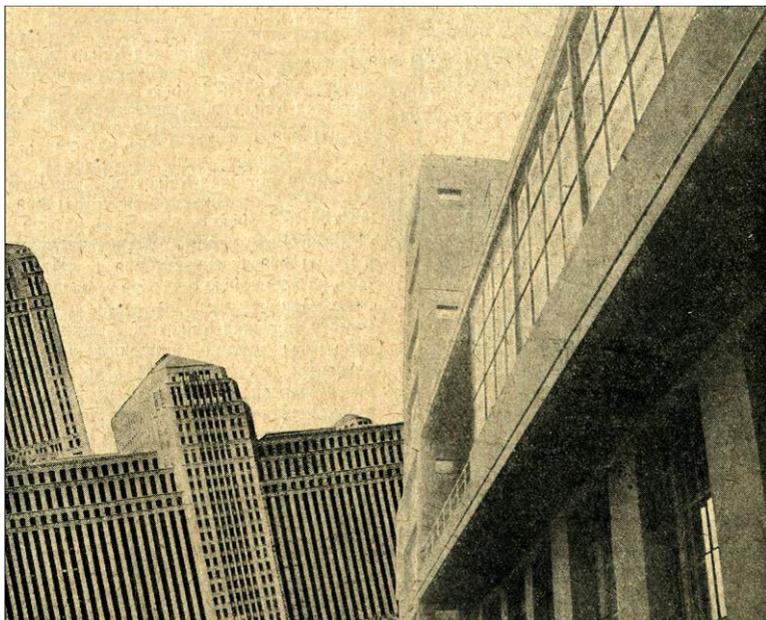
И вот этот день настал.

В семь часов утра, когда над полями и перелесками советских просторов в дыму золотых курений поднялось и разгорелось лучезарное солнце, воздух Москвы и ее окрестностей был потрясен орудийным салютом в честь Октября. И вслед за тем все небо над Москвой гремуче заройлось, и, блистая на солнце, плавно, в живой красоте полета, поплыли самолеты. Улица наполнились народом.

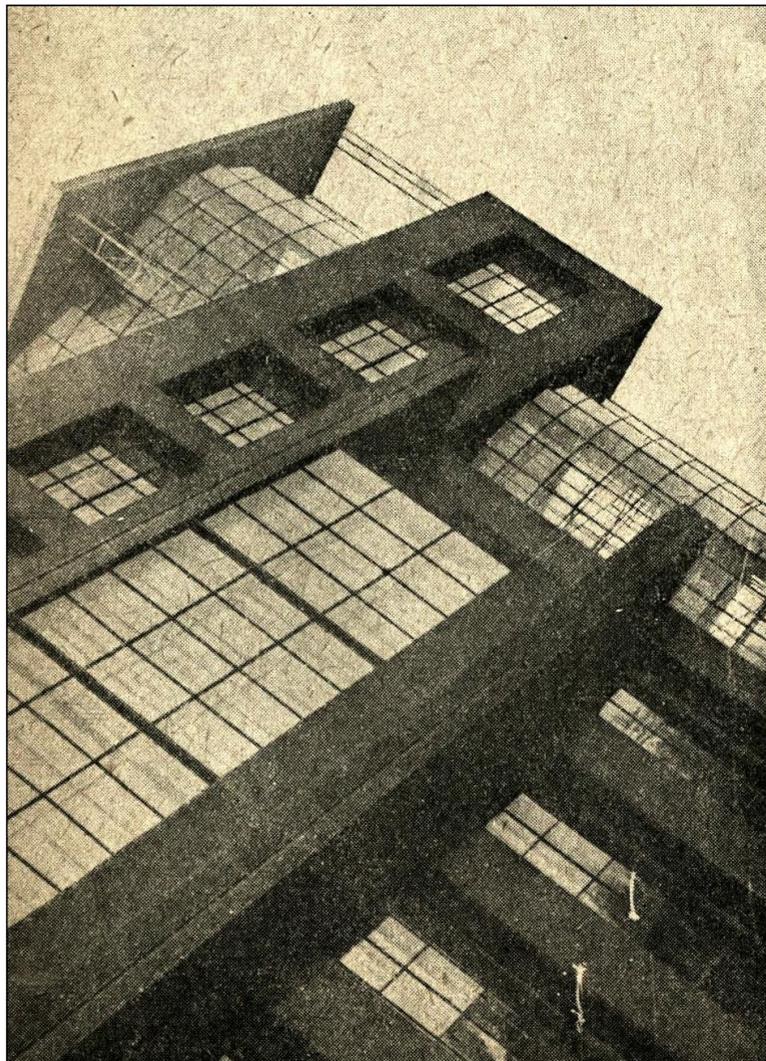
Многие совсем не спали в эту ночь, проводя время в беседах, в подготовке к предстоящему дню, другие просто не могли спать, охваченные ни с чем не сравнимым восторгом переживаемых дней, исполненные необ'ятных надежд. И тот город, который поутру встретил их, был ярче всех ожиданий.

Улицы мозаично переливались красками тканей, цветов, ослепляли своим блеском. Из окон домов, с балконов, со всех возвышенных мест открывалась необычная панорама площадей, зыбящихся фонтанами, пестреющих осенними цветниками, пестреющих кругом толп. И видный почти отовсюду, ослепительным видением вставал в сверкании далей Дом человечества. К нему и устремились человеческие потоки. Быстро минувя улицы, они бесчисленными рукавами вливались на громадную асфальтовую площадь, открывавшую вид, который в первую минуту поражал каждого. Замкнутая по сторонам домами и полукружьем вдававшаяся в огражденный сад, эта площадь впереди венчалась памятником Ленину, воздвигнутым на широком постаменте из коричнево-красного камня. Ленин был изображен с откинутыми лапами пиджака и руками в карманах, произносящим с открытой трибуны речь. За ним и за оградой сада бесконечно широко поднимался прозрачно-круглым шатром

Дом человечества. Он застилал небо сквозным блеском, не похожий на творение человеческих рук, созданный, казалось, мгновением стихийной игры и чудесно застывший.

Колонны заполнили площадь. В десять часов должна была начаться традиционная присяга красноармейцев. И уже вместе с колоннами гостей и советских граждан на площадь вливались, блестя штыками, части Красной армии. Приветственные клики неслись им вслед и встречали их на пути. Они же шли молча, точно весь этот гул приветствий не долетал до них, точно они должны были через весь этот поющий, ликующий мир прийти к какой-то своей, им только ведомой цели. Но восторженный гул не утихал и вырастал на площади с потрясающей силой. И только после того, как красноармейцы заняли площадь и сигналы возвестили начало присяги, все смолкло. Над тесными рядами красноармейцев, над всей площадью, налитой чело-

веческим морем, прозвучали на разных языках, разнесенные всюду первые слова присяги.

Воцарившаяся тишина нарушалась только голосами присягающих. Но уже при словах: «...перед лицом

трудящихся Советского Союза... и всего мира...» — точно глухой порыв ветра пронесся по бесконечным рядам. Тишина стала звенящей... Новые и новые неслись слова. И уже с разрешающей, неотступной силой звучало: «...и в борьбе за Союз Советских Социалистических Республик... за дело социализма и братства народов... не щадить ни своих сил, ни самой жизни».

— *Hoch!* — раздался где-то нечаянный возглас, и снова все смолкло.

И лишь с последними словами присяги приветственный гул снова заполнил площадь.

Тогда иностранные гости передали Красной армии свои знамена, перед которыми склонились другие, простреленные и обожженные, повеявшие виденьями далеких битв гражданской войны.

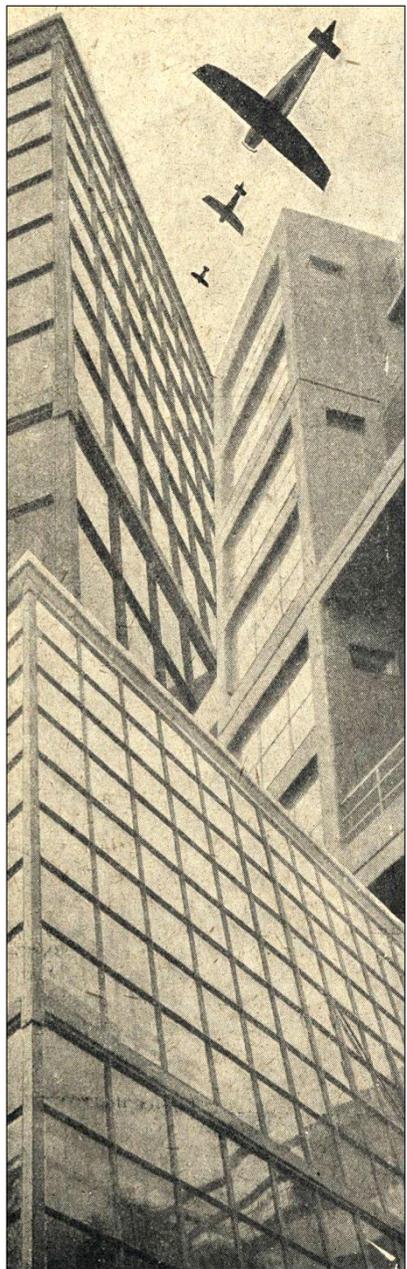

Присяга кончилась.

И вслед за тем на трибуне из среды членов праздничного комитета отделился один, чтобы, открывая праздник, приветствовать международный съезд. И снова воцарилась тишина.

— Товарищи рабочие, товарищи крестьяне, товарищи трудящиеся всего мира! — так начал он. — Нет большего счастья, как видеть и приветствовать этот многотысячный праздничный съезд. Все просторы земли от полюса до полюса, от океанов к океанам вмещает сегодня эта площадь. Так, наперекор врагам, ненавидящим наше единство, и малодушным, не верящим в него, мы осуществляем наши заветные мечты. — Товарищи! — продолжал он. — Мы все слишком хорошо знаем, как еще велика закованная в сталь и в ненависть к нам противостоящая нам сила. Но не о величии ли наших побед говорит и сегодняшний день и наш многотысячный Съезд? А если так, то кто посмеет назвать нас пустыми мечтателями за то, что наша мысль уже несется навстречу завтрашнему дню, навстречу новому миру.

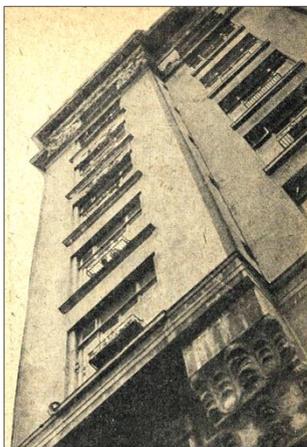
Пресса, агитаторы, церковь буржуазных стран, если не прямо

клеветают на нас, то рисуют нас фанатиками общественных идей, лишенными человеческой крови. Коммунизм для них — серая краска солдатских шеренг. И это их самая дикая, самая бессмысленная ложь. За огонь своих сердец они принимают их жгучую пустоту, за человеческую страсть — зуд себялюбия, за назначение человека — кровавую вражду. Нет. Вся силу чувств в их дивной чистоте, но облагороженных и обогащенных, принесет освобожденный пролетариат на землю. Он будет знать и печаль, которая не тяготит, и радость, которая не ранит, и восторг, не опустошаясь им, и уныние, ему не предаваясь, смерть без терзаний и жизнь без уродств. И в день нашего сегодняшнего торжества мы помним и знаем, что Цель нашей борьбы — это будущий мир, с его свободой и братством. Пусть встанут на нашем пути все силы вражды и злобы, — с холодным расчетом, но и с бешенством в сердце мы будем готовить то, что предназначено, им, чтобы только сберечь на земле ее драгоценное дыханье — человеческую жизнь.

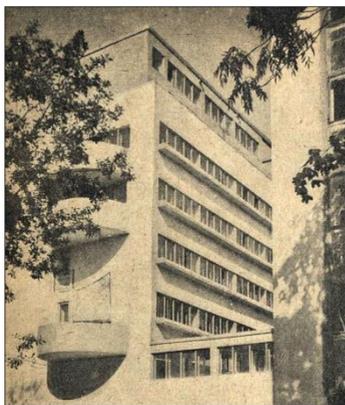
С ответом на эту выслушанную в полном молчании и покрытую громом приветствий речь выступил один из гостей, член калькуттской делегации, индус:

— Товарищи и братья! — сказал он. — Я не могу выразить тех чувств, которые мы, гости Советского Союза, переживаем в этот день. Новая земля открылась нам. Мы все у себя на родине боремся за раскрепощение труда. Но в первый раз так необ'ятно почувствовали мы свою силу здесь, бок о бок со всем трудовым миром, и с рабочими и крестьянами Советской страны. Как будто мы действительно уже в каком-то новом мире, туманные очертания которого мы едва

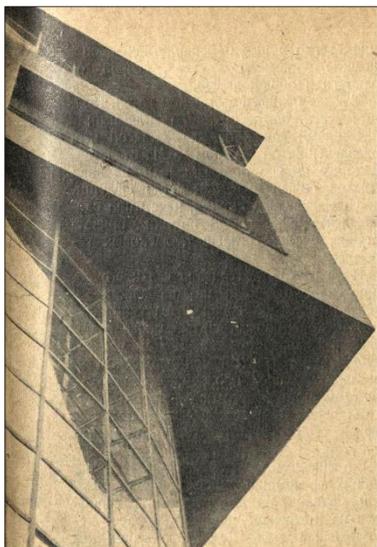

различали из наших стран. Там, в тяжелые минуты борьбы, нам часто приходило на ум, как бесконечно долг еще наш путь и как далек еще возжеленный край коммунизма. И только здесь, веря и не веря своим глазам, утопая в этом человеческом море, мы, пораженные и восхищенные, видим, как близок этот желанный берег, как мало уже осталось сделать усилий, чтобы на него вступить. И вот еще, все же, тысячи препятствий стоят перед нами...

Тысячи аргументов против нашей веры выставят трусы, лжецы, лицемеры всего мира. Одни будут лживо говорить, что они верят в братство людей, но еще века нужны, чтобы его осуществить, другие скажут, что коммунизм — праздная мечта, что бедные и богатые, сильные и слабые, властители и подчиненные будут в мире до конца. Так ханжа, последыш прошлой культуры человечества, который властвует теперь над миром, разве он может поверить в социализм? Он, который в душе не верит ни во что, он знает, что в истории человечества было немало безумцев, которые стремились привести людей к братству. «Где их мечты? где их высокие слова? где их надежды?» спрашивает он себя... Но мы с чистым сердцем встаем в шеренгу «безумцев», которых он когда-то уничтожал огнем и мечом, и теперь добивает ложью. Над многими из них давно пронесли столетья, осуществились и наивными

стали их мечты, но в памяти людей чисты их образы, как чисто сознание, что они воплощали в себе вершины жизни человечества, двигавшегося вперед, к все большему совершенству в строе вселенной. И если в далекие дни еще раздробленного, полудикого мира их победы были великим торжеством людского родства, то в наши дни коммунизм такой же возмож-

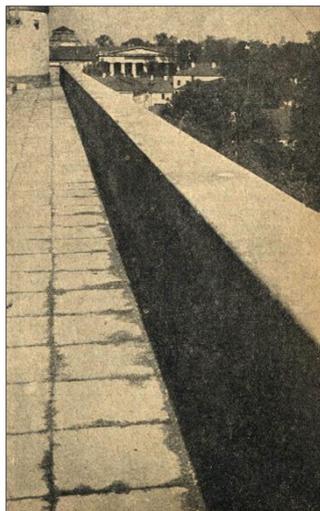

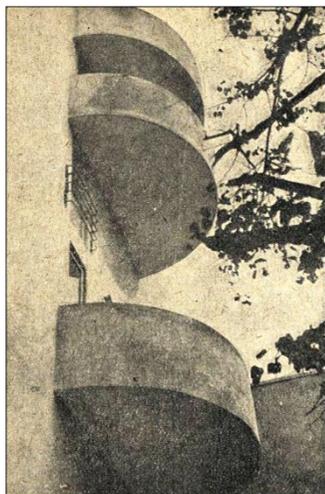
ный, и такой же неизбежный шаг вперед. Мы не хотим совершать чудес; мы не ищем того счастья, которого на земле, нет, но землю человеческого родства мы видим пред собой. Товарищи и братья! Та земля, которая об'единяет нас сейчас, отечество всемирного пролетариата, пусть услышит голоса нашей преданности и дружбы!

Воздух над площадью взорвался и прогремел. Колонны людей устремились теперь к воротам сада, где выростал Дом человечества.

В торжестве до вечера, когда в Доме человечества должны были состояться зрелища, наступал перерыв. И в саду колонны образовывали свободные группы, свободно же обходившие парк.

Открывался сад очень обширной площадью, занятой цветниками и мелкими насаждениями и подходившей к самому Дому человечества. По сторонам же от него на огромное расстояние уходили просторные, теперь уже опавшие, аллеи. В глубине их располагается ряд других сооружений парка. Теряясь в гуще стволов, блестел красными стенами над просторным прудом Дом здоровья, высоко возносилось спиралью уходившее вверх здание — празднеств и

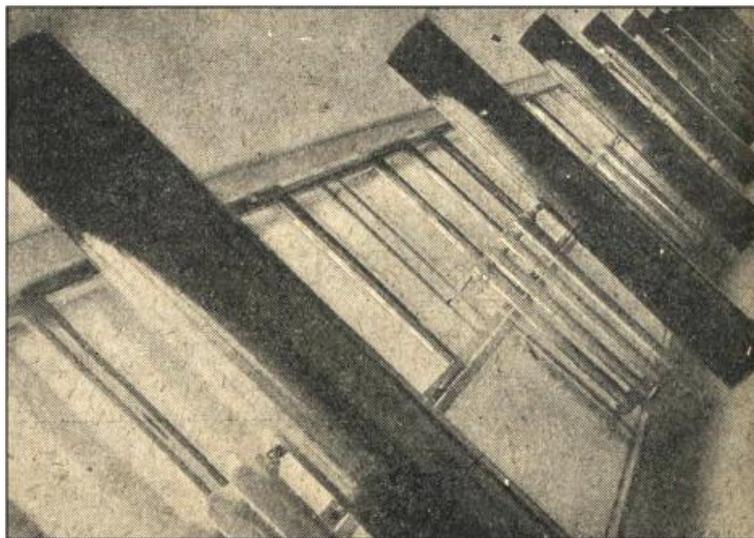

искусств, затем — природы и человека, людей и общества, широко раскидывался Дом детей. Кроме этих основных был также ряд других сооружений. Но не менее замечательным, чем они, был и сам сад. Он был приспособлен для массового отдыха и развлечений — со сценами, площадками для игр, прудами для купанья, широкими аллеями для шествий, с обширными воздушными площадками — высоко над землей, летными

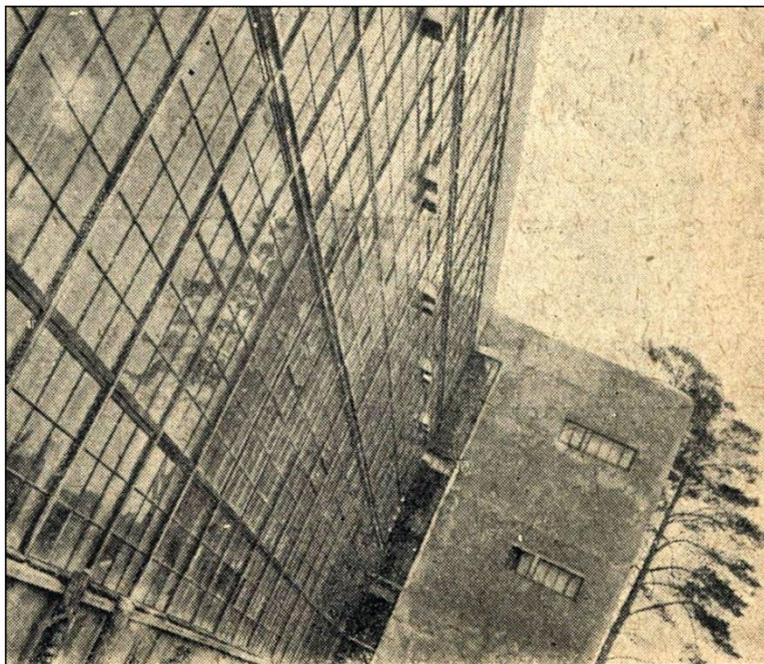
станциями, залами новшеств и массой других устройств. Теперь, в часы посещения гостей, все это жило бурной, неистойвой жизнью, над садом вставал человеческий гул, и сам воздух, казалось, звенел и роился.

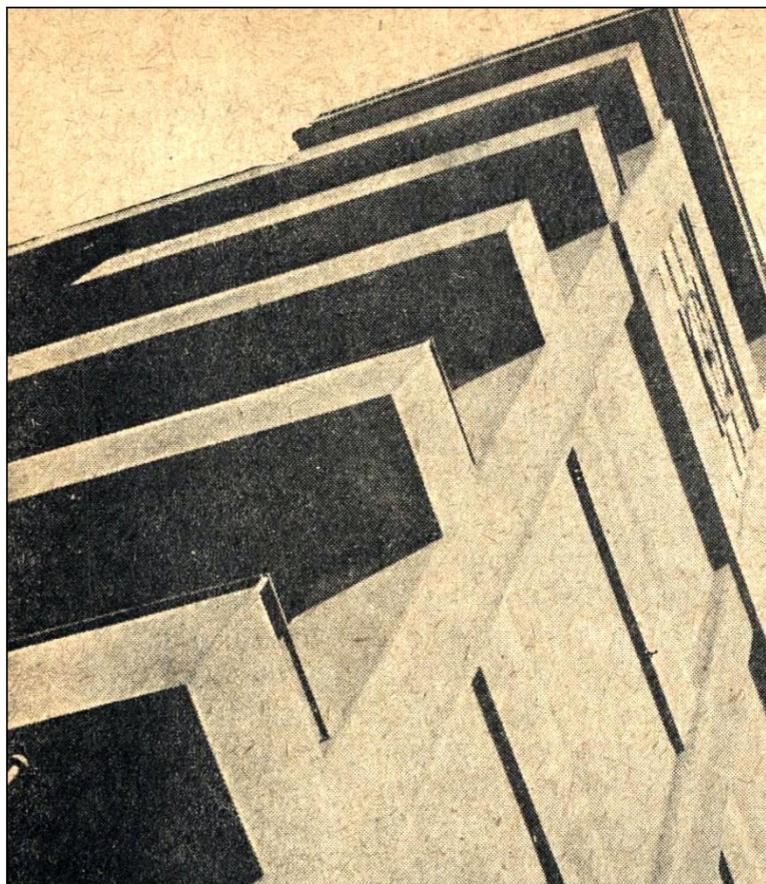
Целый ряд процессий заполнял аллеи сада. Так, проезжала процессия «зверинец вымирающих пород»,

вызывавшая дружный смех зрителей. Это был поезд автомобилей с длинными платформами, на которых помещались большие разубранные клетки, с надписями на разных языках. В клетках скрывались искусно сооруженные подвижные манекены. Там торчала за прутьями острая морда лисы, в роскошном церковном облачении; в другой клетке переступал по ее полу в генеральской каске шакал; дальше, тычась в блестящие прутья розовым пяточком, хрюкала коротконогая свинья в цилиндре, с банкирским свидетельством на шее; павиан-рантье и расфранченная, в бриллиантах кошка располагались в смежных клетках; были тут и свирепый носорог-колонизатор, журналист-заяц, богомолец-баран и масса других.

Затем шла процессия под девизом «Долой профессию». Это также был целый ряд повозок с огромными цветными манекенами, изображавшими уродства, причиняемые человеку односторонним профессиональным развитием.

Большой интерес вызывала педагогическая процессия под девизом «Ударить ребенка — потерять человека» и сопровождаемое сочувственным смехом шествие «Наши единомышленники — животные».

Но как ни много интереса возбуждали эти и другие процессии, сад сам по себе, его бесчисленные развлечения, но все же главная масса людей устремлялась к основным сооружениям сада, широко открывшим свои многочисленные просторные под'езды.

Посетители Дома людей и природы увидели на целом ряде демонстраций историю человека, его неустанного роста, его гигантских побед. Бесконечно далекие тысячелетия, едва веявшие смутными призраками человеческой жизни, уже несли в себе то зерно, из которого расцвел современный мир. Через вой океанов и грохот бездн, по остывающей, в пространствах летящей земле пронес человек свой разум и на хаосе мира упрочил его. И вот, в огромных залах предстали воплощения современной человеческой мощи — вся система грозных орудий и тончайших аппаратов, где бесконечное проникновение в тайны вещества, в самую «душу» его давало человеку силу по-своему претворять мир. Законы произрастающей в мире природы все более становились законами человека.

В Доме обществ и человека перед посетителями открывались иные картины.

То были картины распада и об'единения общественных форм, все расширявших и расширяющих свой круг. И как космический хаос побеждал человек, так торжествовал он победу и над хаосом кровавой вражды, звериной злобы, войн. И вот уже должно было пасть последнее препятствие, что смотрело еще в человеческий мир глазами дикого зла, стихией древнего мира. Человеческие общества, поздний отголосок животных стад, должны были рассыпаться и стать подножеством человечества.

Теперь гости входили в Дом празднеств и искусств, и их ошеломляли и захватывали тот свет, блеск, море звуков, которые встречали их там. То, что видели они потом, тем более, поражало их. Демонстрация истории празднеств говорила о том, как человечество создавало и хранило то вечное дыхание жизни, которое голосами, круженьем, красками, звоном, наполняло человека. И здесь победа давалась с боем. Тяга к распаду, к разрушению превращала все, что долгими усилиями создавало в знак своего торжества человечество, в жестокую отраву, раздроблявшую людей, в иступленный порыв, уносящий отпав-

шего, гибнущего человека. И лишь растущий мир неустанной силой сохранял драгоценный хмель празднеств.

Дальше поток гостей направлялся к Дому здоровья. Юноши и мужчины, женщины и дети наполняли его звенящим пестрым роем, и здесь веяло от людей свежестью дыханья, теплом крови, струившейся под разноцветной кожей, сияньем глаз. Простота и чистота отношений царили здесь во всем, и потому в бесчисленных играх, в упражнениях легко и пылко переплетались юношеские и девические тела, сгорая от радости и общей любви.

Так же оживлен был и Дом детей. Полный света, почти сплошь стеклянный, с бассейнами для купанья, с массой игр, развлечений, он ходуном ходил от детей, которые быстро осваивались и, не зная языков, об'яснялись, как могли. Оглушительно звенели их крики, неустанно раздавался смех, звучали потоки приветствий, музыка согласных, ласковых голосов.

Пока гости осматривали сад и его сооружения, отдыхали на площадках и возвращались из города, наступил вечер. Вскоре первый сигнал оповестил о близком начале зрелищ. И Дом человечества, уже залитый ярким блеском и падавшими через прозрачные своды отсветами погасавшего дня, широко раскрыл перед хлынувшим к нему потоком людей свой фантастический и дивный простор.

Внутри Дом человечества представлял собой два концентрических круга трибун, больший из которых был расположен на кольцевой широкой террасе, охватывавшей весь Дом. Этот больший круг представлял собой цепь амфитеатров, восходящих к сводчатым нишам стен, которые почти сейчас же переходили в тяжелую узорную сеть опор, державших на себе необозримый купол Дома. Развернутый ниже второй круг амфитеатров не был сплошным, — между отдельными амфитеатрами оставались широкие просветы, соединявшие круглую площадь перед ними с круговой площадью, отделявшей оба кольца трибун. Как внутренняя, так и круговая площади были предназначены для устройства широких торжеств, в

которых принимала бы участие вся масса людей. И на той и другой могли подниматься особые помосты, приспособленные для музыки, демонстраций, сцен, экранов, ораторских трибун, причем в центре внутренней площади находился самый обширный помост, доступный обозрению со всех пунктов Дома. На соединениях амфитеатров в большом кругу и на концах их дуг — в малом вырастали различные изображения-эмблемы, скульптурные фигуры. Несмотря на незначительное число украшений, внутренний вид Дома, вместимость которого превышала миллион человек, морем причудливых очертаний, неожиданных перспектив подавлял и очаровывал каждого. И вот теперь под его гулкие, необозримые своды клубящимся шумным роем ворвались и размещались в нем колонны людей.

Через час после того, как были открыты входы Дома, дальнейший приток колонн почти прекратился; скаты амфитеатров были полны людьми. И вот точно пение и звон громового гонга наполнили Дом. Яркие надписи, загоревшиеся в то же время под самыми сводами, возвестили его открытие. Все побросали тогда свои места, и в утихающем певучем звоне все ясней зазвучала сначала отдаленная, потом, вместе с голосами, подхватившими ее, резко приблизившаяся мелодия. В Доме человечества на всех языках мира гремел «Интернационал».

И через несколько минут после того, как открытие дома совершилось, новый сигнал возвестил о начале зрелищ. И сейчас же, при ослабленном на всем пространстве Дома свете и особенно ярком в центре, над центральным помостом перед глазами зрителей вырос, пламенея в огненных потоках, ослепительный мираж. Это никем не виданное зрелище, сиянием и красками наполнившее Дом, необычайным показалось бы в иное время. Но теперь оно лишь приковало восхищенное внимание амфитеатров.

Первое, что они в сиянии миража увидели, были трансформировавшиеся очертания, причудливые линии неведомых дворцов... Не успели еще глаза приглядеться к этой нежданной феерии, как уже, пряно дыша роскошью и

пестротой, дворцы раскрыли свои, повеявшие веками уединенной и праздной жизни, чертоги. Вместе с ними открыли они и тех, кто наполнял их погребальной пустотой своих дней.

Стыдом и ненавистью загорелось море глаз, созерцавших эту картину. Перед ним проходило полное когда-то могущества и теперь еще сохранявшее видимость его, но уже жалкое, не верившее своей судьбе племя. И только тяжелой роскоши этой жизни мог быть уподоблен чудовищный распад ее. Зрители увидели картины быта этих людей, их женщин и детей, их взаимные отношения — и везде, на всем окружавшем их лежала печать холодных сердец, растравленных жадным стремлением к счастью. Насилие, нетерпимость, прославление бессмыслицы жизни — об этом говорили встававшие над помостом лица и их короткие реплики, разносившиеся по всему Дому. И уже когда померкли видения роскоши и ее жрецов, над центром, знаменуя их, выросла фигура человека с безумным, исполненным жестокой страсти, закаменевшим лицом.

Новые видения ожили под сводами дома. В противовес тому, что только что было показано, они обнаружили бесконечную погоню людей за рабством и нищетой, как за мучительным и все же, волей дикой безысходной жизни, сладким плодом. В долгой череде прошли здесь и необозримые галереи фабрик, где в потрясающем душу ритме тысячи людей повторяли всю жизнь заученные движения, и раскаленные недра каменоломен, и встававший в ярком солнце прекрасный южный мир, с панорамами рисовых полей, чайных плантаций, банановых насаждений, где, истощая сердце и мозг, сжигаемые солнцем, трудились миллионы людей. Невыносимым для разума представлялось это пестрое однообразие нечеловеческого труда, но наперекор всему — отзывчивые сердца и отважные руки вырастали в нём.

Гордостью и сочувствием зажглись теперь глаза зрителей и следили за тем, как эти два чуждые друг другу мира перекрещивали свои пути. В грохоте фабричных

корпусов и блеске столичных кварталов, в преисподней земли и блаженном покое дворцов, в дыму окраин и на привольи загородных домов росло то, что опаляло потом землю.

Бледнели за зеркальными стеклами лица, круглыми делались рты, но счастливой песней отзывалась в сердцах стрекочущая дробь пулеметов. И когда пыл столкновения стихал, в наступившем покое под трупами убитых молчали мостовые, вечностью звенели замки тюрем, а немые слезы жен и детей только усугубляли сладострастье расправы.

С изумлением и волнением взирали на знакомую картину темного торжества бесконечные ряды людей.

И в эту минуту скорби и молчания над помостом в движении приветствия встал Ленин.

То, что произошло в этот момент, было неожиданно и невообразимо. Как будто действительно этот Дом был кратером вулкана, вдруг заговорившего, — так потрясающ был вихрь восторга, охвативший его. Это был момент полного ослепления и забвения, точно находившиеся в Доме увидели живым своего вождя. Для глаз многих тайной остался тот момент, когда исчезла с помоста волшебная фигура и, сменяясь один другим, явились образы Октября; и вдруг, туманным видением, далеким неуловимым блеском огня мелькнуло что-то еще более волшебное, о чем у всех сохранилось потом свое представление, но что в этот момент всем показалось тем неведомым миром, к которому каждый стремился, и не один миг, казалось, теперь, уже был в нем.

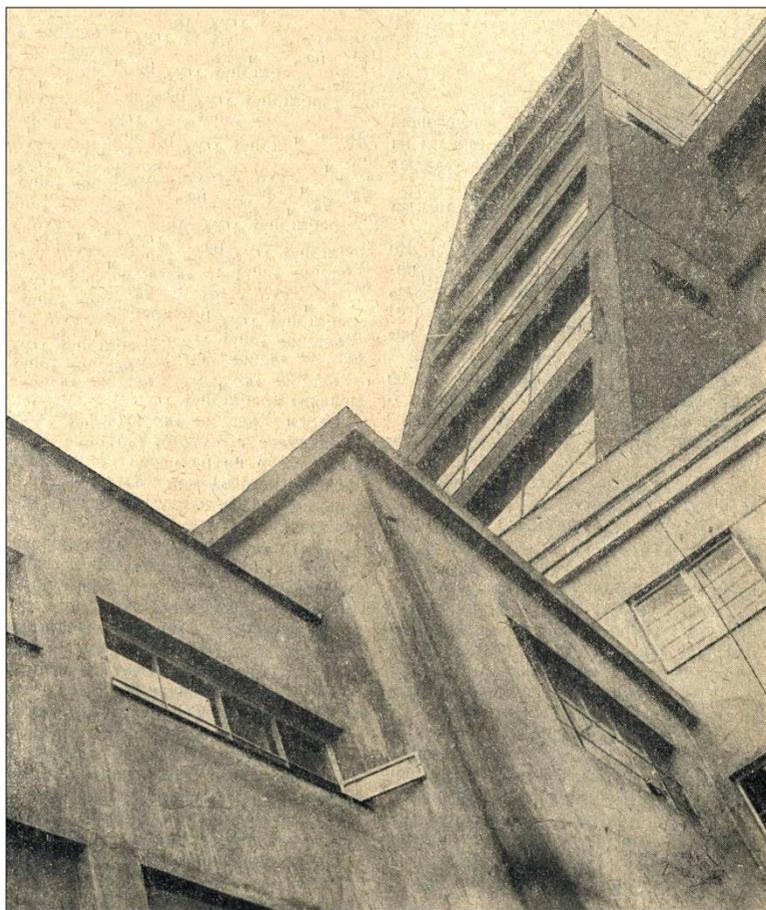
И, наконец, последним видением зрелищ, свидетельством безграничной мощи человека, над помостом прошли фантастические картины будущего мира: неведомые города, как будто рожденные самой природой, и бездны океанов, раскрывшиеся человеку, и пробужденные к жизни полюса, и покоренные горы.

Зрелища кончились. И не успели еще прийти в движение амфитеатры, как по всему Дому стали разноситься вести об

Октябре в капиталистических странах. Только дыхание тысяч колебало тишину Дома.

Известия, приносимые радио, говорили об удачах демонстраций, другие о потерях, о расстройстве рабочих рядов, о вооруженных нападениях на шествия демонстрантов. Глухой шум пробежал среди делегаций, слушавших сообщения из родных стран.

И вдруг точно траурное солнце ослепило Дом. Это рупора радио разнесли весть о небывалом расстреле рабочей демонстрации, происшедшем в одной из столиц

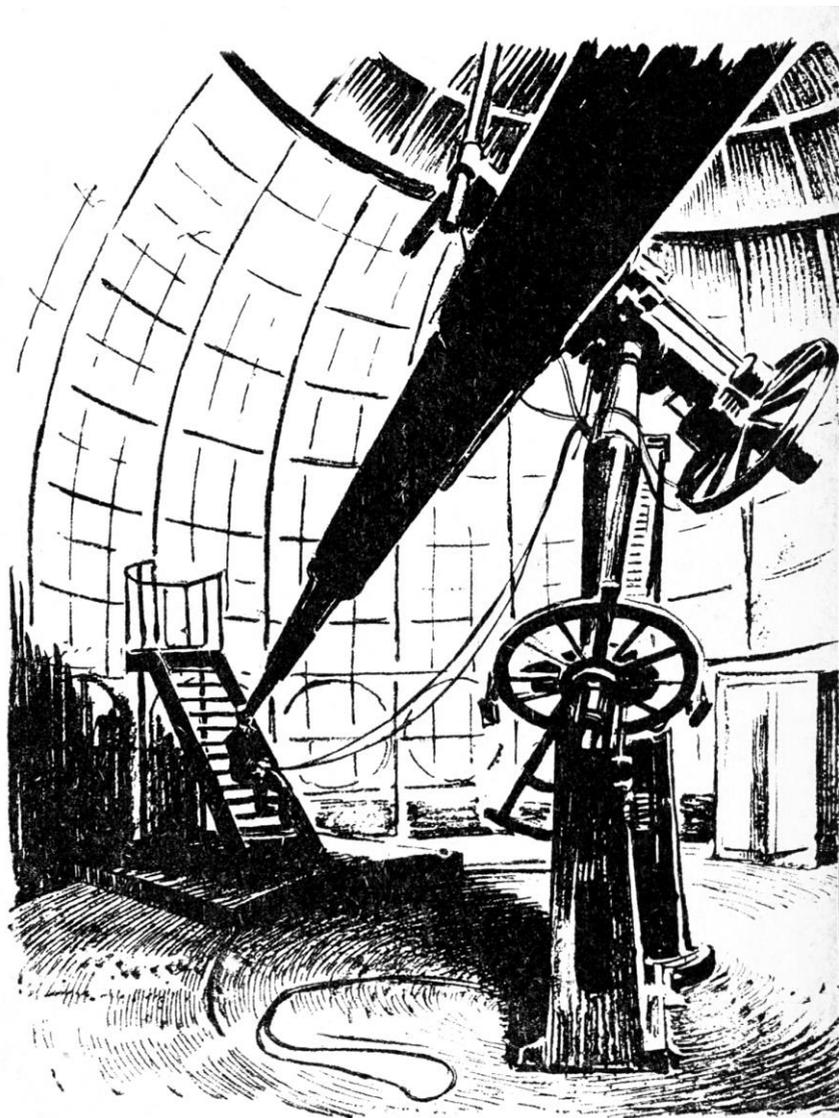
мира. Точно столбняк постиг всех находившихся в доме, когда рупора прокричали о тысячах раненых и убитых. А радио, бессильное, казалось, остановиться, доносило вести о сумасшествии убийства, охватившего даже женщин и детей владетельных классов. Улицами столицы овладели насилие и порок, безумные глаза их носителей говорили об их бессилии и унижении, холод смерти все леденил там, где они появлялись. Террасы Дома разрешились стоном такой безумной боли и такой горечи, точно находившиеся в доме были свидетелями гибели всего человечества и его наследниками на несметных могилах земли... Но в начавший уже пробуждаться Дом вестью о победе зазвучали рупора. То Советской стране и с'езду народов посылал свои приветствия другой победоносно восставший народ. Этот день стал днем его победы.

Точно безумный ветер, ветер восстания забушевал на амфитеатрах Дома человечества. Он несся от земли и морей, из земных недр и со склона гор, из мрака лесов и необ`ятного простора полей, из всех прекрасных владений человека. Потрясая небесный свод и само чрево земли, он возносился туда, где в вечном дыхании вселенной зажигались и гасли звезды. Так приветствием революции гремели амфитеатры...

ПРИЛОЖЕНИЕ

К статье „Люди и звезды“ Бруно Бюргель

БРУНО БЮРГЕЛЬ

ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ

Фантастическая статья
Перевод И. Трапезникова

Журнал «Вестник знания», № 20, 1928 г

БРУНО БЮРГЕЛЬ.
(Германия).

Все дальше отходит человек XX. столетия от прекрасных сияющих звезд, и все ближе становятся они ему!

В каменных лабиринтах современных больших городов, в промышленных мастерских, полных шума стучащих машин, вырастает новое поколение людей, далекое от рокового источника вечной природы.

Смело и ловко подходит человек XX столетия к окружающему миру. Великим он называет лишь то, что говорит о его победе над стихиями: достижения техники, электрические дороги, мировые станции беспроволочного телеграфа, исполинские воздушные корабли, пересекающие континенты и океаны, — чудеса изощренного инженерного искусства.

Благоговейный трепет, живущий в старых храмах, где свет разбивается на пестрые блики; тоска, шумящая по ветвям старых лип; глубокая грусть залитой луной волшебной ночи — все это чуждо ему, все это еще звучит в старых песнях предков, но это — уже отжившие мотивы. По миру идет социальная революция; массовые шаги рабочих батальонов тяжело стучат по асфальту, и в воздухе реют шумящие пропеллеры.

Все дальше от человека звезды!

По ночам его небо освещают электрические солнца, пламенные пестрые звезды восходят на поднебесную высоту крыш его небоскребов, заходят и исчезают. Яркие снопы света поднимаются из лесов дымящихся труб, тусклые ис-

тинные звезды слабо мерцают там, в холодной высоте, те звезды, которые смотрели на маленький земной шар еще тогда, когда Хаммураби писал свои законы, а фараоны строили свои пирамиды среди песков пустыни.

Миллионы миров, мириады звезд Млечного Пути пропадают среди электрического света больших городов, посреди дождя искр доменных печей. Живущий в городах современный человек больше уже не знает света старых звезд. Старая плодородная Земля исчезает под асфальтом, дерево за деревом, поле за полем уступает свое место каменным постройкам-гигантам, фабрикам из стали и стекла, и в волнах света исчезают звезды. Все дальше от источника природы отходит новый дух, зарождающийся в мозгу и мускулах.

Все дальше от человека звезды, но и все ближе они к нему.

Повсюду на земном шаре тянутся к небу вышки мощных обсерваторий. Гигантские телескопы необъятной силы, проникающие до самых отдаленных глубин Вселенной, следят за неизмеримым.

Измерительные приборы высшей точности, преломляющие свет призмы, чудеса астро-фотографической техники, короче — все, на что способны человеческий разум и искусство, исследователь превращает в упругую сталь, которою он все глубже и глубже врезается в окружающий нас мир чудес.

Бросайте больше знаний о звездах в массы! Изучение звезд расширяет взор человека, поднимает его над узкими понятиями и взглядами... Это превосходнейшее средство возвыситься до широкого мировоззрения. Я не могу назвать какое-нибудь другое знание, которое в равной степени возвышало бы и умиротворяло! Астрономия — высокая наука, она освещает и очищает; поэтому ни один человек не должен ее чуждаться!

От звезд исходит великое! Они исчезают в море света городов, в пепле и искрах труб. Небо учит нас космически мыслить. Учитесь космически мыслить, исполняйтесь величия мира, и будут близки вам далекие звезды!

С башни моей одинокой обсерватории я смотрю в вечернюю даль. Краснея, светятся стволы сосен, обрамляющие тихое озеро, далекий колокол гудит среди молчания умирающего дня, тяжелые тени ткут на земле ночной покров, но там, в высоте, по синеве плывут розовые облачка, как лодки с эльфами. Среди глубокого зарева, как тлеющий уголь, огненный солнечный шар скрывается за черными высотами, еще раз загорается на верхушках далеких лесов, и затем умирает, и все кругом окутывается серо-фиолетовою вуалью.

Опускается тихая ночь с бархатными крыльями, и в высоте зажигаются миллионы звезд.

Так, неизменно, в течение тысячелетий, в течение сотен тысячелетий восходят они, эти светящиеся точки, когда замирает день, когда затихает шум суеты.

Пещерные люди ледникового времени бессмысленно смотрели на них. Старые звездочеты Вавилона связывали их в таинственные знаки, для египтян они были путеводителями в их военных походах. Они светили над прекрасным миром Греции. Колумб плыл по ним через неведомый океан. Наполеон смотрел на их мерцание в снеговых пустынях России. С палубы современного океанского парохода и из гондолы дирижабля смотрят вновь на те же звезды, на которые бесчеловечность и людское безумие смотрели в течение всех культур, пронесшихся над Землей, как смена времен года.

Надо мною мерцает созвездие Большой Медведицы. Я смотрю на него так же точно, как тогда, когда я ребенком шел, держась за руку отца, мимо потонувшего в ночной мгле деревенского кладбища. Так же смотрели на него Наполеон и Колумб, и не иначе выглядело оно пред строителями пирамид страны фараонов.

Да, оно все так же выступает пред нами; в той же форме, как и прежде, блещет в высоте это яркое созвездие, хотя мы и знаем, что составляющие его звезды с непостижимой скоростью летят в глубину пространства, стремясь в разные стороны друг от друга. Неужели время от фараонов до Гогенцоллернов так ничтожно в мировом движении, что мировые удары пульса кажутся нам неподвижными?

Да, это так! Что велико и что мало, что медленно и что быстро? Все это — мерилა человеческого ума, все это — масштабы, которые мы устанавливаем для самих себя, для нашего собственного сознания.

Мотылек-однодневка, который переживает только восход и закат солнца, если бы был одарен нашей силой мышления, должен был бы представлять себе картину окружающего ландшафта столь же неизменной. Дуб, на котором мотылек рождается, дуб, который в течение более чем ста лет протягивает свои суковатые ветки, должен был бы казаться мотыльку чем-то вечным, неизменным, как нам звезды, так как в короткие мгновения, которые природа-мать отвела однодневке для жизни и любви, старое дерево стоит без всякой перемены. Но мы знаем, что некогда этот дуб здесь посадили тоненьким прутиком, и знаем, что, одряхлев от старости, он свалится на землю, и станет разлагаться среди прошлогодней травы и мха.

И ты, человек, — тот же мотылек-однодневка! Что значат тысячелетия, что значат миллионы км в сравнении со Вселенной, с вечностью? Миллионы и еще раз миллионы солнц светят во Вселенной, и не может быть сомнения, что они освещают миллионы земель. Тебя удивляет, смущает эта неизмеримость? Но разве менее удивительно, что в снежные метели миллионы и еще раз миллионы дивных звездочек, каждая — совершенный перл искусства, кружатся в шуме бури? А миллионы болезнетворных бактерий, умещающиеся в игольном ушке? Разве такому крошечному существу снежная звездочка не должна казаться мощным сложным миром? Мы не можем отрешиться от своих земных масштабов! Мы судорожно цепляемся за свой аршин, наше ухо приковано к тикающим ударам карманных часов. Земля и только Земля — наш масштаб. Но что такое во Вселенной Земля, это жилище 1500 миллионов людей? Только яблоко, населенное бактериями!

В изумлении стоишь пред исполинскими скалами Альп, подавленный своим ничтожеством и слабостью среди исполинских глетчеров. Но как ничтожны эти горы в сравнении

с самой Землей! Если мы представим гигантский глобус, глобус в 10 м в диаметре, то мы можем высочайшую гору Земли, покрытую облаками, 8840 высотой (Моунт-Эверест) изобразить на нем лишь в виде горошины...

А что такое земной шар в сравнении с Солнцем? Диаметр Солнца — в 109 раз больше земного, 1 300 000 земных шаров можно вместить в Солнце. Если мы положим Солнце на чашку весов, то уравновесить его на другой чашке могут лишь 325 000 земных шаров!..

Вселенная наполнена такими солнцами. Миллионами блещут они, как бриллиантовые осколки, на темном бархатном покрове царицы неба Урании. Солнечный шар, который наша Земля оползает, как комар электрический фонарь — лишь звезда между звездами, не отличающаяся от других и вовсе не огромная среди подобных ей.

Надо мною мерцает золотисто-зеленым светом яркая Капелла, главная звезда в созвездии Возничего; она, оказывается гигантской сестрой Солнца, превосходящей его в диаметре в 20 раз. Насколько ничтожными покажутся нам скалистые пустыни и земной шар, если даже Солнце, в свою очередь, оказывается маленькой звездой!

Снежная звездочка, падая вниз, становится рядом с другой снежной звездочкой, появляются белые хлопья, а из хлопьев рождается покров, покрывающий широкое поле, покров, сотканный из бесчисленных кристалльных звезд. Так и во Вселенной!

Исследование, проникающее в глубины пространства, показывает нам, что все миллионы звезд, которые мы наблюдаем, составляют одно большое облако, остров в море пространства, состоящий из солнц.

Ты хочешь узнать число звезд? Это кажется сначала сравнительно легкой задачей, так как известно, что около 7 000 звезд видны невооруженным глазом вокруг нас на всей Земле; но я иду в свою тихую башню, направляю оптическое стекло телескопа на блестящее пятно над нами, и выплывают тысячи и снова тысячи звездочек, свет которых слишком слаб, чтобы возбудить чувствительность сетчатки

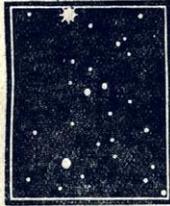
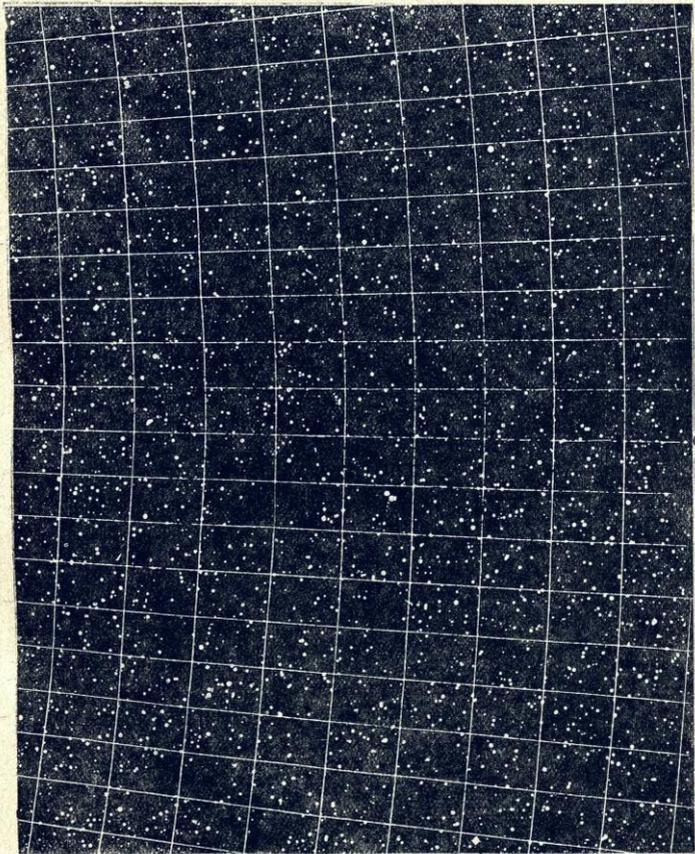

Рис. 1. Часть неба между звездами α и β созвездия Лебеди, какою она представляется невооруженному глазу.

Рис. 2. Та же самая часть неба, снятая при помощи астро-фотографического прибора, одного из сильнейших современных телескопов. Астрофотография открывает в небольшом угле зрения мучной пыли неба снежную метель слабо «ветящихся» точек—«снежную метель миров». Каждая из этих сияющих точек представляет солнце в неизмеримой дали Вселенной.

невооруженного глаза. Я беру новую, более сильную линзу, и за первым выплывают все новые и новые толпы миров. Глаз более не может их охватить. На его место выступает свето-чувствительная пластинка камеры; она покрывается снежной метелью точек, снежной метелью миров, и каждая точка представляет солнце в неизмеримой дали (рис. 1 и 2).

Фотографический небесный атлас, который астрономы целого света составляли с большим трудом, содержит 30 миллионов звезд! И здесь мы не дошли до конца, и даже приблизительные вычисления о числе солнц, наполняющих ту часть мироздания, которую человек в состоянии видеть, доводят число звезд до 200 миллионов. Облако, образованное 200 миллионами солнц, и есть „мир“, видимый нами. Посреди него носится пылинка „Земля“, как спутник одного из этих солнц, и то, что находится в море пространства по ту сторону этого мирового отрезка, этого острова из звезд, исследователям звезд предстоит открывать в будущие столетия.

Сторожевой рог Луны плывет над озером. Шелестят черные тополя: они кажутся задумавшимися мудрецами среди этой дивной ночи. Движение Луны так медлительно, так торжественно, что у меня невольно проносится в сознании мысль: а что, если и на этом ныне мертвом мировом шаре, бледными серебряными лучами которого залиты сейчас поле и лес, озеро и долина, в этом тихом мире Луны некогда поколения людей смотрели на звезды, пытались решать вечные загадки, посылали привет ближайшей соседке-Земле, которая на горизонте Луны стояла так же, как перед нами Луна? Земля в смене дня и ночи показывала обитателю Луны свои моря, земли, свои ледяные массы на полюсах, свои плывущие облака и свои окраски, меняющиеся по временам года. Земля еще и посейчас — могучий, полный жизни мир. Оттуда, из пустых глаз лунного диска, глядит на нас будущее Земли, и кто может сказать: своеобразная мелан-

холия, овладевающая одиноким путником, шагающим в лунную ночь по дубраве, не есть ли предчувствие, что наш величественный мир Земли некогда точно также будет тихим остовом погибшего корабля, бесшумно плывущим по глубинам пространства?!

Никто пока не был в состоянии перейти на этот соседний мир! К крыльям мысли нелегко привязать телесные крылья!

Нашей соседкой является Луна: 384 400 км отделяют её от Земли. Тридцать земных шаров, расположенных друг подле друга, могли бы образовать мост в этот мир смерти. Современный воздушный корабль при непрерывном полете достиг бы ее в 3 месяца. Как близко это в масштабе звездных пространств! Луна — остров, лежащий около материка Земли, это — почти часть ее самой. И если бы мы могли оторваться от Земли, улететь всё дальше в пространство, мы увидели бы, что шар, на котором мы живем, в конце концов плывет, как диск, освещаемый Солнцем, сопровождаемый его верным спутником, который ходит вокруг него, как собака вокруг хозяина. Далек в пространстве мы заметили бы огненный круг Солнца, увидели бы, как Земля по широкому кругу обходит могучее светило, которому она обязана светом и теплом, жизнью и движением. Но как далек этот солнечный шар по сравнению с соседним миром Луны! Чтобы достичь Солнца, мы должны ехать дольше в 400 раз! 149 миллионов км, почти 20 миллионов миль, лежат между ним и нами. 20 миллионов миль! Выговаривая эти цифры, мы уподобляемся нищему, мечтающему о миллиардах, которыми он осчастливит мир. Здесь на Земле, где мы еще видим колокольню нашей родной деревни, у нас нет такой меры, в единицах которой мы могли бы представить себе это пространство. Двадцать миллионов миль! Что это такое? Экспресс нес бы нас 200 лет, семь лет и два месяца жил бы еще человек, в которого в этот момент сделан выстрел с Солнца из современного орудия, так как даже если бы пуля не потеряла ничего в своей быстроте, она только через такой промежуток времени достигла бы Земли. Нити нервов

проходят по нашему телу. Укол иглы, поражающий пальцы нашей конечности, мы чувствуем не там, а в мозгу, и кабельная телеграмма, которая уведомляет об этом происшествии, должна попасть в мозг, чтобы мы почувствовали боль. Опыт учит, как быстро это раздражение передается через нервные пути, — „непостижимо быстро“, по обычному представлению. Представим же себе, что мы имеем руку, достигающую до Солнца, и опускаем палец в кипящее море этого мирового шара. Мы почувствуем боль только 35 лет спустя: так долго должна идти нервная телеграмма, чтобы пролететь расстояние в 20 миллионов миль.

Уже здесь, в ближайшем соседстве с Землей, нам делается жутко, мы можем запутаться и заблудиться в звездном пространстве, но что значат эти числа? Разве менее удивительно, что тысячи миллионов бактерий помещаются в кубическом *мм*, т. е. булавочной головке? Разве менее удивительно, что одна капля нашей крови содержит 165 миллионов красных кровяных телец? Мы должны отвыкнуть от почтения к миллионам, когда нам предстоит блуждать мыслью в лабиринтах природы.

Поднимемся же дальше!

Все глубже и глубже погружаемся мы в звездное пространство. Вот Земля становится ничтожной звездочкой: все радости, все страдания ее 15 сотен миллионов жителей сжимаются в светлую точку. Еще несколько шагов в наших тысячемильных сапогах, — и даже это слабое сияние пропадает. Земля поглощена пламенным морем Солнца и исчезла среди его блистающих крыльев-лучей. Здесь, в этой дали, где 20 миллионов миль, разделяющие Солнце и Землю, имеют длину не более дюйма, твоей крошечной родины, маленький человек, больше не знает. Ее знают также мало, как знаешь ты земли, окружающие Сириус, или планеты гигантских солнц Капеллы.

Мы стоим на границе солнечного царства, там, где совершает свой путь отдаленнейший брат Земли — планета Нептун. Наш могучий солнечный шар, тело которого можно измерить миллионами земных шаров, превратился в желто-

вато-мерцающую звезду. Мы видим, как его обходят широкими кругами планеты и луны, кометы и звездные облака, и узнаем, что мы стоим на границе нашей области планетного царства, что здесь перед нами лежит замкнутая область, семья мировых тел, — кучка цыплят около курицы.

Если же в тысячемильных сапогах нашей фантазии пролететь еще через одно безмерное пространство, то царство Солнца все сжимается, планеты и луны, кометы и облака метеоров становятся невидимыми, и лишь солнечная звезда блесит в ночи пространства, подобно миллионам других. А вокруг нас — зияющая пустота, нас окружает пустыня бесконечности, прорезываемая лишь быстрым, как мысль, полетом метеоров, которые летают от звезды к звезде...

Серп Луны скрылся за вершинами далеких лесов, ночной ветер шумит вдоль широкого фасада моей обсерватории, невидимо стучит вдали на деревенской улице крестьянская телега, и совсем далеко в розовой дымке расстилается светлое море большого города. А в высоте сверкают вечные звезды, сестры нашего Солнца. Там мерцает Полярная звезда, здесь, между Большой и Малой Медведицей, искрится Дракон, с той стороны светит Кассиопея, сверху — сквозь нежное сияние Млечного Пути виден Лебедь, а над головой у меня блесит, как бриллиант чистейшего огня, голубовато-белая великолепная Вега, главная звезда в созвездии Лиры.

Все это не иначе выглядит и в том случае, если мы будем на это смотреть оттуда, где мы остановились в пространстве при нашем воображаемом путешествии. Там созвездия нам представляются такими же, как и здесь, и ничто не изменилось. Звезды так далеки, что 600 миллионов миль, на которые удалена от нас крайняя планета Солнца — Нептун, не меняет нашей перспективы. Смотрю ли я на гигантский город, расположенный внизу, в долине, с левого или с правого угла моей башни, он не делается ближе к далеким высотам на горизонте, и наблюдаю ли я созвездие Медведицы с моей башни или с Нептуна, который медленно катится в серой дымке солнечной дали, — звезды ни на во-

лос не приближаются друг к другу, хотя они висят в пространстве одна за другой, удаленные друг от друга на миллиарды и еще на миллиарды миль.

Как далеко отстоит от нас ближайшая звезда?

Астрономическое искусство измерения небесных пространств может ответить и на этот вопрос. На южном небе, недалеко от великолепного созвездия Южного Креста, в созвездии Центавра сияет светлая звезда. Это ближайший сосед нашего Солнца. Эту звезду астрономы называют Альфа Центавра. Как же далек путь от нашей солнечной системы до нее? Двести семьдесят одна тысяча солнечных пространств. Это — головокружительное число, которого не в силах постигнуть серая масса, которая заключается в костной коробке человеческого черепа. Подойдем к этому иначе, Мы сказали, что 35 лет нужно идти нервной телеграмме, чтобы донести болевое ощущение в нашей гигантской руке от Солнца до Земли; так вот $9\frac{1}{2}$ миллионов лет должна она идти, пока мозг на Земле получит болевую телеграмму, вышедшую из кончика пальца, опаленного в кипящем море

этого солнца на Центавре! Астроному приходится прибегнуть к новой мере, когда он выходит в пространство неподвижных звезд. Эта мера — световой год. Светом, быстрым из всех явлений, он пользуется, как единицей меры. Световой луч, подобно электрической волне, пробегает 300 000 км в одну секунду. В $8\frac{1}{2}$ минут он проходит пространство от Солнца до Земли. Если мы зажжем гигантское пламя на Земле, астроном на Солнце мог бы заметить его через $8\frac{1}{2}$ минут. Пространство же, для прохождения которого светом нужен полный год, мы называем световым годом. Т. к. в году $30\frac{1}{2}$ миллионов секунд, и свет в каждую секунду проходит 300000 км, то это пространство равняется 9500 000 000 000 (словами — девять с половиной миллиардов) км! Так „близко“ не отстоит от нас ни одна из этих светящихся звезд, этих сестер нашего Солнца. Звезда Альфа Центавра, сосед Солнца, удалена от него на 4,3 световых года. Как ничтожно покажется нам теперь пространство в 20 миллионов миль, которое вначале привело нас в жуткое состояние, — пространство между Солнцем и Землей! Представим себе, что солнечный шар отстоял бы от нашей Земли не дальше, чем один наш глаз от другого, тогда мы, пользуясь тем же масштабом, должны были бы этого „соседа“ поместить все же в 16 км от этих глаз.

И это наш „сосед“! Почти на 10 световых лет удален от нас великолепно сияющий Сириус, 14 световых лет отделяет нас от звезды Альтаир в созвездии Орла, 40 световых лет до Полярной звезды и почти 60 лет до Поллукса в созвездии Близнецов. Но все это — соседи нашего Солнца. В глубинах пространства быстро притупляется измерительное искусство звездочета. После расстояния в 100 световых лет он достигает пределов своего искусства, и на место трудных измерений, производимых инструментами исключительной тонкости, сказочной точности, выступает приблизительная оценка. Но немного звезд отстоит от нас так „близко“, что при помощи рычагов и винтов есть возможность определить их место в пространстве; масса миллионов солнц тонет в пепельно-серой бесконечности... Те мелкие звезды, которые

глаз с трудом может рассмотреть в ясную ночь, удалены на 200 световых лет в пространстве, а за ними выступают все новые и новые звездные потоки.

И вот я стою, размышляя, и смотрю на этот мир миров, безмолвно гляжу на сияющую бриллиантовую пыль, которую человеческое исследование превращает в гигантские солнца; бесчисленные, неоткрытые далекие земли светятся и греют, и я, бактерия на яблоке, несущемся по Вселенной, — пытаюсь мысленно управлять этим миром непостижимого. Вот над моей головой звезда; по ней мореплаватель определяет свою дорогу: она так далека, что он видел бы ее еще в течение 40 лет, если бы чья-нибудь всемогущая рука теперь же убрала её с горизонта. В течение 40 лет лился бы последний луч света, исходящий от нее, пока пришло бы известие, о том, что это солнце погасло! И опять мое человеческое повседневное мерило пытается прорваться в этот мир, у которого есть свое собственное мерило, и, не найдя никакой точки опоры, в измерительных цепях, и часах, в милях и годах, я чувствую свое бессилие и ничтожество, Однако, и в повседневной обычной обстановке я окружен такими же потоками звезд и звездными далями! Разве я, тысячи раз не наблюдаю, как миры плывут в малом размере по комнате, когда раннее Солнце широкими золотыми лучами врывается в окно? Миллионы пылинок плывут туда и сюда, падают, поднимаются, двигаются в воздухе спиралями под влиянием невидимых водоворотов, подобно сверкающим звездам. Пусть я буду бактерия, еще более ничтожная, чем все существующие ныне, недоступная никакому микроскопу, пусть я буду посажен на такую пылинку, посреди невидимых других миллионов тел, танцующих в солнечном свете по комнате, — я получил бы впечатление мира миров, кружащегося звездного моря, которое расширяется до неизмеримости. Метры стали бы световыми годами, пылинки — солнцами, секунды — тысячелетиями.

И когда я смотрю в мои проникающие в пространство стекла, звездная рябь раскидывается в глубине, подобно сияющим пылинкам. Если бы они не стояли неподвижно, эти

светящиеся точки, их можно бы сравнить с солнечными пылинками, летающими по моей комнате. Но стоят ли они неподвижно? Нет, с непостижимой быстротой они летят в пространстве, и опять-таки несовершенство наших чувств не в силах отделить кажущееся от действительного.

Далеко в долине я вижу, как во мраке ползет маленькая светящаяся гусеница. Это — ночной экспресс, с шумом, на всем ходу влетающий в большой город. Мне кажется, что он ползет, так как между мною и ним лежат целые мили,

Как же хочешь ты узнать, идут ли, двигаются ли во Вселенной Полярная звезда, отстоящая в 40 световых годах, солнца, удаленные от тебя на 100, на 300 световых лет?! И однако, измерительное искусство астрономов, прощупывающее Вселенную секундомерами, паутинными нитями, изобрело методы, позволяющие измерять движение звезд. Тридцать километров проходит Земля в каждую секунду при годовом движении вокруг Солнца. С подобной же быстротой, которая в среднем, следовательно, в тысячу раз больше быстроты нашего самого скорого поезда, движутся и далекие солнца. Точнейшие измерения показывают, что они медленно изменяют свое место на небе. От двадцати до пятидесяти километров в секунду пробегают миллионы звезд в пространстве, но местами есть еще особенно быстрые скорходы. В созвездии Овна в последнее время открыли маленькую звезду, пробегающую в секунду 110 км. Это тоже сосед Солнца, так: как её от нашего огненного шара отделяют только пять световых лет, и мы знаем, что она гораздо меньше нашего Солнца. Быстрым, как мысль, полетом, она приближается к нашей солнечной системе; в 11000 году она будет отстоять от Солнца только на $2\frac{1}{2}$ световых года, а затем снова умчится дальше и, наконец, затеряется в дали. Как меняется звук свистящего локомотива, с огромной быстротой мчащегося на нас или уходящего от нас, так изменяется свет звезд, когда они приближаются к нам или удаляются от нас. Те стеклянные призмы, которые в старые годы висели у ламп и люстр, преломляя свет в радужные краски, эти стекляшки, которыми мы играли и через кото-

рые мы, прищутив глаза, глядели, чтобы видеть окружающее в пестрой световой окраске, — эти стеклянные призмы в руках исследователя стали орудием, которое вырвало у звезд их тайны, они стали ключами, при помощи которых мы проникли в волшебный замок света. Призма, вставленная в гигантский телескоп, разлагает свет звезд, показывает, какие материалы кипят там в мировой дали, дает возможность узнать, приближаются ли или удаляются от нас эти лучистые солнца. Каким жалким было бы еще и ныне наше знание о звездах без этого так называемого „спектрального анализа“!..

Он научил нас, что мы плывем посреди мощного потока звезд, что одни звезды стремятся прямо к нам, другие уносятся от той сферы пространства, в которой ходит Солнце с его планетами. Появляются чудные линии,двигающиеся налево или направо, к красному или фиолетовому концу цветного полукруга разложенных на свои составные части лучей света.

Благодаря этому, мы знаем, что яркая Вега приближается к нам с каждой секундою на 11 км, Сириус на 8 км, Альтаир в Орле на 33. Мы узнаем, что гигантское солнце Капелла в секунду убегает от нас на 30 км, что сияющий красным светом Альдебаран в созвездии Вола в течение этого маленького времени увеличивает свое расстояние от нас на 55 км. В то время, как я здесь стою и размышляю, смотря, от розовой зари солнечного заката до утреннего тумана, на сверкающие звезды, они как светящиеся червячки в июньскую ночь, летят туда и сюда в пространстве: одни приближаются ко мне на сотни тысяч км, другие удаляются на сотни тысяч км, и, однако, все остается, как прежде.

А я сам, остался ли я на месте? Круговращение Земли умчало меня с собой, оно увело меня по своему годовому пути вокруг Солнца.

А Солнце?.. Стоит ли оно неподвижно, не принимает ли участия в великом ходе звезд, которые плавают, как рыбы в мировом море? На самом деле, и оно летит со всеми своими планетами, лунами и кометами во Вселенной, подобно

окружающим его сестрам. Миллионы км лежат между тем местом, которое оно занимало во Вселенной вчера ночью, и той частью пространства, через которую оно мчится теперь. От удара до удара пульса передвигается оно во Вселенной больше, чем на 20 км. Надо мной сияют созвездия Лиры и Геркулеса. Туда несет меня бешеный полет солнечной звезды, вокруг которой кружится малютка-Земля. Сияющая синеватым светом Вега в созвездии Лиры является маяком, к которому держит путь гигантский корабль солнечной системы.

Ночной ветер воеет в окнах башни, донося до моих ушей обрывки звуков далекого боя часов. Звезды закатываются за леса, звезды восходят из-за полей равнины; вдали, — там, где красный туман тушит вечные звезды, — все еще шумит светящееся море большого города в танцах и работе, струнной музыке и стуке молотков... — Не знающая покоя муравьиная куча! Скоро начнется рассвет, а я хочу еще бросить взгляд на рой звезд — там, где они сплочены гуще всего.

Надо мной светится сверкающая лента Млечного Пути, вьется, изогнутая и разветвленная, со светлыми световыми облаками и темными каналами среди созвездий и, в конце концов, скрывается за горизонтом. Широкая, чудная лента, полная тайны загадка для мечтателя, глядящего пытливым взором на царства звезд! Но пытливый дух разрушает и этот чудный замок. Проникающая пространство сила гигантских телескопов разрывает сверкающий пояс, и он распадается на необозримый сонм звезд, более далеких, чем все другие.

Человеческий глаз видит звезды только от первой до шестой величины, но здесь, при вооружении гигантскими очками, при помощи которых астроном смотрит вдаль, для него начинают сиять все более и более мелкие, все более и более далекие звездочки. Звезды восьмой и десятой, двенадцатой и пятнадцатой величины проходят через поле зрения моего телескопа. Свету необходимо три столетия, чтобы добраться от них до Земли; они светят вам лучами, выпущенными в то время, как началась тридцатилетняя война. Они отстоят от нас на 700 световых годов, и лишь ныне па-

дают на Землю лучи, вышедшие от них тогда, когда на Земле полки рыцарей запада вели крестовые походы против царства полумесяца. Звезды, удаленные на 1000, 2000, 5000 световых лет, скрываются в глубинах пространства, и где глаз оказывается бессильным, там фотографическая пластинка отмечает в самой отдаленной дали все новые и новые звезды, относительно которых мы должны допустить, что они отодвинуты от нас в пространство на 10000, 20000 световых годов. И все они теснятся на световой ленте Млечного Пути, соединяются здесь в спутанные массы, свет которых сливается в матовое сияние.

Северное полушарие звездного неба с Большим и Малым Медведицами.

Пигмей-человек все глубже и глубже проникает в наполненное звездами пространство, своим скудным познанием освещая огромную ночь бесконечности. Он измеряет и считает, проверяет и размышляет. Упорно работают сотни измеряющих и высчитывающих астрономов, исследователей-философов, возводя бесконечно великую мировую постройку.

Главные столбы прежнего здания отступили назад, превратились в призраки, пространства раздвинулись, подведе-

ны фундаменты и, наконец, перед глазами раскинулась истинная постройка мирового здания в ее удивительном величии, поскольку она вообще доступна человеческому уму и человеческому исследованию.

Постепенно было установлено, что все миллионы звезд, обнаруженные нами на небе, в своем целом образуют одно замкнутое в себе тело, обширный остров в пространстве, состоящий почти из 200 миллионов солнц, подобно тому, как облако, плывущее в воздушном надземном море, состоит из миллионов водяных капелек. Этот остров имеет ровный чечевицеобразный вид, и всю эту картину мы называем „системой Млечного Пути“. Представьте себе стеклянную линзу, зажигательное стекло. Такая линза состоит из миллионов стеклянных молекул; так и линза мира Млечного Пути состоит из звезд. Допустим, что мыслящему существу, невероятно маленькому, удалось попасть внутрь нашей стеклянной линзы, удалось прочно утвердиться на стеклянной молекуле посреди линзы. Как представлялась бы ему тогда эта частица стекла, эти „звезды“ зажигательного стекла, распределенные на его „небе“? Так как линза толщиной всего *полсантиметра*, а длиной — пять *сантиметров*, то под собой и над собой для него были бы заметны лишь немногие стеклянные звезды, напротив — большие скопления их он видел бы в продольном направлении линзы, к ее краям, и эти края линзы нашему существу естественно казались бы в виде круга, обнимающего его небо, в виде световой ленты, в виде „Млечного Пути“ из стеклянных молекул.

То же самое и у нас! В перспективе, в продольной широте звездной линзы теснится для нас рой солнц, и мы с нашей солнечной системой плывем, приближаясь к середине огромного тела. Но как велика вся наша система Млечного Пути, какую широту должны мы признать за линзой, состоящей приблизительно из 200 миллионов солнц? Никакое измерительное искусство в мире не может сказать этого с уверенностью, и на место знания должны выступить лишь совершенно грубые приемы счета, хотя в основе их лежат,

конечно, очень тщательные многолетние работы выдающихся исследователей неба. Продольный разрез линзы должно исчислить в 50000 световых годов, поперечный разрез в 10000 световых годов. Величины, которые лежат за пределами человеческих представлений!

Если бы мы могли в продолжение сотен и тысяч лет вылетать в пространство с быстротой света, вылетать за последние звезды Млечного Пути, то мы, в конце концов, увидели бы весь этот звездный остров лежащим над нами в пространстве. Как плоский диск, в общем, чечевицеобразной формы, в которой спирально расположено 200 миллионов солнц, неслась бы система Млечного Пути, подобно острову в пространстве!

А вокруг была бы необъятная даль пустого пространства. Мы не знаем, летит ли этот остров дальше во Вселенную, но мы знаем, что образующие его звезды мощными потоками мчатся друг от друга и часто смыкаются целыми семьями и группами.

Что же, здесь ли конец мира? Начинается ли по ту сторону звездного облака, которое только в 50000 лет пробегаёт световой луч, долетающий в $8\frac{1}{2}$ минут от Солнца до Земли, — начинается ли нечто, ещё непостижимое: небытие? Этого мы не знаем! Здесь предел нашего знания. Однако же, понемногу мы стараемся коснуться и этого „небытия“. Мы видим, что далеко в пространстве плавают обширные световые острова, о которых мы знаем, что они состоят из бесчисленных солнц. Один из этих островов, наиболее красивый и замечательный, можно даже наблюдать при помощи бинокля в созвездии Андромеды. Примерно такую должна казаться и наша система Млечного Пути, если ее рассматривать из колоссальной дали: и здесь мы видим световые ядра и спиральные рукава, отроги и темные каналы. Итак, что же у нас будет с системой Млечного Пути по ту сторону острова Млечного Пути? Быть может, во Вселенной существует так же много систем Млечных Путей, как солнечных систем в Млечном Пути? Этого мы не знаем.

Мы пока лишь робко касаемся этих далей...

Звезды бледнеют там, в холодной высоте. На востоке за-
нимается день. Со скрипом закрывается отверстие в куполе
моей башни. До конца мира унес меня на крыльях фантазии
полет знания. Земля стала далеким шаром с Луной вокруг
нее. Я видел, как вокруг Земли, Луны, других земель и
комет идут по далеким орбитам солнечные звезды. Земля
со всеми своими сестрами шла внизу в той дали, через кото-
рую меня несло мое путешествие, Солнце стало звездой,
одной из 200 миллионов. Они кружились, как пылинки
по ветру, как светящиеся червячки в Иванову ночь. Но мой
полет шел дальше с быстротой мысли. Из миллионов солнц
образовался световой остров во Вселенной, и в неяс-
ных очертаниях вынырнули из неведомой дали новые ми-
ровые острова, доступные скорее предчувствию, чем зна-
нию.

Вот опять стою я на своей одинокой башне и смотрю на
рой звезд Млечного Пути, которые горят так далеко от ме-
ня, что световому лучу нужны тысячелетия, чтобы пробе-
жать от них до нас. И по мере того, как я смотрю в телескоп,
все глубже и глубже проникаю в эту бездну; мне кажется,
что я стою перед всем этим, как муравей перед современной
электрической станцией, в которую его бросил порыв ветра.
Ведь и он может получить некоторое представление о сви-
стящих колесах, тяжелых, стальных руках, поднимающихся
и опускающихся, о грохочущих рычагах, вертящейся, дви-
гающейся, поднимающейся, скользящей путанице стали и
железа, меди и свинца; в его маленьком мозгу тоже рисуется
какая-нибудь грандиозная картина окружающего — кар-
тина, быть может, столь же далекая от действительности,
как и та, в форме которой мы представляем себе систему
мироздания.

Я изучил и узнал, что мир полон миллионами миллио-
нов мировых тел, разделенных огромными пространствами
и летящих в разные стороны с быстротой, в тысячи раз
большой быстроты экспресса. Я узнал, что из космических
масс пыли и туманностей образуются огненные шары газов,
что из них образуются солнца с громадной температурой,

которые постепенно охлаждаются, становятся темными, покрываются плотной корой, на них при особых условиях развивается далее жизнь. Я изучил, и узнал, что погасшие, умершие тела в пространстве то разлагаются в больших космических облаках на свои первоначальные составные части, то превращаются в новые миры, празднуя свое воскресение. Непостижимо великая закономерность управляет бесконечной машиной Космоса. По вечным законам звезды идут своими путями, и вечный закон регулирует их возникновение и гибель, регулирует и сохраняет постоянство Вселенной. Но прежде всего, я узнал, что я — даже неизмеримо малое существо, еще меньше, чем бактерия, живущая на поверхности тыквы, скоропреходящая маленькая частица живой материи, прикрепленная матерью-природой к пылинке, стремящейся по неизвестным путям среди, неизмеримого звездного пространства.

Могу ли я вообще постичь эту Вселенную? Имеют ли вообще мои органы чувств возможность правильно отразить в своем ничтожно-малом зеркальце мировую картину? Удивительная масса в костяной коробке моего черепа вообще в состоянии ли понять этот механизм, который я называю Вселенной, это неизмеримое, бесконечное, вечное?

Как быть, если все то, что я изучил и познал — лишь совершенно кривое отражение действительности, которое мне представляется таким, а не иным, так как зеркало, данное матерью-природой для моего маленького, ограниченного мира бактерий, допускает только такой способ понимания? Как быть, если все „бесконечное“, „вечное“ кажется таким только для меня, для моего масштаба, восприятия? Может быть, пылинки, миллионами плывущие по моей комнате в солнечном луче, являются для существа, еще во много раз более мелкого, точно также млечными путями миров!

Современное исследование показало нам, что в мире мельчайших существ, в действительности, существует бесконечно много солнечных систем. Мы знаем, что все тела составлены из огромного количества ничтожных кирпичиков, которые мы называем атомами.

Стальное перо в моей руке состоит из миллиардов таких атомов, отделенных друг от друга промежутками. Более 11 миллионов атомов водорода, тесно сплоченных друг с другом, улеглись бы на линии в один *мм*. Атом по своей величине относится к яблоку так же, как яблоко к земному шару.

Но и здесь еще нет границы! Все новейшие исследования приводят к познанию того, что атом — не последний кирпичик материи, что он является, в свою очередь, составным телом.

Приходится признать, что есть атомное ядро (протон), около которого движутся еще более мелкие частицы материи, „электроны“. Целое это — солнечная система в миниатюре, состоящая из протонов-солнц и электронов-планет. И в этих бесконечно малых атомных солнечных системах управляют всеми движениями те же самые законы природы, царят те же самые силы, как и в звездных пространствах. Многие утверждают, что явлениями, наблюдаемыми в звездном пространстве при известных условиях, можно воспользоваться для выяснения динамики мира атомов, и наоборот.

И вот, перед нами два мира! Макрокосмос, исследованием которого занимается астроном, и микрокосмос, в который погружены физик и химик. А человек стоит посреди двух миров, из которых один столь же непонятен, как и другой. Один он называет великим, т. к. он больше его мира, а другой малым, т. к. он сам больше его: Но как примитивно это понимание, если мы отрешимся от произвольного масштаба! Разве нельзя вообразить, что мощный организм нашей солнечной системы является атомом, а рой звезд Млечного Пути — одним телом, построенным из атомов? Быть может, есть еще более мелкие миры, чем мир атомов?

В темной пещере, оторванной от всего мира, безвыходно живет мудрец, поставивший своей задачей объяснение мира. Он сам не видит его, но к нему приходят пять вестников знания, которые сообщают ему все, что происходит там, вовне, в мире. Очевидно, наш мудрец в пещере только тогда может получить верную картину мира, если вестники до-

ставляют ему чистую истину, если они ни о чем не умалчивают и ничего не прибавляют. Только тогда может он из этих сведений составить правильную картину мира, если он сам достаточно мудр, чтобы правильно сопоставить и связать эти сведения.

Мудрец в пещере — наш мозг, вестники — чувства. Вывод ясен! Великие философы всех времен, Платон и Спиноза, Кант и Шопенгауер сомневались, что мы познаем мир, как действительно существе. Мы можем познать его только таким, каким он нам кажется, и никогда не можем познать, что он представляет на самом деле. „Объяснить“ мир мы можем только для нас, но в его истинном существе он остается вечно необъяснимым для человеческого ума.

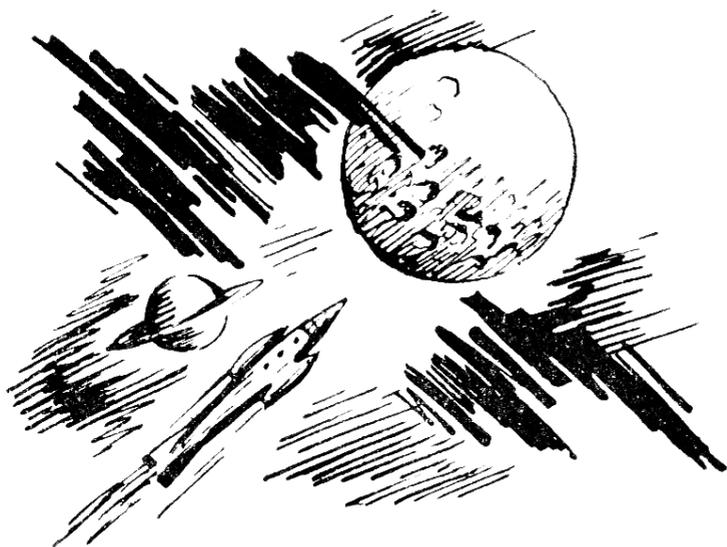
Если так, то зачем же я смотрю в телескоп в этот рой миров, почему я не разобью все эти рычаги и винты, которые дурачат меня, которые извращают мне познание, которые так ничтожны?

— Да, я мал и ничтожен, будучи изолированной отдельной частицей Космоса. Я мал и ничтожен, как индивидуум, противопоставляющий себя Вселенной; но я велик, как часть огромного, неизмеримо величественного целого Вселенной, как часть, не противопоставляющая себя ей, а сливающаяся с нею. Там, глубоко под костной коробкой скелета и черепа, в моем сердце и моем мозгу, бьется и искрится сила, утонченная частица мировой энергии. Она не так могуча, чтобы двигать солнца и планеты, но не менее чудесна, чем ее прародительница — космическая сила, управляющая движением миров: Эта сила заставляет человека искать, сомневаться, бороться со стихией и исследовать ее. Пусть эта сила не дает нам возможности познать самую сущность вещей, обнять всю полноту тайн Вселенной. Но глубоко неправ был философ, вложивший в уста мыслящего человечества печальную фразу “я знаю, что я ничего не знаю”: космически мыслящий человек не может не видеть, какая идея связывает систему мельчайших, незримых глазу частиц атома и систему солнечных миров. Это идея взаимного тяготения, массового сближения и объединения частиц. Сила

эта из ничтожных пылинок создает планетные миры; зажигает сияющие ярким пламенем очаги звездных систем и освещает мрачные бездны Вселенной.

Учитесь космически мыслить, проникайтесь великой идеей космического сближения, всемирного объединения. Исполняйтесь величия мира, и будут вам близки далекие звезды!

*Бруно Бюргель,
Перев. И. Трапезникова.*

СОДЕРЖАНИЕ

Л. КАЛИНИН
ПЕРЕГОВОРЫ С МАРСОМ

(Руководство для начинающих переговоры с соседними планетами)

5

Н. КОНСТАНТИНОВ
ФАБРИКА ВЕТРА

Рассказ

47

М. ЭЙГЕНСОН
КОСМИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ

Фантастическая статья

65

375

И. Н. ХИБАРИН.

МЕЖПЛАНЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

Фантастическая статья

75

Я. И. ПЕРЕЛЬМАН

ПОЛЕТ НА ЛУНУ

(Современные проекты межпланетных перелетов)

Отрывок

95

Лев ГУМИЛЕВСКИЙ

ГОРОД КАРЛА МАРКСА

Отрывок из фантастического романа «Харита»

103

Н. Е.

КАК МЫ СЕБЕ ПРЕДСТАВЛЯЕМ СОЦИАЛИЗМ

Фантастический очерк

115

Д. ЛЕВИН

ПОЛЕТ ГЕРР ДУММКОПФА

Фантастический рассказ

119

С. ЗАЯИЦКИЙ

ДВАДЦАТЬ САНТИМЕТРОВ

Рассказ

141

Марк КРИНИЦКИЙ

ЭЛИКСИР БЕССМЕРТИЯ

Фантастический рассказ

155

376

ЖУРНАЛ «СМЕХАЧ» № 20, 1924 г.
Специальный номер «СССР через 70 лет».

Избранные материалы

165

Валентин КАТАЕВ
НЕУЛОВИМЫЙ ПРОФЕССОР

Авантюрный рассказ

179

Валентин КАТАЕВ
РЕДЧАЙШИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Фантастический рассказ

187

Д. МИХАЙЛОВ
ЗЕЛЕНый ГОРОД
Фантастический рассказ

199

Лев УСПЕНСКИЙ
ХВОСТАТЫЙ ПАССАЖИР

Рассказ

213

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ
ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ

Фантастический рассказ

221

С. БЕЗБОРОДОВ
ОДИН ДЕНЬ
Фантастический рассказ

271

377

М. ПОДГАЕЦКИЙ
ЗОЛОТАЯ ТРЯСИНА

Рассказ

281

Р. ТУРЧАНИНОВ
РАДИО-ЭКРАН «Х-13»

Радио-повесть

297

Д. ДОЛЕВ [ТИГЕР Д.]
АНТИПЫЧ В ОБЛАКАХ
(Будущий аэро-быт)

303

А. ФЕНТЕНКЛЮЗ
ПОЛЕТ НА ЛУНУ: НОВЕЙШИЕ ДАННЫЕ
Фантастический очерк

309

М. БАРСУКОВ
ДОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА
Фантастический рассказ

315

ПРИЛОЖЕНИЕ

БРУНО БЮРГЕЛЬ
ЛЮДИ И ЗВЕЗДЫ
Фантастическая статья
Перевод И. Трапезникова

345